

Лэйни Тейлор

ДОЧЬ
ДЫМА
и КОСТЕЙ

Annotation

По всему миру ангелы сходят с небес и, прикладывая огненную ладонь свою, оставляют символ на дверях...

В пыльной темноте старой лавочки ужасное создание собирает ингредиенты для черных ритуалов темной магии.

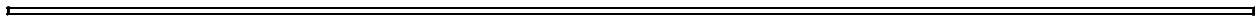
А по запутанным переулкам Праги Кэроу – студентка-художница, спешит на занятия. Она рисует в альбоме чудовищ – и все думают, что они лишь плод ее воображения. Она говорит на многих языках – но не все из них человеческие. У нее ярко-голубые волосы – но это не результат модной краски. Кэроу постоянно исчезает по таинственным «поручениям». Кто же она? И какая роль ей предстоит в грядущей войне между Светом и Тьмой?

- [Лэйни Тейлор](#)
  -
  -
  - [1. Испугать невозможно](#)
  - [2. Своего рода разоблачение](#)
  - [3. Выскочка](#)
  - [4. «Ядовитая кухня»](#)
  - [5. Кое-где](#)
  - [6. Угасший ангел](#)
  - [7. Черные отпечатки](#)
  - [8. Гавриэли](#)
  - [9. Дьявольские врата](#)
  - [10. Девочка на побегушках](#)
  - [11. Пожалуйста](#)
  - [12. Нечто совершенно иное](#)
  - [13. Расхититель могил](#)
  - [14. Смертоносная птица души](#)
  - [15. Другая дверь](#)
  - [16. Падший](#)
  - [17. Мир распался](#)
  - [18. Не сражайся с монстрами](#)
  - [19. Не кто, а что](#)
  - [20. Правда и вымысел](#)
  - [21. В надежде есть свое волшебство](#)

- [22. Карамелька без начинки](#)
- [23. Беспредельное терпение](#)
- [24. Летать легко](#)
- [25. Мира не будет](#)
- [26. Что-то неладное](#)
- [27. Не страх, а сила](#)
- [28. В позе молящейся](#)
- [29. Звездный свет](#)
- [30. Ты](#)
- [31. Совершенство](#)
- [32. Рядом с ним](#)
- [33. Нелепость](#)
- [34. Ну и день!](#)
- [35. Язык ангелов](#)
- [36. Убивать необязательно](#)
- [37. Словно во сне](#)
- [38. Кошунство](#)
- [39. Кровь взыграет](#)
- [40. Почти волшебство](#)
- [41. Алеф](#)
- [42. Пыл, и острота, и всеохватность чувств](#)
- [43. Щелчок](#)
- [44. Цельность](#)
- [45. Мадригал](#)
- [46. Вдруг](#)
- [47. Уничтожение](#)
- [48. Чистая](#)
- [49. Зубы](#)
- [50. В сахаре](#)
- [51. Серпантин](#)
- [52. Безумие](#)
- [53. Любовь – стихия](#)
- [54. Как по писаному](#)
- [55. Дети печали](#)
- [56. Сотворение](#)
- [57. Фантом](#)
- [58. Победа и возмездие](#)
- [59. Пока не изменится мир](#)
- [60. Нашедшего прошу вернуть](#)

- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

Лэйни Тейлор

Дочь дыма и костей

Laini Taylor
Daughter of Smoke & Bone

© Laini Taylor, 2010

© Школа перевода В. Баканова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Как-то раз ангел и дьявол влюбились друг в друга.
Ничем хорошим это не кончилось.*

1. Испугать невозможно

Шагая по запорошенной снегом мостовой, Кэроу не мучилась мрачными предчувствиями. Обычный день, ничего особенного. Если не считать того, что понедельник – да к тому же январский. Зябко, темно – в зимнюю пору солнце появляется не раньше восьми, – зато какая красота вокруг! Раннее утро и снегопад сделали Прагу призрачной, как на старинных фотографиях – размытых и серебристых.

По оживленной набережной с грохотом проносились трамваи и автобусы, знаменуя начало нового дня двадцать первого века. А безлюдные переулочки, заснеженно-спокойные, казалось, принадлежали совсем другой эпохе. Снег, и камень, и блуждающие огоньки, завиток пара от кофе – в одиночестве Кэроу свободно плыла по течению будничных мыслей. Временами вспоминалась обида, и сердце внезапно пронзало болью, но она гнала прочь эти чувства, полная решимости покончить с ними.

В одной руке она несла стаканчик с кофе, другой придерживала борта норовившего распахнуться пальто. На плече висел портфель, с какими ходят художники, а волосы – распущенные, длинные, переливисто-синие – покрывались ажурным узором снежинок.

Обычный день.

И вдруг... Рык, торопливые шаги сзади, резкий захват – чьи-то руки прижали ее к широкой груди, рванули шарф, и она почувствовала зубы – зубы! – у себя на шее.

Преследователь *покусывал* ее.

Стало противно. Она попыталась вырваться и не расплескать при этом кофе, но часть напитка все же пролилась на грязный снег.

– Боже, Каз, отстань! – взмолилась Кэроу.

– Как ты меня узнала?

Свет фонаря мягко освещал холеное лицо бывшего бойфренда. «Дурацкая красота, – думала Кэроу, отталкивая его. – Дурацкое лицо».

– Кому еще такое придет в голову?

Подобными выходками Казимир зарабатывал себе на жизнь, и его удручало, что на Кэроу они не действовали.

– Тебя не испугать, – пробубнил он и надул губы – перед таким выражением лица, по его мнению, устоять было невозможно.

Прежде она бы и не пыталась. Приподнялась бы на цыпочки и дотянулась языком до обиженно выпяченной губы, неторопливо облизала

бы ее, захватила зубами и растаяла в томном поцелуе, как согретый солнцем мед.

Те дни давно прошли.

– Может, ты просто не страшный, – бросила она и пошла дальше.

Каз, засунув руки в карманы, догнал ее и пристроился рядом.

– Что значит – не страшный? Как я рычу? А как кусаюсь? Кого угодно хватит удар. Просто у тебя ледышка вместо сердца.

Не дождавшись ответа, он добавил:

– Мы с Йозефом открываем новую экскурсию – «Вампиры Старого города». Туристы на нее поведутся.

«Еще бы», – подумала Кэроу. Туристы выкладывали хорошие деньги за эти блуждания в ночи по хитросплетениям пражских улочек с остановками в местах предполагаемых убийств, где из дверей внезапно выскакивали «привидения» и нагоняли на них страху. Она сама несколько раз играла роль такого привидения – держала в поднятых руках окровавленную голову и стенала до тех пор, пока вопли неподдельного ужаса не переходили в смех. Забавно.

Раньше с Казом было весело. А теперь – нет.

– Удачи тебе, – произнесла она ровным тоном, не повернув головы.

– Ты могла бы поучаствовать, – не унимался Каз.

– Нет.

– Сыграла бы сексапильную вампиршу...

– Нет.

– Мужиков сводила бы с ума...

– Нет.

– Надела бы свой плащ...

Кэроу замерла.

– Ты ведь его не выбросила, нет, зайка? Никогда не видал ничего прекрасней – черный шелк на бледной коже...

– Заткнись, – прошипела она и остановилась посреди Мальтийской площади.

«С ума сойти, – думала девушка. – Какая глупость – влюбиться в ничтожного, смазливого уличного актера, оставить ему такие воспоминания. Поразительная глупость. Исключительная».

Каз приготовился стряхнуть снежинку с ее ресниц.

– Только тронь, и я выплесну кофе тебе в лицо.

– Тпру, тпру, моя резвая Кэроу. – Он опустил руку. – Когда ты перестанешь взбрыкивать? Сказал же, я сожалею.

– Вот и сожалею. Только в другом месте.

На чешском – не родном для нее языке – она говорила ничуть не хуже Каза.

Он вздохнул, раздраженный тем, что Кэроу так и не приняла извинения. В его сценарий это не входило.

– Да будет тебе! – уговаривал он грубоватым и вместе с тем бархатно-мягким голосом, каким часто поют блюзовые исполнители. – Мы предназначены друг другу, ты и я.

Предназначены. Кэроу всей душой надеялась, что если она кому-то и «предназначена», то не Казу. Она окинула взглядом прекрасного Казимира, чья неотразимая улыбка раньше действовала как зов, на который невозможно не откликнуться. Рядом с ним цвета казались ярче, чувства – острее. Вскоре обнаружилось, что ко всему прочему место это – рядом с ним – было еще и популярным, и другие девушки при случае с удовольствием его занимали.

– Пусть вампиршу играет Светла. Ей и учить эту роль не надо.

Каз смотрел страдальческим взором.

– Не нужна мне Светла. Мне нужна ты.

– Увы. Я – не вариант.

– Не говори так. – Он потянулся к ее руке.

Кэроу отпрянула, сердце опять кольнуло, несмотря на все старания заглушить чувства. «Не стоит, – твердила она себе. – Ни вот столечко не стоит».

– Это называется преследование. Понимаешь?

– Брось, никого я не преследую. Просто мне по пути.

– Ладно, – буркнула Кэроу. До школы оставалось рукой подать.

Художественный лицей Богемии – частное учебное заведение – размещался в розовом дворце в стиле барокко, знаменитом тем, что во время нацистской оккупации два чешских борца за независимость перерезали горло гестаповскому офицеру и его кровью вывели на стене слово «свобода». Ликование было недолгим – отважных бунтарей вскоре поймали и посадили на металлические наконечники ведущих во внутренний двор ворот. Теперь вокруг этих самых ворот слонялись студенты, курили, поджидали друзей. Но двадцатилетний Каз не был студентом и, насколько Кэроу знала, никогда не просыпался раньше полудня.

– Странно, что ты уже на ногах...

– У меня новая работа, – заявил он. – Рано начинается.

– Вампирские туры по утрам?

– Нет. Кое-что другое. Своего рода... разоблачение.

Он торжествующе ухмылялся. Не мог дождаться, когда она спросит, что за работа.

Не тут-то было.

Кэроу – воплощенная невозмутимость и спокойствие – ответила:

– Тогда счастливо! – И ускорила шаг.

– Неинтересно, какая работа? – крикнул он ей в спину. Ухмылка все еще не сошла с его губ – она чувствовала это по голосу.

– Нисколько, – отрезала девушка и вошла в ворота.

Лучше бы она спросила.

2. Своего рода разоблачение

По понедельникам, средам и пятницам первым уроком у Кэроу стояло рисование с натуры. Войдя в студию, она увидела свою подругу Зузану, которая уже застолбила для них места – выставила мольберты поближе к подиуму натурщика. Кэроу скинула с плеча портфель, сняла пальто, размотала шарф и объявила:

– Меня преследуют.

Зузана вздернула бровь. Она была мастерицей вздергивать брови, чему Кэроу страшно завидовала – ее собственные брови не двигались порознь друг от друга и мешали в полной мере выражать недоверие и презрение.

Зузана строила и ту и другую гримасу в совершенстве, однако на этот раз бровь ее изогнулась мягко, что означало всего-навсего легкое любопытство.

– Неужели Болван опять пытался напугать тебя?

– Теперь он прикидывается вампиром. Цапнул меня за шею.

– Актеры... – проворчала Зузана. – Говорю же, давно пора угостить его электрошокером. Чтоб не повадно было набрасываться на людей.

– У меня нет электрошокера. – Кэроу не стала пояснять, что вполне может постоять за себя, не прибегая к электричеству. В ее арсенале были кое-какие иные умения.

– Так купи. Точно тебе говорю – за плохое поведение нужно наказывать. Заодно и повеселишься. Разве неинтересно? Мне, например, всегда хотелось обработать кого-нибудь электрошокером. 3-3-з! – Зузана притворно забилась в конвульсиях.

– Нет, маленькая садистка, вряд ли это весело, – покачала головой Кэроу. – Какая ты все-таки жестокая!

– Не я жестокая. Каз жестокий. Надеюсь, тебе не нужно напоминать? – Она испытующе посмотрела на Кэроу. – Ты ведь не собираешься прощать этого лузера?

– Нет, – заверила Кэроу. – Вот бы еще он это понял.

Каз был не в состоянии постичь, как девушка может отказаться от общения с ним – таким неотразимым парнем. А Кэроу только укрепила его самомнение: все проведенные с ним месяцы она смотрела на него сквозь розовые очки влюбленности, отдавала ему... все. Теперь его домогательства представлялись ей плодом ущемленной гордости. Ему во что бы то ни стало хотелось доказать самому себе: он получит все, что ни

пожелает. И принимать решения будет только он.

Пожалуй, Зузана права. Стоит проучить его электрошокером.

– Альбом! – скомандовала Зузана, протянув руку, как хирург за скальпелем.

Лучшая подружка Кэроу, несмотря на свою миниатюрность, обожала верховодить. В сапогах на платформе она едва дотягивала до пяти футов, и хотя рост Кэроу был лишь на шесть дюймов больше, на фоне Зузаны она казалась гораздо выше – как кажутся высокими балерины. Нет, балетом Кэроу не занималась, но походила на балерину – впрочем, только изяществом фигуры. Не часто встретишь балерину с ярко-синими волосами и украшенными множеством татуировок руками и ногами.

Пока она доставала из портфеля альбом, взорам окружающих открылись лишь две татуировки, выколотые на запястьях как браслеты, – по одному слову на каждом: «правда» и «вымысел».

Двое студентов, Павел и Дина, подошли ближе. Альбомы Кэроу были в школе предметами культа: их передавали из рук в руки, ими ежедневно восхищались. Сегодняшний – девяносто второй в серии длиною в жизнь – был перевязан резинками, и стоило только Зузане снять их, как он раскрылся: каждая страница с таким слоем грунтовки и краски, что переплет, казалось, не выдержит тяжести и развалится. Альбом развернулся веером, на страницах замелькали фирменные персонажи Кэроу, блистательно изображенные и очень странные.

Среди них – Исса, женщина-змея с обнаженными полушариями груди, как на резных иллюстрациях к Камасутре, с ангельским лицом, но с капюшоном и ядовитыми зубами кобры.

Ссутулившийся Твига с шеей жирафа, в прищуренном глазу – линза ювелира.

Ясри с клювом попугая и человеческими глазами. Из-под платка выбились оранжевые кудряшки, в руках – блюдо с фруктами и кувшин с вином.

И, конечно, Бримстоун – звезда альбомов. Здесь он был изображен вместе с Кишмишем, усевшимся на один из его огромных бараньих рогов. В фантастических историях, которые Кэроу рассказывала в своих альбомах, Бримстоун был Продавцом желаний. Иногда она называла его просто «ворчуном».

Этих созданий Кэроу рисовала с самого детства, и ее друзья говорили о них так, словно они существовали на самом деле.

– Чем занимался Бримстоун в выходные? – спросила Зузана.

– Тем же, чем и всегда, – ответила Кэроу. – Скупал у убийц зубы.

Вчера один гнусный тип – браконьер из Сомали – принес ему несколько зубов нильского крокодила, а заодно попытался что-то стащить, так змеиный хомут чуть не удавил идиота. Повезло ему, что остался жив.

Зузана нашла иллюстрацию к этой истории на одной из последних страниц: сомалиец стоял, закатив глаза, а тонкая змея туго обвилась вокруг его шеи, словно гаррота. Кэроу рассказывала, что при входе в лавку Бримстоуна посетителям надевают на шею одну из Иссиных змей. Так их легче приструнить, если начнут вести себя подозрительно: придушить (не обязательно до конца) или укусить при необходимости, – а это уже смертельно.

– Как тебе удастся такое выдумывать, маньячка? – изумленно и не без зависти спросила Зузана.

– Кто сказал, что я выдумываю? Говорю же – все происходит на самом деле.

– Да-да, конечно. И волосы у тебя на голове всегда росли такого цвета.

– Естественно! – ответила Кэроу, пропустив длинную синюю прядь между пальцами.

– Ага.

Кэроу пожала плечами, собрала волосы на затылке в лохматый узел и закрепила, проткнув кистью. Волосы у нее на самом деле росли именно такого цвета – чистый ультрамарин, как из тюбика с краской, но она говорила об этом, насмешливо улыбаясь, – выкладывала правду, не боясь, что ей поверят, заодно и в собственной лжи не путалась. Без улыбки и шального воображения Кэроу никто и представить не мог.

В действительности шальным было вовсе не ее воображение, а сама жизнь – синие волосы, и Бримстоун, и все остальное.

Зузана передала альбом Павлу, а сама принялась искать чистую страницу в своем собственном огромном блокноте для рисования.

– Интересно, кто сегодня позирует?

– Наверное, Виктор, – предположила Кэроу. – Что-то давно его не было.

– Давно. Хоть бы он помер уже.

– Зузана!

– Что? Ему восемь миллионов лет. Труп рисовать и то веселей, чем этот жуткий мешок с костями.

В лицее работало около десятка натурщиков – мужчин и женщин всех возрастов, разной комплекции, – и они постоянно менялись. Начиная от пышнотелой мадам Свободник до фееподобной Элиски с осиной талией, любимицы мужской половины студентов. Больше всего Зузана не нравился

дряхлый старец Виктор. Она утверждала, что после уроков с его участием ее мучили кошмары.

– Как будто мумию размотали. – Она передернула плечами. – Разглядывать с утра пораньше голого старикана – прекрасное начало дня!

– Лучше, чем быть укушенной вампиром, – отозвалась Кэроу.

Ее не напрягало работать с Виктором хотя бы потому, что близорукий старик никогда не смотрел в глаза студентам, – а это уже хорошо. Она была готова провалиться под землю, когда, оторвав взгляд от пениса молодого натурщика (не оставишь ведь это место на рисунке пустым), замечала, что он безотрывно смотрит на нее. У Кэроу вспыхивали щеки, и она пряталась за мольберт.

Но те случаи оказались сущими пустяками по сравнению со стыдом, который ей пришлось испытать сегодня.

Она затачивала карандаш и вдруг услышала странный, сдавленный голос Зузаны:

– Черт возьми, Кэроу!

Кэроу мгновенно все поняла.

Разоблачение – так, кажется, он сказал. Умно! Рядом с мадам Фиалой стоял босой, одетый в халат Каз. Длинные золотистые волосы, которые совсем недавно трепал ветер и усеивали искрящиеся снежинки, были стянуты в пучок на затылке. Славянское лицо сочетало в себе ангельские черты и мягкую чувственность: скулы, словно выточенные гранильщиком алмазов, губы, к которым так и хотелось прикоснуться кончиками пальцев – проверить, бархатистые ли они на ощупь... Бархатистые – это Кэроу знала точно. Дурацкие губы...

По студии пронесся приглушенный шум голосов: *«Новый натурщик, надо же, какой красавчик...»*

– Разве это не парень Кэроу? – громко шепнул кто-то.

Бывший парень, хотелось крикнуть Кэроу. Не представляете, до какой степени бывший...

– Кажется, да. Только посмотри на него...

А Кэроу и смотрела. И надеялась, что на лице у нее застыла маска отчужденного спокойствия. *«Не смей краснеть»*, – приказывала она себе. – *«Не смей краснеть»*. Каз уставился прямо на нее, от улыбки на одной щеке появилась ямочка, в глазах – благодушие и радость. Поймав ее взгляд, он нахально подмигнул.

Вокруг захихикали.

– Каков мерзавец! – возмутилась Зузана.

Каз ступил на подиум. Не отрывая взгляда от Кэроу, развязал пояс,

сбросил халат. И вот ее бывший парень предстал перед классом, красивый и обнаженный, как Давид. На груди, чуть выше сердца – новая татуировка.

Витиеватая буква «К».

Вновь смешки. Студенты не знали, на кого смотреть – на Кэроу или на Казимира, – и переводили взгляды с одной на другого, ожидая, что же будет дальше.

– Тишина! – гневно скомандовала мадам Фиала, хлопнув в ладоши.

Кэроу покраснела. Сначала жар прилил к груди и шее, потом вспыхнуло лицо. Каз буравил ее взглядом, и ямочка на щеке стала еще глубже, когда он, к своему удовольствию, заметил, что Кэроу нервничает.

– Позы для минутных набросков! – объявила преподавательница. – Прошу, Каз!

Он принял первую позу – динамичную, как и полагалось, – повернул туловище, напряг мускулы, вытянул руки, изображая действие. В таких разминочных упражнениях студентам важно передать движение, а для Каза замечательная возможность повыпендриваться. «Что-то не слышать, как карандаши шуршат по бумаге», – подумала Кэроу. Неужели остальные девочки в студии тоже глупо пялились на него, как и она?

Кэроу опустила голову, взяла остро заточенный карандаш – подумав, что сейчас с удовольствием использовала бы его по другому назначению, – и приступила к рисованию. Легкие, плавные линии, как и на всех набросках в альбоме. Девушка делала штрихи внахлестку, словно зарисовывала танец.

Каз проводил немало времени перед зеркалом, прекрасно владел своим грациозным телом и знал, как произвести впечатление. Тело, как и голос, входит в набор актерских инструментов. Вообще-то, актер из Каза никудышный, иначе стал бы он заниматься вампирскими турами и участвовать в низкобюджетных постановках «Фауста»! Зато натурщик – что надо. Это Кэроу знала точно, ведь она не однажды его рисовала.

Его тело напомнило Кэроу картины Микеланджело в первый же раз, когда она увидела Каза... разоблаченным. В отличие от других художников эпохи Возрождения, писавших свои работы с изящных, женоподобных натурщиков, Микеланджело словно специально выбирал широкоплечих каменщиков, и каким-то удивительным образом ему удавалось запечатлеть их чувственными и одновременно элегантными. Таков был и Каз: чувственный и элегантный.

И лживый. И самовлюбленный. А уж если начистоту – ко всему прочему и дурак.

– Кэроу! – громко шепнула англичанка по имени Хелен, пытаясь

привлечь ее внимание. – Это он?

Кэроу не отреагировала и как ни в чем не бывало продолжала работать карандашом. Натурщик все еще ухмылялся, неотрывно глядя на нее. Она изо всех сил делала вид, что не происходит ничего необычного.

Запиликал таймер, и Каз неторопливо накиннул халат. Кэроу надеялась, что ему не придет в голову расхаживать по студии. «Стой где стоишь», – мысленно приказала она. Бесплезно. Он уже фланировал в ее сторону.

– Здорово, Болван! – бросила Зузана. – Много платят?

Не удостоив ее ответом, Каз обратился к Кэроу:

– Нравится моя новая татуировка?

Студенты поднялись со своих мест, но не поспешили, как обычно, на перекур, а стали топтаться неподалеку.

– Еще бы, – ответила Кэроу беспечным тоном. – «К» – значит «Казимир», насколько я поняла?

– Смешная девчонка! Ты знаешь, что значит эта буква.

– Что ж, – задумчиво произнесла Кэроу, приняв позу мыслителя, – мне известен только один человек, которого ты по-настоящему любишь, и его имя как раз начинается с буквы «К». Но ее, по-моему, следовало нарисовать совсем не возле сердца.

Девушка взяла карандаш и вывела букву «К» на своем последнем рисунке – на образцово вылепленной ягодице Каза.

Зузана хохотнула, а Каз стиснул зубы. Как большинство самовлюбленных людей, он не выносил шуток.

– Татуировка есть не только у меня, да, Кэроу? – Он перевел взгляд на Зузану. – Она тебе показывала?

Зузана изогнула бровь – на этот раз подозрительно.

– Не знаю, о чем ты, – солгала Кэроу. – У меня много татуировок.

Она не стала демонстрировать ни «правду» с «вымыслом», ни змею, обвившую лодыжку, ни другие скрытые произведения искусства. Вместо этого подняла обе руки, ладонями от себя: на каждой был изображен глаз цвета индиго, что, в сущности, превращало ладони в хамсы – древние символы для защиты от сглаза. Обычно татуировки на ладонях стираются быстро, но только не у Кэроу: они у нее были всегда. Она подозревала, что с рождения.

– Не эти, – отмахнулся Каз. – Я имею в виду надпись «Казимир», прямо над сердцем.

– У меня нет такой. – Кэроу постаралась, чтобы ее голос звучал озадаченно, расстегнула верхние пуговицы на блузке и отодвинула лямку лифчика. Кожа в этом месте была молочно-белой.

Каз заморгал глазами.

– Не понял... Как тебе удалось?..

– А ну, иди сюда! – Зузана схватила Кэроу за руку.

Пока они пробирались между мольбертами, однокурсники не сводили с них любопытных взглядов.

– Кэроу, вы расстались? – зашептала по-английски Хелен, но Зузана властным жестом приказала ей замолчать и потащила подругу прочь из студии.

В женском туалете, все еще не опуская бровь, Зузана возмущенно спросила:

– Что это еще за новости?

– Какие новости?

– Какие?! Ты практически разделась перед ним!

– Не раздевалась я!

– Да ладно! А что за тату над сердцем?

– Ты же видела – нет там ничего.

О том, что так было не всегда, Кэроу умолчала: не хотелось выглядеть глупой в глазах подруги. И объяснять, как сводила татуировку.

– Отлично. Не хватало еще выколоть имя этого идиота на своем теле. Он думает, что стоит только тебя поманить – и ты побежишь за ним вприпрыжку!

– Конечно! – ответила Кэроу. – На его взгляд, это вполне по-рыцарски.

– Пожалуйся Фиале, она его мигом выгонит.

Такая мысль уже мелькала у Кэроу, но она отрицательно покачала головой. У нее в запасе был куда лучший способ выставить Каза – и из студии, и из своей жизни. Большинству людей такое не под силу.

– Хотя модель он – что надо. – Зузана подошла к зеркалу и смахнула со лба выбившиеся прядки темных волос. – Тут уж ничего не поделаешь.

– Да. Если бы еще он не был таким прохвостом.

– И распоследним пустозвоном, – подхватила подруга.

– И выскочкой.

– Вот именно, выскочкой, – хохотнула Зузана.

Неожиданно Кэроу пришла в голову одна идея, и от подруги не ускользнула едва заметная недобрая ухмылка на ее лице.

– Что? – спросила Зузана.

– Ничего. Пойдем.

– Уверена? Тебе необязательно возвращаться.

– Пустяки.

Каз получил все, чего хотел добиться, устроив этот маленький

спектакль. Теперь настала очередь Кэроу. Войдя в студию, она прикоснулась к своему ожерелью – разноцветным африканским бусам. По крайней мере, выглядели они как африканские. Бусы эти были не совсем простые.

3. Выскочка

На оставшуюся часть занятия мадам Фиала попросила Каза занять полулежачее положение, и он, накинув халат, устроился на шезлонге, в позе не сказать чтобы вульгарной, но в определенной степени двусмысленной, чуть ли не с призывным выражением на лице. На этот раз смешков не последовало, однако Кэроу почудилось, что по классу прошла горячая волна. Словно девочкам – и уж точно одному из парней – не помешало бы остудиться под вентилятором. Саму Кэроу это не касалось. Каз бросил на нее томный взгляд из-под ресниц, она уже не отводила глаз – смотрела прямо на него.

Приступив к работе, она старалась изо всех сил – раз уж их отношения начались с рисунка, пусть им и закончатся.

Впервые они встретились в баре Moustache: он сидел через два столика от нее, с закрученными вверх злодейскими усами – сейчас, по прошествии времени, это казалось предостережением. Но ведь не зря бар носил такое название. Даже Кэроу забавы ради надела усы доктора Фу Манчу, приобретенные в торговом автомате. Позже, тем вечером, она наклеила одни и вторые усы в свой девяностый альбом, и с тех пор по образовавшемуся бугру можно было легко определить, когда началась их с Казом история.

Он пил с друзьями пиво, и очарованная Кэроу его нарисовала. Рисовала она всегда и везде, не только Бримстоуна и других существ из своего тайного мира, но также сцены и людей из обычной жизни. Соколиных охотников и бродячих музыкантов, длиннородых православных священников, случайно встреченного холеного юношу.

Обычно она делала это незаметно, и люди даже не догадывались, что их рисуют, однако на этот раз холеный юноша поймал ее взгляд и, улыбаясь в усы, направился напрямик к ней. Как он был польщен ее рисунком! Показал его своим друзьям, уговорил Кэроу присоединиться к их компании, не выпускал ее руку из своей. Так все и началось: она боготворила его, а он наслаждался этим.

Разумеется, он не уставал повторять, что она красавица. Иначе он бы вообще к ней не подошел. Внутренняя красота его не интересовала. Кэроу была прелестной девушкой. Нежная, стройная, с длинными волосами цвета небесной лазури и глазами звезды немого кино, она грациозно двигалась, и на ее губах скользила загадочная улыбка сфинкса. Лицо не просто

миловидное – полное жизни, с искрящимся, ясным взглядом. Она по-птичьи вскидывала голову, а ее темные подвижные глаза, казалось, скрывали какую-то тайну.

Кэроу и впрямь была загадкой. Семьи ее никто никогда не видел, о себе она ничего не рассказывала и мастерски уклонялась от расспросов. Другьям лишь удалось выпытать, что она, скорее всего, появилась на свет из головы Зевса. Из ее карманов то и дело сыпались диковинные вещицы: древние монеты, зубы, крошечные нефритовые тигры размером с ноготь. Начав торговаться с африканцем – уличным продавцом солнцезащитных очков, она вдруг выказывала свободное владение языком йоруба. Однажды, раздевая ее, Каз обнаружил спрятанный в сапоге нож – попробуй испугать такую! Об этом же, разумеется, говорили и шрамы на животе: три лоснящихся бугорка, которые могли остаться только от пуля.

Порой Каз зачарованно спрашивал:

– Кто ты?

На что Кэроу с неизменной задумчивостью отвечала:

– Я не знаю.

Она и в самом деле не знала.

Сейчас она торопливо рисовала, то поднимая глаза на модель, то опуская их на работу, не избегая взгляда Каза. Она хотела видеть его лицо.

И уловить миг, когда выражение лица изменится.

Запечатлев на рисунке позу натурщика, она подняла левую руку (правая тем временем продолжала рисовать), прикоснулась к ожерелью и зажала одну из бусин между большим и указательным пальцами.

А затем загадала желание. Совсем небольшое.

Бусины представляли собой всего лишь скаппи. Каждое желание имело свой номинал – как деньги, – но скаппи и до центов не дотягивали, потому что, в отличие от монет, мелкие желания в большое не сложить. Если центы в сумме составляют доллары, то даже несколько нитей со скаппи все равно будут лишь россыпью пустяковых, почти бесполезных желаний.

К примеру, можно вызвать что-нибудь вроде кожного зуда. Этого Кэроу и пожелала Казу, и бусина исчезла у нее между пальцами. Девушка впервые загадала такое желание и, решив проверить, сработает ли, начала с того места, которое он не постесняется почесать – с локтя. Как и следовало ожидать, он поелозил локтем по подушке, почти не изменив позы. Кэроу усмехнулась и продолжила работу.

Несколько секунд спустя она зажала между пальцами вторую бусину и повелела, чтобы у него зачесался нос. Бусина пропала, ожерелье слегка

укоротилось. У Каза задергалось лицо. Некоторое время он изо всех сил старался не шевельнуться, но не утерпел, быстро поскреб нос и мгновенно вернулся в прежнюю позу. Призывное выражение как ветром сдуло, и Кэроу пришлось прикусить губу, чтобы сдержать улыбку.

«Ах, Казимир, – подумала она, – не стоило тебе сюда приходить. Уж лучше бы ты проспал».

Загадав очередное желание, она встретила с Казом глазами. Бровь его напряженно выгнулась. Кэроу наклонила голову, словно спрашивая: «Что такое, милый?»

На этот раз зудело место, чесать которое на публике стыдно. Каз побледнел. Бедрa его сомкнулись, усидеть неподвижно не было никакой возможности. Кэроу дала ему небольшую передышку и продолжила рисовать. Только он расслабился и разжал ноги, как она принялась за него снова. Увидев напряженное лицо натурщика, Кэроу с трудом подавила смех.

Еще одна бусина исчезла у нее между пальцами.

И еще.

«Это тебе не только за сегодняшний день», – думала она.

За душевную боль, которая до сих пор неожиданно пронзала сердце; за ложь, спрятанную за улыбкой; за зрительные образы, от которых она никак не могла избавиться; и за чувство стыда из-за собственной наивности.

Одиночество гораздо хуже, когда ты возвращаешься к нему после бурного романа, – все равно что снять и снова натянуть на себя мокрый, холодный купальник.

«А еще, – думала Кэроу уже без улыбки, – это тебе за то, чего уже никогда не вернешь».

За утраченную девственность.

В тот первый раз на ней был только черный плащ, и она чувствовала себя такой взрослой – наравне с подружками Каза и Йозефа, самоуверенными славянскими красотками Светлой и Франтишкой, которых, казалось, невозможно ни смутить, ни рассмешить. Неужели она на самом деле хотела быть похожей на них? Притворялась такой же, как они, играла роль девушки – женщины, – которой ни до чего нет дела. Относилась к своей девственности так, словно та удерживала ее в детстве.

Она не ожидала, что пожалеет об этом. Да сперва и не жалела. Сам акт не разочаровал ее, но и не произвел большого впечатления. Это был лишь новый этап близости. Тайна для двоих.

По крайней мере, так она думала.

– Ты сама на себя не похожа, Кэроу, – при первой же встрече обратился

к ней Йозеф, друг Каза. – Ты будто... светишься изнутри.

Глупо и самодовольно улыбаясь, Каз ткнул приятеля локтем в бок, и Кэроу поняла, что он проболтался. И не только ему – девчонкам тоже. Те понимающе кривили ярко покрашенные губы. Светла, с которой она позже его застукала, с серьезным видом сообщила, что черные плащи снова входят в моду, после чего Каз слегка покраснел и отвел взгляд в сторону.

Никому, даже Зузане, Кэроу об этом не рассказывала: сначала потому, что это была их с Казом тайна, а потом просто стало стыдно. Однако Бримстоун все-таки догадался – каким-то непостижимым образом – и не упустил возможности прочитать ей нотацию. Кстати, весьма любопытную.

Продавец желаний говорил настолько низким голосом, что казалось, это лишь тень от звука: в нижнем регистре, почти у порога слышимости.

– Жизненных правил мне известно не много, – начал он. – Но одно я все-таки знаю. Запомнить его несложно: не суй в себя ничего лишнего. Ни ядов, ни химикатов, ни дыма, ни алкоголя, ни острых предметов. Ненужных игл – для наркотиков и татуировок – и... ненужных пенисов тоже.

– Ненужных пенисов? – восторженно переспросила Кэроу, на миг забыв о своей печали. – А разве бывают нужные?

– Когда найдется нужный, ты об этом узнаешь, – ответил он. – Не растрачивай себя, дитя. Дождись настоящей любви.

Восторг испарился. Она-то думала, что уже встретила любовь.

– Ты поймешь, когда она придет, – пообещал Бримстоун.

Как же хотелось ему верить! Ведь у него за плечами не одна сотня лет. Никогда раньше Кэроу не думала, что у Бримстоуна тоже могла быть любовь, а теперь надеялась, что за свой век он накопил кое-какую житейскую мудрость и был прав.

Из всех сокровищ мира ее сиротская душа жаждала только одного: любви. Которой от Каза, разумеется, она так и не получила.

Кончик карандаша с хрустом сломался – так усердно работала она над своим рисунком, и в то же мгновение приступ ярости обернулся скоропалительным залпом желаний, укоротившим бусы до размеров колье. Каз, схватив в охапку одежду, бросился к выходу, не думая о своей наготе и спеша найти место, где можно дать волю рукам.

Хлопнула дверь, огорошенные студенты уставились на пустой шезлонг. Мадам Фиала удивленно таращила глаза поверх очков, и Кэроу стало стыдно.

Наверное, она перегнула палку.

– Что это с Болваном? – спросила Зузана.

– Без понятия, – ответила Кэроу, потупив взгляд.

Каз остался на бумаге – во всей своей чувственности и утонченности, словно ожидающий любовницу. Рисунок мог получиться хорошим, но она его испортила – слишком затемнила контуры. Изображение утратило изящество линий и превратилось в хаотичную мазню, в которой затерялся его... ненужный пенис. Интересно, что сказал бы Бримстоун? Он всегда выговаривал ей за бездумную трату желаний. В последний раз она загадала, чтобы у Светлы за ночь выросли густые и широкие, как толстые гусеницы, брови.

– Женщин, Кэроу, сжигали на позорном столбе и не за такое, – проворчал Бримстоун.

«Повезло, что мы не в Средневековье», – подумала она.

4. «Ядовитая кухня»

На других уроках в этот день ничего особенного не случилось. После двух лабораторных по химии и колористике Зузана отправилась на занятия в класс кукольников, а Кэроу – на живопись. Через три часа они вновь оказались в том же холодном зимнем сумраке, что и утром.

– В «Ядовитую кухню»? – осведомилась Зузана, едва ступив за порог лица.

– Спрашиваешь! Я просто умираю с голоду, – ответила Кэроу.

Закрываясь от ледяного ветра, девушки направились в сторону реки.

Улицы Праги – фантазия, почти не тронутая двадцать первым веком. Да и двадцатым, и девятнадцатым тоже, если уж на то пошло. Город алхимиков и мечтателей, с булыжными мостовыми времен Средневековья, по которым бродили големы и мистики, которые топтали иноземные захватчики. Высокие здания – золотистые, карминные, бледно-голубые – украшены лепниной в стиле рококо, увенчаны красными крышами. Барочные купола зеленоватые, цвета подернутой патиной меди; острия готических шпилей готовы принять изгнанных с небес ангелов. Ветер несет воспоминания о чародеях, революционерах, скрипачах, а мощные улочки вьются между домами словно ручейки. Бродячие музыканты в моцартовских париках, исполняющие камерную музыку, свесившиеся из окон марионетки – город-театр с кукловодами за бархатной ширмой.

Над всем этим на холме высится шипастый силуэт замка, по ночам утопающего в призрачном свете прожекторов. В тот вечер раздувшееся от снежных туч небо висело низко, и вокруг фонарей образовались радужные кольца.

«Ядовитая кухня» на берегу Чертовки – место, на которое редко кто наткнется случайно. Чтобы найти его, нужно нырнуть под низкую каменную арку. Оттуда за обнесенным стенами церковным кладбищем виднеются огоньки кафе. К сожалению, у туристов отняли шанс забрести сюда нечаянно – путеводитель «Лоунли плэнет» обнародовал его адрес:

«Храм, относившийся к средневековому монастырю, сгорел около трехсот лет назад, однако стены монашеской обители уцелели, и теперь тут располагается оригинальнейшее кафе, аналог которому вы вряд ли где-либо встретите. Интерьер украшен классическими статуями, щеголяющими в противогазах времен Первой мировой войны из личной коллекции владельца заведения. Легенда гласит, что монастырский повар лишился

рассудка и отравил всех обитателей монастыря гуляшом. Какое, по-вашему, тут фирменное блюдо? Конечно, ГУЛЯШ! Располагайтесь на бархатном диване и положите уставшие ноги на гроб. Вполне возможно, что черепа в шкафу за барной стойкой принадлежат убитым монахам. А может быть, и нет...»

И последние полгода под арку то и дело совали нос любопытные бэкпекеры^[1], жаждущие увидеть какое-нибудь мрачное проявление Праги, чтобы написать об этом на открытке домой.

Однако сегодня здесь было затишье. В углу супружеская пара иностранных туристов фотографировала своих детей, натянувших противогазы; у бара, сгорбившись, сидели несколько мужчин. Большинство столов – в виде гробов, – дополненных низкими диванчиками с бархатной обивкой, пустовали. Повсюду стояли римские статуи: боги и нимфы высотой в человеческий рост с отломанными руками и крыльями, а посреди зала высилась копия конной статуи Марка Аврелия с Капитолийского холма.

– Вот здорово, Мор свободен! – воскликнула Кэроу, направляясь к скульптуре.

Массивный император – в противогазе, как и его конь, – всегда напоминал Кэроу сеющего чуму первого всадника Апокалипсиса. Девочки любили столик в его тени – место хоть и уединенное, но с прекрасным обзором всего кафе сквозь конские ноги – удобно, если вдруг зайдет какая-нибудь интересная личность.

Они сбросили портфели и повесили пальто на каменные пальцы Марка Аврелия. За барной стойкой одноглазый владелец поднял руку, и они помахали в ответ.

Девочки приходили сюда вот уже в течение двух с половиной лет – с первого года обучения в лицее. Тогда им было всего по пятнадцать. Кэроу только что приехала в Прагу и никого здесь не знала. Чешский все еще оставлял во рту странный привкус незнакомой пряности. Этим языком она овладела совсем недавно, не обучаясь, а загадав желание, – в день рождения Бримстоун всегда пополнял ее коллекцию иностранных языков.

Раньше Кэроу училась в Англии, в школе-интернате, и хотя британским английским владела безупречно, все-таки больше пользовалась американским вариантом, на котором разговаривала в детстве, поэтому одноклассники считали ее американкой. Но это было не так. Она не принадлежала ни одной стране, все ее документы были поддельными. А единственный язык, который она выучила с рождения, к человеческим не относился.

Зузана была родом из Чески-Крумлова, очаровательного городка на юге Богемии, из старинной династии мастеровых, занимавшихся изготовлением марионеток. Ее старший брат поверг семью в шок, поступив на службу в армию, но сама Зузана жить не могла без кукол. Она и продолжила семейную традицию. Как и Кэроу, в лицее Зузана никого не знала, и так уж получилось, что в самом начале первого семестра им обоим поручили расписать стену в одной из местных начальных школ. Целую неделю по вечерам девочки рисовали, стоя на стремянках, а после работы стали заходить в «Ядовитую кухню». Тогда и началась их дружба. Позже хозяин кафе попросил их разрисовать стены уборной скелетами в обмен на месяц бесплатных ужинов – он рассчитывал, что они не забудут дорогу сюда. Так и случилось – уже два года они оставались верны заведению.

Взяв по порции гуляша, девочки обсуждали выходку Каза, волосы в носу учителя химии (Зузана утверждала, что их можно заплести в косички) и идеи проектов на предстоящий семестр. Вскоре разговор плавно перешел к новому красавцу скрипачу в оркестре Пражского театра марионеток.

– У него есть девушка, – скорбно произнесла Зузана.

– С чего ты взяла?

– В перерывах он только и делает, что строчит эсэмэски.

– Ну и что? А вдруг он разоблачил преступника и шлет ему загадочные послания, чтобы вывести из себя, – предположила Кэроу.

– Ага, конечно. Как я сама не дотумкала?

– Я хочу сказать, почему сразу девушка? Могут быть и другие объяснения. В конце концов, давно ты стала такой застенчивой? Поговори с ним!

– И что я скажу? Прохлаждаемся, красавчик?

– Хотя бы.

Зузана фыркнула. В театре она работала ассистентом кукловода и незадолго до Рождества по уши втрескалась в скрипача. Обычно не стеснительная, девушка едва перебросилась с ним несколькими фразами.

– Наверное, он думает, что я маленькая, – жаловалась она. – Не представляешь, каково это – быть ростом с ребенка.

– С марионетку, – сказала Кэроу.

Никакого сочувствия к подруге по этому поводу она не испытывала. Миниатюрная Зузана казалась ей совершенством, она была как лесная фея, которую так и хочется посадить себе в карман. Впрочем, бешеная и кусачая фея.

– Да, очаровательная кукла Зузана! Посмотрите, как она танцует.

Зузана сделала ломаное движение руками, словно марионетка-

балерина.

– Ух ты! – воскликнула Кэроу. – Вот что тебе нужно для проекта! Сделай огромного кукловода, а сама будешь марионеткой. Понимаешь? Кукольное представление наоборот. Такого ни у кого не было. Ты – кукла, танцующая на нитях, только на самом деле твои движения заставляют двигаться кукловода.

Зузана замерла. По выражению ее лица Кэроу поняла – подруга представляет себе картинку.

- Кукла будет просто громадная, – задумчиво произнесла она.
  - Сделаю тебе макияж – не отличишь от игрушечной балерины.
  - А как же ты? Идея ведь твоя.
  - Дарю! Не хватало мне только мастерить огромную марионетку.
  - Тогда спасибо. А для себя ты что-нибудь придумала?
- Нет, не придумала.

В прошлом семестре на курсе костюмеров Кэроу соорудила крылья ангела. Оснастка, с помощью которой крылья крепились на спине, позволяла поднимать и опускать их. В полностью разложенном виде ее творение давало пышный размах в двенадцать футов. Она надела крылья, чтобы продемонстрировать Бримстоуну, но так и не добралась до него. В передней ее остановила Исса – добрейшая Исса! – и зашипела, раскрыв капюшон кобры:

– Ангел! Ну и кощунство! Сейчас же сними! О, милая девочка, не могу смотреть на тебя.

Такое поведение выглядело очень странно. Теперь крылья занимали целую стену над кроватью в крошечной квартирке Кэроу.

В текущем семестре ей нужна была тема для серии рисунков, но пока в голову ничего не приходило. Размышляя над тем, что бы такое придумать, Кэроу услышала перезвон колокольчиков у двери. В кафе вошли несколько человек, а за ними мелькнула стремительная тень, не ускользнувшая от взгляда девушки. По размерам и очертанию тень напоминала ворона.

Кишмиш!

Кэроу выпрямилась и посмотрела на подругу.

Увлечшись идеей кукольного представления, Зузана делала наброски в блокноте и едва откликнулась, когда Кэроу сообщила, что ей нужно ненадолго выйти.

Кэроу отправилась в уборную, тень последовала за ней, приземистая и незаметная.

Тело и клюв у посыльного Бримстоуна были как у ворона, крылья перепончатые, как у летучей мыши, а язык раздвоен. Он словно сошел с

картины Иеронима Босха. Взяв из его лап записку, Кэроу заметила, что бумага проколота острыми, как ножи, когтями.

Чтобы прочитать послание, ей хватило двух секунд: «Срочное дело. Приходи».

– «Пожалуйста» от него не дождешься, – заметила она.

Существо по-вороньи наклонило голову, будто спрашивая: «Так идешь или нет?»

– Иду, иду, – буркнула Кэроу. – Можно подумать, я когда-то отказывалась.

Мгновение спустя она объявила Зузана, что ей пора.

– Уже? – удивилась Зузана. – А десерт?

На крышке гроба стояли две тарелки с яблочным штруделем и чай.

– Не могу, – с сожалением отозвалась Кэроу. – У меня поручение.

– Вечно ты со своими поручениями. Что такого срочного могло произойти?

Телефон Кэроу тоже лежал на крышке гроба, и Зузана поняла, что никто ей не звонил.

– Дела, – ответила Кэроу.

Приставать с расспросами Зузана не стала, по опыту зная – это бесполезно.

Кэроу всегда уезжала по делам. Иногда на несколько часов, но чаще пропадала сутками и возвращалась усталая и растрепанная. Могла вернуться бледной или загоревшей, хромой, со следом от укуса, а однажды приехала с температурой, которая никак не сбивалась, – выяснилось, что у девушки малярия.

– Где ты сподобилась подхватить тропическую болезнь? – вопрошала Зузана, на что Кэроу ответила:

– В трамвае, наверное. На днях одна старушка как чихнет прямо мне в лицо.

– Так малярией не заражаются.

– Знаю. Все равно было противно. Думаю, не купить ли мне мопед, чтобы не ездить на трамваях.

На этом разговор закончился. Дружить с Кэроу не означало знать о ней все.

– Ладно. Съем оба штруделя. Если растолстею, виновата будешь ты, – вздохнув, проворчала Зузана, а Кэроу направилась к выходу. Тень, похожая на воронью, скользнула в дверь перед ней.

5. Кое-где

Кишмиш взмыл в небо и исчез из виду. Кэроу с завистью смотрела вслед. Какой силы должно быть желание, думала она, чтобы получить дар летать? Куда большей, чем те, которые ей позволялось исполнять.

На скаппи Бримстоун не скупился – обновляй ожерелье из наполненных бусинами чайных чашек сколько душе угодно. За поручения он расплачивался с ней бронзовыми шингами. Шинг – монета чуть большего достоинства, чем скаппи. Кустистые брови Светлы – наглядный пример того, на что он способен. Удаление татуировки и синие волосы Кэроу – тоже. Но вот монету, которая могла сотворить настоящее волшебство, Кэроу так ни разу и не заполучила. Да ей бы и не удалось – это нужно заработать, а она хорошо знала, как люди зарабатывают исполнение желаний. В основном отстрелом животных, расхищением могил и убийствами.

Ах да, был еще один способ: особая форма членовредительства, для которой нужны плоскогубцы и отчаянная целеустремленность.

Все происходило совсем не так, как пишут в книжках. На перекрестках дорог странников не поджидали ведьмы, жаждущие отблагодарить за то, что те не отказались разделить с ними скромную трапезу. Джинны не вылетали из бутылок, и золотые рыбки не предлагали выкуп за свою жизнь. В мире существовало лишь одно место, где исполнялись людские желания: лавка Бримстоуна. И расплачивались здесь не золотом, не загадками или прочей сказочной чепухой и, уж конечно, не душами. Все было куда удивительнее.

Валютой были зубы.

Кэроу перешла через Карлов мост, села в трамвай и отправилась в Еврейский квартал, средневековое гетто, которое теперь со всех сторон теснили пышные, как торты, многоквартирные дома в стиле ар-нуво. У черного хода одного из них Кэроу остановилась. Простая металлическая дверь – ничего особенного. Если самой открыть ее со стороны улицы, окажешься в проплесневевшей прачечной. Но девушка постучала и стала ждать: когда дверь открывали изнутри, входящий попадал в совершенно другое место.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Исса, словно сошедшая с рисунков из альбомов Кэроу, похожая на античную статуэтку богини-змеи.

– Здравствуй, дорогая.

– Здравствуй, – с нежностью ответила Кэроу и поцеловала ее в щеку. – Кишмиш вернулся?

– Да. Замерз как ледышка. Холодно у вас.

Исса – хранительница врат – провела Кэроу внутрь, закрыла дверь, и они вдвоем оказались в передней – помещении размером не больше чулана. Дверь, ведущая дальше, открывалась только в том случае, если входная дверь была плотно закрыта – как защитная крышка в вольере, что не дает птицам разлететься.

– Как прошел день, милая?

Змеи обвивали руки Иссы, кишели в ее волосах, а одна опоясывала тонкую талию, словно цепочка на исполнительнице танца живота. Перед тем как открыть внутреннюю дверь, каждому гостю надевали на шею змею – всем, кроме Кэроу, единственной из людей, кто входил в лавку без ошейника. Ей доверяли. В конце концов, она здесь выросла.

– Денек сегодня тот еще, – вздохнула Кэроу. – Каз такое сотворил! Представляешь, явился на урок рисования – натурщиком к нам устроился.

Исса, разумеется, не встречалась с Казом лично, но была знакома с ним заочно – по рисункам в альбомах, – как и он с ней. Только в отличие от Каза, который считал Иссу и ее совершенные груди плодом эротических фантазий Кэроу, она знала, что Каз действительно существует.

Они с Твигой и Ясри, как и друзья Кэроу из числа людей, обожали рассматривать ее альбомы, но по другой причине. Их интересовали сцены из обычной жизни: прячущиеся под зонтиками туристы, куры на балконах жилых домов, играющие в парке дети. Иссе особенно привлекали обнаженные модели. Образ обычной человеческой фигуры, лишенной элементов других биологических видов, казался ей незавершенным. Рассматривая Кэроу, она то и дело заявляла: «По-моему, милая, оленьи рога тебе будут к лицу» или: «Из тебя получилась бы чудная змея», – словно предлагала попробовать сменить прическу или помаду.

Сейчас глаза Иссы яростно вспыхнули.

– Пришел в школу, говоришь? Мышиный паштет! Ты его нарисовала? Покажи!

В гневе ли, нет ли, она не упускала возможности взглянуть на обнаженного Каза.

Кэроу протянула альбом, который тут же раскрылся.

– Испортила самую интересную часть! – разочарованно проговорила Исса.

– Поверь, ничего выдающегося.

Исса прыснула, в это время со скрипом отворилась дверь, и Кэроу

ступила через порог, как обычно при переходе ощутив едва уловимый приступ тошноты.

Она уже находилась не в Праге.

Раньше Кэроу жила в лавке Бримстоуна, но до сих пор не понимала, где она расположена. Знала только, что дверь в нее есть в любом месте мира. В детстве она часто старалась выпытать у Бримстоуна, где точно находится лавка, на что неизменно получала небрежно брошенное: «Кое-где».

Бримстоун не был любителем отвечать на вопросы.

Лавка, где бы она ни находилась, представляла собой помещение без окон с беспорядочным нагромождением полок. Наверное, так выглядит место, куда зубная фея складывает свою добычу – если, конечно, она приходит не только к людям. Ядовитые зубы гадюк, собачьи клыки, бороздчатые моляры^[2] слонов, длиннющие желтые резцы экзотических грызунов – все это было разложено по ящичкам, аптекарским шкафчикам, нанизано гирляндами на нити, свешивающиеся с крюков, и укупорено в сотни склянок, которые можно встряхивать как маракасы.

В тени изогнутого потолка мелькали крошечные существа, то и дело царапая миниатюрными коготками по каменному своду. Как и Кишмиш, малютки совмещали в себе черты разных животных: скорпионов и мышей, гекконов и крабов, жуков и крыс. В сырости водостоков сидели улитки с головами лягушек-быков, бесчисленные колибри с крыльями мотыльков бились о фонари, отчего те, поскрипывая медными цепями, раскачивались из стороны в сторону.

В углу, изогнув несуразно длинную шею, работал Твига: очищал и скреплял золотыми полосками зубы, чтобы нанизать на кетгут^[3].

Из кухонного закутка, в котором полновластно хозяйничала Ясри, доносился звон посуды.

Слева за массивным дубовым столом восседал сам Бримстоун. Кишмиш примостился на своем обычном месте, на правом роге хозяина. На столе стояли лотки с зубами и ларчики с самоцветами. Бримстоун собирал из них ожерелье.

– Кэроу, – произнес он, не поднимая головы, – по-моему, я писал «срочное дело».

– Поэтому я и приехала срочно.

– Прошло уже... – он посмотрел на карманные часы, – сорок минут.

– Я была на другом конце города. Подари мне крылья – буду гонять быстрее Кишмиша. А лучше дай гавриэль.

Гавриэлем звалась вторая по могуществу монета желаний, с помощью которой можно заполнить способность летать.

Не отрываясь от работы, Бримстоун заметил:

– Сдается мне, летающая девушка в вашем городе незамеченной не останется.

– Нет ничего проще! – ответила Кэроу. – Два гавриэля – и я стану еще и невидимой.

Бримстоун поднял взгляд. В золотисто-желтых крокодильих глазах с вертикальными щелками зрачков веселья не наблюдалось. Кэроу знала: никаких гавриэлей он не даст. Она и не надеялась их получить, просто обвинения были несправедливы. Ведь она примчалась по первому требованию.

– Разве тебе можно доверить гавриэли? – спросил он.

– Конечно. Что за вопрос?

Она почувствовала на себе оценивающий взгляд. Бримстоун словно перебирал в уме ее прежние желания.

Иметь синие волосы: желание легкомысленное.

Избавиться от прыщей: желание глупое.

Чтобы свет выключался сам собой и не нужно было вставать с кровати: желание ленивое.

– Что-то бусы у тебя коротковаты. Выдался тяжелый день?

Рука Кэроу взметнулась вверх. Слишком поздно.

– Ничего от тебя не скроешь.

Без сомнений, старый черт точно знал, на что она потратила скаппи, и продолжил мысленное перечисление:

Устроить бывшему парню чесотку в интимном месте: желание мстительное.

– Такая мелочность тебя недостойна, Кэроу.

– Он заслужил, – бросила она, забыв о прежнем стыде. По словам Зузаны, за плохое поведение нужно наказывать, и Кэроу добавила: – Ты ведь не спрашиваешь своих поставщиков, что они собираются загадывать. Уверена, заставить человека чесаться – сущие пустяки по сравнению с их желаниями.

– Надеюсь, ты им не чета, – без затей ответил Бримстоун.

– Но поручиться не сможешь?

Поставщики зубов, заходившие в лавку, за редким исключением, представляли собой наисквернейшую часть человечества. Хоть у Бримстоуна и был небольшой круг давних помощников, которые не вызывали у девушки чувства омерзения (к примеру, старая торговка

алмазами – несколько раз она даже выступала в роли бабушки, чтобы записать Кэроу в школу), в большинстве своем сюда являлись подлые, гнусные типы с запекшейся под ногтями кровью. Они убивали и калечили, в карманах носили клещи, чтобы рвать зубы у мертвецов, а иногда и у живых. Кэроу питала к ним отвращение, и, уж конечно, она была лучше их.

– Докажи – используй желания на добрые дела, – предложил Бримстоун.

– Тебе ли говорить о добрых делах! – рассердилась Кэроу и указала на ожерелье, которое он сжимал в гигантских когтистых руках: крокодилий зубы – скорее всего из Сомали, волчьи клыки, конские моляры и гематитовые бусины. – Интересно, сколько из-за тебя сегодня погибло животных. Не говоря уже о людях.

Исса удивленно ахнула. Кэроу понимала – лучше попридержать язык, но остановиться не могла.

– Нет, правда. Ведешь дела с убийцами, и даже не взглянешь на горы трупов, которые они оставляют за собой. Притаился тут как тролль...

– Кэроу!

– Я их видела – множество мертвецов... А девочки с окровавленными ртами! В жизни не забуду. Для чего все это? Что ты делаешь с зубами? Расскажи, может, я пойму. Должна же быть какая-то причина...

– Кэроу, – вновь произнес Бримстоун. Он не сказал «замолчи» – он прекрасно передал это голосом, а затем неожиданно встал.

Кэроу притихла.

Когда она смотрела на Бримстоуна, то видела в нем не зверя, а существо, которое по каким-то неизвестным причинам растило ее с младенчества и делало это не без нежности. Но порой он лишал ее дара речи – когда говорил таким тоном, как сейчас. Его голос проникал внутрь ее сознания и заставлял осмыслить полную, страшную правду о нем.

Бримстоун был монстром.

Если бы он, Исса, Твига и Ясри вышли из лавки на улицу, люди бы так их и назвали: монстры. Демоны, или бесы. Сами себя они называли химерами.

Человеческими у Бримстоуна были только руки и массивный торс, хотя покрывала их не кожа, а скорее шкура. Квадратные грудные мышцы рассечены застарелыми шрамами. Плечи и спина тоже в шрамах, образующих сморщенную светлую сетку. Бедра с львиными мускулами, с выцветшей шерстью золотистого оттенка, но вместо мягких кошачьих лап они заканчивались ступнями, которые могли принадлежать хищной птице или ящерице, а может, дракону – эта версия Кэроу нравилась больше всего.

Что касается головы: баранья голова была покрыта не шерстью, а такой же грубой коричневой шкурой, как и все тело. Глаза – от рептилии, вокруг плоского овечьего носа блестела чешуя, огромные рога свивались спиралями.

На цепочке болтался комплект ювелирных линз в темных оправках – единственное украшение, если не считать еще одной вещицы. Она не бросалась в глаза, потому что не блестела: старая грудная птичья кость, так называемая «счастливая косточка», которую он носил на шее. Кэроу не понимала, зачем она ему, знала только, что трогать эту вещицу строго-настрого запрещено, и оттого ей страстно хотелось до нее дотянуться. В детстве, сидя на коленях у Бримстоуна, она то и дело предпринимала попытки схватить кость, но Бримстоун всегда оказывался проворнее – Кэроу так и не удалось даже пальчиком достать до нее.

Повзрослев, она проявляла большую воспитанность, однако время от времени все еще ловила себя на желании потрогать вещицу. Впрочем, не сейчас. Напуганная неожиданным движением Бримстоуна, она почувствовала, как бунтарский дух покидает ее. Отступив на шаг, девушка робко спросила:

– Так что там за срочное поручение? Куда ехать?

Он бросил ей чемоданчик, набитый разноцветными купюрами, которые при ближайшем рассмотрении оказались евро. Множеством евро.

– В Париж, – буркнул Бримстоун. – Приятного путешествия!

6. Угасший ангел

Приятного?

«О да, – ворчала про себя Кэроу тем же вечером, волоча триста фунтов контрабандной слоновой кости вниз по ступеням парижского метро. – Приятно, ничего не скажешь».

Из лавки Бримстоуна Исса выпустила ее через ту же дверь, но очутилась она вовсе не в Праге, а в Париже.

Сколько раз ни проходила она через портал, нервная дрожь не становилась меньше. Дверь вела во множество городов, и Кэроу побывала во всех, иногда по поручению, иногда для удовольствия. Бримстоун отпускал ее рисовать в любую точку мира, если только там не шла война. Когда ей хотелось поесть манго, он открывал дверь в Индию с тем условием, что и ему достанется немного фруктов. Она ходила за покупками на восточные базары, а здесь, в Париже, на блошиных рынках искала мебель для своей квартиры.

Захлопнувшись, дверь уже не вела в лавку. Лавка существовала в другом месте – «кое-где», как думала о нем Кэроу, – и никакие чары не помогали проникнуть туда с этой стороны. Никто не мог силой вломиться в лавку. Пришедшему удавалось лишь войти в обыкновенную дверь, которая вела вовсе не туда, куда он надеялся попасть.

Даже Кэроу наверняка не знала, пожелает ли Бримстоун ее впустить. Порой, сколько бы она ни стучала в дверь, та никак не открывалась. Впрочем, пока он ни разу ее не бросил, и она надеялась, что так будет и в дальнейшем.

На этот раз ей предстояло участвовать в подпольном аукционе на окраине Парижа. Кэроу уже бывала на таких мероприятиях, и они всегда проходили одинаково. Толклись там сплошные отбросы общества: бывшие диктаторы и воры в законе с претензиями на интеллигентность. Оплата, естественно, только наличными. Предметы аукциона – винегрет из краденых музейных экспонатов: рисунок Шагала, высушенный нёбный язычок какого-то обезглавленного святого, комплект бивней взрослого африканского слона.

Вот-вот. Комплект бивней взрослого африканского слона.

Кэроу вздохнула. О цели поездки Бримстоун не упомянул, сказал только, что сама догадается. Так и случилось. Похоже, скандала в общественном транспорте не избежать.

В отличие от других участников аукциона, ее не ждал ни черный лимузин, ни пара здоровяков телохранителей, чтобы носить тяжелый груз. В ее распоряжении были лишь бусики из скаппи да природное обаяние – ни того, ни другого не хватало, чтобы убедить таксиста ехать с открытым багажником, из которого торчат семифутовые слоновьи бивни. Поэтому раздосадованная Кэроу тащила их шесть кварталов до ближайшей станции метро. Уличный музыкант опустил скрипку и, указав на завернутые в холстину и обмотанные скотчем бивни, осведомился:

– Эй, красотка, что там у тебя?

– Любопытные музыканты, – ответила она, не останавливаясь.

Порой дело оборачивалось куда хуже. Бримстоун отправлял ее за зубами в жуткие места. Однажды, получив огнестрельное ранение в Санкт-Петербурге, она спросила:

– Неужели моя жизнь так мало значит для тебя?

Не успел вопрос сорваться с языка, как она пожалела, что задала его. Пусть ее жизнь действительно ничего не стоила, она не хотела, чтобы Бримстоун признался в этом. Вместе с Иссой, Твигой и Ясри он заменил Кэроу семью. Если даже ее считали рабыней, которую не жалко потерять, знать об этом она не желала.

Его ответ не подтвердил, но и не опроверг ее страхи:

– Жизнь? Тело, ты имеешь в виду? Это всего лишь конверт, Кэроу. Твоя душа – другое дело, а ей, насколько мне известно, ничто не угрожает.

– Конверт?

Такая мысль удручала. Кто угодно мог разорвать конверт и вынуть содержимое.

– Мне казалось, ты тоже так считаешь, – продолжил Бримстоун. – Вон как пишешь по нему.

Непонятно, почему Бримстоун не одобрял ее татуировки, ведь первая – глаза на ладонях – была на его совести. По крайней мере, Кэроу так думала, хотя и сомневалась: отвечать на вопросы, даже самые простые, он не любил.

– Ладно, забудь, – ответила Кэроу со страдальческим вздохом. Именно со страдальческим: огнестрельная рана причиняла боль. Но пожаловаться, что Бримстоун столкнул ее лицом к лицу с опасностью неподготовленной, она не могла: восточным единоборствам ее обучали с детства. Сэнсэй объяснил с самого начала, что этим не хвастаются, и друзья были бы весьма удивлены, если бы узнали, что плавность ее движений и грациозная осанка – результат тренировки смертоносных навыков. Впрочем, против огнестрельного оружия карате бессильно – в этом она имела несчастье

убедиться.

Вылечилась Кэроу быстро, с помощью жгучей мази и, как она подозревала, колдовства, однако то происшествие поколебало юношеское бесстрашие, и теперь она исполняла поручения с большей осторожностью.

Подошел поезд. Она втащила свою ношу в вагон, стараясь не думать о том, что завернуто в холст, и о жизни, оборвавшейся где-то в Африке. Хотя, возможно, произошло это давно. Кэроу знала: в нынешние времена благодаря браконьерам у слонов редко вырастают бивни такой величины. Убивая самых крупных самцов, они изменили их генофонд. А она была соучастницей кровавого промысла: везла в парижском метро контрабандный товар – части вымирающих животных.

Пока поезд бежал по темным туннелям, она безотрывно смотрела в окно, стараясь гнать эти мысли подальше. Каждый раз, когда они посещали ее, жизнь казалась гнусной и отвратительной.

В прошлом семестре, смастерив крылья, Кэроу придумала себе прозвище «Угасший ангел», и оно вполне ей подходило. Крылья она делала из настоящих перьев, которые позаимствовала у Бримстоуна, – в течение долгих лет их носили ему торговцы. В детстве она играла с ними, пока до нее не дошло, что из-за этих перьев убивали птиц, исчезали целые виды.

Теперь она уже не была так наивна, как та девочка, играющая с перьями на полу в логове дьявола. Однако что делать, она не знала. В этом состояла ее жизнь: колдовство, и стыд, и тайны, и зубы, и глубокая, мучительная пустота внутри.

Кэроу страдала от чувства, что в ней чего-то недостает. Оно преследовало ее всегда и было сродни ощущению, когда что-то забываешь и никак не можешь вспомнить, что именно. Однажды она попыталась описать это чувство Иссе:

– Так бывает, когда зайдешь в кухню и знаешь, что пришла не просто так, но не можешь сообразить зачем.

– У тебя такие ощущения? – нахмурилась Исса.

– Постоянно.

Исса притянула ее к себе и погладила волосы – в то время еще натурального, почти черного цвета, – и сказала не очень убедительно:

– Ничего, милая, пройдет. Постарайся не тревожиться.

Тащить бивни вверх по лестнице в метро было куда труднее, чем вниз, и, добравшись до последней ступеньки, Кэроу утомилась, вспотела и была крайне раздражена. Портал располагался недалеко, в небольшой надворной постройке синагоги. Прямо у двери увлеченно беседовали два раввина: обсуждали какой-то акт вандализма.

– Отлично, – проворчала Кэроу.

Пройдя мимо них, она прислонилась спиной к железным воротам и стала ждать. Наконец они ушли, и Кэроу, приставив бивни к маленькой двери, постучала. Как обычно, стоя у портала в каком-нибудь глухом переулке, она представляла, что ее бросили на произвол судьбы. Иногда Исса подходила не сразу, и Кэроу охватывал страх – а вдруг ее на этот раз не впустят? Забудут о ней, и не на ночь, а навсегда? Если дверь не откроют, она останется совсем одна.

Время шло, дверь все никак не отворялась, и тут Кэроу, устало прислонившаяся к косяку, кое-что заметила. На дверном полотне виднелся большой черный отпечаток ладони. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не ощущение, что отпечаток выжгли. При этом он сохранял четкие контуры. Скорее всего, это и был предмет обсуждения раввинов. Кэроу обвела его кончиком пальца, обнаружив, что он словно впечатан в дерево. Ее собственная ладонь легко уместилась внутри. На руке осталась зола. В недоумении Кэроу потряхнула пальцы.

Откуда здесь отпечаток? Может, умело вырезанная метка? Иногда поставщики Бримстоуна оставляли знаки, чтобы упростить себе поиски портала в следующий раз, но такой отпечаток для них слишком сложен: обычно это был лишь мазок краской или нацарапанный ножом крест.

Скрипучая дверь отворилась, и Кэроу вздохнула с облегчением.

– Нормально прошло? – спросила Исса.

Кэроу втащила бивни в переднюю, наклонив, чтобы они прошли в дверной проем.

– А то! – Она прислонила свою поклажу к стене. – Каждый день бы таскалась по Парижу с бивнями – нет ничего приятнее.

7. Черные отпечатки

В считанные дни на множестве дверей по всему миру появились черные отпечатки ладоней – выжженные в дереве или металле. В Найроби, Дели, Санкт-Петербурге, других городах. Не успел владелец кальянного заведения в Каире закрасить знак на задней двери, как краска начала тлеть, и в течение нескольких часов метка проступила снова.

Объявились свидетели акта вандализма, но никто им не поверил.

– Он это сделал голый рукой, – пытался втолковать нью-йоркский мальчишка матери, тыча пальцем в окно. – Просто приложил ладонь, и дверь стала тлеть и дымиться.

Мать вздохнула. Малыш любил приврать, и ему не поверили, а он и в самом деле видел, как рослый человек коснулся ладонью двери и выжег клеймо.

– Тень у него была странная, – сказал он матери.

Пьяный турист в Бангкоке наблюдал похожую сцену, только отпечаток оставила женщина неопишуемой красоты. Он, словно замороженный, поплелся за ней, а она, клялся турист, упорхнула...

– У нее не было крыльев, – сообщил он друзьям, – а у ее тени – были.

– Глаза у него – как огонь, – сказал старик, видевший пришельца с крыши своей голубятни. – Искры посыпались, когда он взмыл в небо!

Итак, это происходило в глухих переулках и на темных задворках Куала-Лумпура, Стамбула, Сан-Франциско, Парижа. Откуда ни возмись, возникали красивые мужчины и женщины с искаженной тенью и выжигали отпечатки своих ладоней на дверях, а затем улетали в небо, вздымая невидимыми крыльями горячие волны. Тут и там падали перья, похожие на языки белого пламени, и, касаясь земли, превращались в золу. В Дели сестра милосердия протянула руку и поймала перышко, словно каплю дождя, но, в отличие от капли, перо вспыхнуло и оставило след на коже.

– Ангел, – прошептала она, наслаждаясь болью.

Она почти не ошиблась.

8. Гавриэли

Напротив Бримстоуна сидел американец-зверобой омерзительной внешности: лицо – словно кусок мяса, гарнированный самой большой и грязной бородой из всех, что Кэроу доводилось видеть.

Она обернулась к Иссе и скорчила гримасу.

– Знаю, знаю. – Исса преодолевала порог, волнообразно сокращая мускулы. – С ним Авигет. У нее вот-вот начнется линька.

Кэроу улыбнулась.

Коралловая змея Авигет обвила толстую шею зверобоя воротником – слишком красивым для таких типов, как он. Черные, желтые, малиновые полосы, хоть и потускневшие, напоминали чудесную китайскую эмаль клуазоне. Несмотря на красоту, Авигет была смертельно опасна, к тому же надвигающаяся линька сделала ее чересчур раздражительной. Змея то высывалась из бороды, то снова пряталась, постоянно напоминая торговцу, что ему следует вести себя прилично, если хочет остаться в живых.

– Прошу от имени всех животных Северной Америки, – шепнула Кэроу Иссе, – пусть она цапнет его!

– Я-то не против, да Бримстоуну это не понравится. Бейн – один из самых ценных поставщиков.

Кэроу вздохнула.

Задолго до ее рождения Бейн начал снабжать Бримстоуна зубами гризли, барибалов, белых медведей, а также рысей, лисиц, пум, волков. Иногда приносил и собачьи. Специализировался он на хищниках – здесь они всегда ценились выше. Кэроу не раз напоминала Бримстоуну, что для человечества они тоже имеют высочайшую ценность. Сколько прекрасных экземпляров убито ради этой кучи зубов?

Она хмуро наблюдала, как Бримстоун извлек из сейфа два золотых медальона размером с блюдце. На каждом был выгравирован его портрет. Гавриэли. Их хватило бы, чтобы получить способность летать и становиться невидимой. Бейн, запихнув медальоны в карман, осторожно, стараясь не потревожить Авигет, поднялся со стула. Торговец окинул девушку взглядом, в котором – она могла поклясться – сквозило злорадство, и нахально подмигнул.

Кэроу стиснула зубы и не проронила ни слова, пока Исса выпроваживала Бейна за дверь. Неужели только сегодня утром Каз

подмигивал ей с подиума? Ну и денек!

Дверь закрылась, и Бримстоун жестом подозвал Кэроу. Подтащив завернутые в холстину бивни, она бросила их на пол.

– Осторожнее, – рявкнул он. – Знаешь, сколько они стоят?

– Еще бы! За них же платила я.

– То цена для людей. Эти тупицы распилили бы их на побрякушки.

– А тебе они зачем? – спросила Кэроу как ни в чем не бывало, словно Бримстоун мог забыться и выдать наконец свою главную тайну: для чего ему все эти зубы.

В ответ он лишь бросил на нее усталый взгляд, в котором читалось: «Зря стараешься».

– Ты первый спросил, – смутилась Кэроу. – Мой ответ: нет. Я не знаю, сколько стоят эти бивни не для людей. Понятия не имею.

– Они бесценны.

Бримстоун принялся разрезать скотч серповидным ножом.

– Повезло, что я надела бусики, – сказала Кэроу, усаживаясь на стул, который освободил Бейн. – А то ушли бы твои бесценные бивни к другому...

– Что?!

– Денег оказалось мало. Один гадкий коротышка – с виду военный преступник, хотя точно не скажу, – все набавлял и набавлял цену. Определенно решил завладеть ими. Возможно, мне не стоило... Ты ведь не одобряешь мою – как ее? – мелочность. – Она мило улыбнулась и потрогала оставшиеся бусины. Теперь их хватило бы только на браслет.

Свежеизобретенный трюк с чесоткой заставил человека в спешке ретироваться. Безусловно, Бримстоун все знал. «Мог бы и спасибо сказать», – подумала она. Вместо этого он швырнул на стол монету.

Жалкий шинг.

– И все? Я тащила эти штуковины через весь Париж за несчастный шинг, а бородач преспокойно получает два гавриэля!

Не обращая внимания, Бримстоун продолжал снимать с бивней чехол. Подошел Твига, и они зашептали о чем-то на своем языке, который Кэроу знала с пеленок. Язык был резкий, похожий на рык и шипение, полный гортанных звуков. По сравнению с ним даже немецкий и иврит казались мелодичными.

Пока они обсуждали форму зубов, Кэроу придвинула чашки с практически бесполезными скаппи и принялась пополнять бусики, решив, что отныне она будет наматывать их на руку, как браслет.

Твига утащил бивни в свой закуток на очистку, и Кэроу подумала, что

пора собираться домой.

«Дом». Кэроу мысленно всегда заключала это слово в кавычки. Она сделала все, чтобы ее квартира стала уютной: украсила картинами, накупила книг, нарядных светильников, постелила персидский ковер, мягкий, как рысий мех. И, конечно, повесила крылья ангела, которые занимали целую стену. Но настоящую пустоту ничем не заполнишь. Находясь в одиночестве, она почти ощущала, как пространство начинало раздуваться внутри нее. Даже с Казом было легче, хотя до конца это чувство никогда не проходило.

Она вспомнила о маленькой раскладушке за книжными стеллажами в глубине лавки, на которой спала раньше, и в голове мелькнула неожиданная мысль: не заночевать ли сегодня здесь? Заснуть, как в детстве, под журчание приглушенных голосов, шелест Иссиного скольжения, возню зверушек...

Из кухни появилась Ясри с подносом в руках. Рядом с чайником стояла тарелка, наполненная рогаликами с кремом.

– Проголодалась, милая девочка? – сказала Ясри голосом попугая. Бросив взгляд на Бримстоуна, она добавила: – Не годится голодать растущему организму. Вечно бегаешь туда-сюда.

– Ведь я – девочка на побегушках, – усмехнулась Кэроу и схватила с тарелки печенье.

Исподлобья взглянув на них, Бримстоун проворчал:

– А питаться печеньем растущему организму полезно, правильно я понимаю?

Ясри фыркнула.

– С удовольствием готовила бы здоровую еду, если бы ты, грубиян, предупреждал о ее приходе. – Она повернулась к Кэроу: – Ты совсем исхудала, милая. Рогалик тебе не повредит.

– Угу, – согласилась Исса, глядя волосы девушки. – Хорошая бы из нее получилась пантера: грациозная, несуетливая, с прогретым на солнце мехом, и не слишком тощая. Упитанная девочка-пантера, лакающая сливки.

Кэроу улыбнулась, продолжая жевать. Ясри налила каждому по чашке чая – как они любили, Бримстоуну – с четырьмя кусками сахара. По прошествии стольких лет Кэроу не переставала удивляться, что Продавец желаний – сладкоежка. Допив чай, он продолжил свою нескончаемую работу: нанизывание зубов на нити.

– Арабский сернобык, – определила Кэроу, когда он выбрал из лотка очередной зуб.

Бримстоуна это не впечатлило.

– Антилопу узнает каждый.

– Тогда спроси что-нибудь потруднее.

Он протянул акулий зуб, и Кэроу вспомнила, как в детстве она сидела здесь рядом с ним и изучала зубы.

– Мако, – сказала она.

– Какая из них?

– М-м-м, э-э-э... – Она размышляла, зажав зуб между большим и указательным пальцами. Бримстоун учил ее с пеленок, и по едва ощутимым вибрациям она могла определить, кому принадлежит зуб и цел ли он.

– Короткоплавниковая, – заявила она.

Он крикнул, и это означало, что ее старания оценены.

– А ты знал, – спросила Кэроу, – что эмбрионы акулы-мако поедают друг друга в утробе?

Ласкающая Авигет Исса брезгливо фыркнула.

– Это действительно так. На свет появляются только зародыши-каннибалы. Представляете, если бы люди так делали?

Она закинула ноги на стол, однако, заметив тяжелый взгляд Бримстоуна, почти сразу убрала.

Теплая атмосфера в лавке убаюкивала. Хотелось устроиться на раскладушке в укромном уголке под стареньким лоскутным одеялом, которое Ясри когда-то сшила специально для нее.

– Бримстоун, – нерешительно сказала она, – как ты думаешь...

В это мгновение раздался неистовый стук.

– Вот те на! – Собиравшая посуду Ясри взволнованно щелкнула клювом.

Позади рабочего места Твиги в темном углу лавки была еще одна дверь, которая ни разу за всю жизнь Кэроу не открывалась в ее присутствии. Она понятия не имела, что за ней.

И снова стук, такой яростный, что в склянках задребезжали зубы. Бримстоун поднялся. Кэроу знала, что ей тоже следует встать и быстро уйти, однако, вжавшись в спинку стула, она попросила:

– Можно мне остаться? Лягу потихоньку на раскладушку в уголке. Я не буду подсматривать...

– Кэроу, – строго произнес Бримстоун. – Ты знаешь правила.

– Ненавижу правила.

Он шагнул к ней и приготовился скинуть со стула, если она не послушается, но девушка подскочила сама, подняв вверх руки.

– Ладно, ладно.

Под непрекращающийся стук Кэроу накинула пальто,хватила с

подноса еще один рогалик и пошла за Иссой в переднюю.

Она не стала спрашивать, кто пришел, – секреты Бримстоуна Исса никогда не выдавала, – и лишь обронила чуточку жалостливо:

– Собиралась спросить Бримстоуна, можно ли мне переночевать.

Исса поцеловала ее в щеку.

– О, милая девочка, вот было бы хорошо. Давай переждем здесь, как раньше.

Когда Кэроу была слишком маленькой, чтобы выставлять ее одну на улицу, они с Иссой уходили сюда и порой часами просиживали в этом крохотном пространстве. Исса развлекала ее песнями и рисованием – тогда Кэроу впервые им и увлеклась, или возлагала ей на голову венки из ядовитых змей, пока Бримстоун встречался с теми, кто приходил через заднюю дверь.

– Ты можешь вернуться позже, – предложила Исса.

– Ничего, – ответила Кэроу. – Я пойду.

Исса сжала ее руку.

– Сладких снов, милая девочка.

Съежившись, Кэроу шагнула в холод. Часы на башнях пражских улиц били полночь, долгий и беспокойный понедельник подошел к концу.

9. Дьявольские врата

Акива стоял на краю плоской крыши в Эр-Рияде и смотрел вниз, на дверь в узком переулке – на вид такую же неприметную, как и все остальные, но он чувствовал жгучую ауру ее чар, как боль за глазами.

Один из выходов дьявола в мир людей.

Широко раскрыв огромные крылья – невидимые, видна была лишь их тень на земле, – Акива спланировал вниз и приземлился в россыпи искр. Подметальщик улиц бросился на колени, но Акива, не обратив на него внимания, повернулся лицом к двери и крепко сжал рукоять меча. Больше всего на свете ему хотелось вынуть клинок из ножен и ворваться внутрь, покончить со всем прямо здесь, в лавке Бримстоуна, пролить кровь, но магическая сила порталов не позволяла – не стоило даже пытаться, – и он сделал то, зачем явился сюда.

Вытянув руку, приложил ладонь к двери. Легкое свечение, запах гари – и на деревянной поверхности остался отпечаток.

Пока достаточно.

Он развернулся и зашагал прочь, а люди жались к стенам, уступая ему дорогу.

Конечно, они видели его не таким, каким он был на самом деле. Волшебство скрывало огненные крылья, однако сойти за обычного человека ему все равно не удавалось. Высокий юноша неописуемой красоты, от которой захватывало дух, – такую редко встретишь в реальной жизни – с грацией хищника шел среди людей и обращал на них внимания не больше, чем на статуи в парке. На поясе его висел меч, закатанные до локтей рукава обнажали загорелые, жилистые предплечья. Кисти рук вызвали особое любопытство: покрытые белыми шрамами и черными полосами татуировок – простые повторяющиеся линии штриховали фаланги пальцев.

Коротко стриженные темные волосы образовывали «вдовый» мысок на лбу. Золотистую кожу бронзой оттенял загар, особенно выделяя выступы на лице – высокие скулы, надбровные дуги, переносицу, – Акива словно купался в густом медовом свете.

При всей своей красоте вид он имел неприветливый. Невозможно было представить, что это лицо вдруг просияет улыбкой. Действительно, Акива не улыбался уже много лет. И не собирался делать этого впредь.

Но все это было лишь мгновенное впечатление. Останавливаться и

смотреть, как он проходит мимо, людей заставляли его глаза.

Глаза были как у тигра, янтарного цвета с черным контуром, образованным густыми ресницами и сурьмой, из-за чего золотистые радужки, казалось, испускали лучи света. Чистым и ярким, завораживающим и невероятно красивым, этим глазам явно чего-то не хватало. Возможно, человечности – того самого качества, название которому люди, безо всякой иронии, дали в честь самих себя. Когда с Акивой внезапно столкнулась старушка, у нее перехватило дыхание.

В его глазах словно горел живой огонь. Женщина была уверена – она вот-вот вспыхнет пламенем.

Ахнув, она оступилась, и Акива протянул руку, чтобы помочь ей удержаться на ногах. Она ощутила жар, а когда юноша прошел дальше, ее задела невидимые крылья. Разлетелись искры, и женщина застыла, в изумлении и страхе наблюдая за удаляющейся фигурой. Она отчетливо увидела тень от развернутых веером крыльев. Затем, обдав ее горячей волной, унесшей с головы косынку, он исчез.

В считанные мгновения Акива взмыл ввысь. В разреженном воздухе кожу покалывали ледяные кристаллы. Крылья пламенеющими парусами озаряли черноту небес. Он устремился к следующему человеческому городу искать другую дверь, помеченную дьявольскими чарами, а затем – еще и еще, пока на каждой из них не останутся черные отпечатки рук.

В разных странах Азаил и Лираз занимались тем же. Они пометят все двери, и это станет началом конца.

И начнется он с огня.

10. Девочка на побегушках

В общем-то, у Кэроу получалось удерживать в равновесии две свои жизни. Она была семнадцатилетней студенткой художественного лица в Праге; в то же время – девочкой на посылках у монстра, который заменял ей семью. Чаще всего ей удавалось и то и другое. Не всегда, конечно, но по большей части.

Однако эта неделя выдалась особой.

Во вторник в самый разгар занятий в школе на окно уселся Кишмиш и принялся стучать клювом в стекло. Принесенная им записка, еще более немногословная, чем давешняя, гласила: «*Приходи*». И Кэроу пошла. Хотя знай она, куда ее на этот раз отправит Бримстоун, возможно, и отказалась бы.

Птичий рынок в Сайгоне – одно из тех мест на земном шаре, которые она ненавидела всей душой. Котята и немецкие овчарки, летучие мыши, малайские медведи и лангуры продавались там вовсе не в качестве домашних любимцев, а в кулинарных целях. Старая карга – мать мясника – хранила зубы в погребальной урне, и именно Кэроу приходилось забирать их раз в несколько месяцев и скреплять сделку глотком кислого рисового вина, от которого бурлило в желудке.

Среда: север Канады. Два охотника-атапаска. Доставка партии волчьих зубов.

Четверг: Сан-Франциско. Молодая блондинка-герпетолог, в тайнике у которой хранились ядовитые зубы гремучих змей, оставшиеся от несчастных объектов научных исследований.

– Между прочим, могли бы явиться в лавку и сами, – буркнула Кэроу: на следующий день ей предстояло сдавать автопортрет, и лишние несколько часов не помешали бы, чтобы довести его до совершенства.

Поставщики не ходили в лавку по разным причинам. Некоторые потеряли доверие из-за плохого поведения. Другие не выдержали испытательный срок. Многие просто-напросто боялись надевать змеиный воротник – хотя в данном случае проблема была не в этом.

Герпетолог содрогнулась.

– Как-то раз я ходила. Думала, не уйду живой от женщины-змеи.

Исса не выносила тех, кто убивает рептилий, и, пребывая в дурном настроении, подговаривала своих змей слегка придушить убийц.

Кэроу подавила улыбку.

– Да? Тогда ладно. – Она отсчитала добрую стопку двадцатидолларовых купюр. – Если бы вы все-таки пришли, Бримстоун заплатил бы желаниями, а они стоят куда больше этих денег.

К великому сожалению Кэроу, ей он не доверял расплачиваться желаниями.

– Возможно, в следующий раз...

– Как вам будет угодно.

Кэроу пожала плечами и отправилась обратно к portalу, где снова заметила черный отпечаток руки. Она хотела рассказать о нем Бримстоуну, но тот беседовал с очередным поставщиком, а ее ждали домашние задания.

Проработав полночи над автопортретом, утром в пятницу она еле держалась на ногах от усталости и от всей души надеялась, что сегодня Бримстоун оставит ее в покое. Обычно он не посылал за ней чаще двух раз в неделю, а она выполнила уже четыре поручения. С утра, рисуя старика Виктора в боа из перьев – вид, от которого бедная Зузана чуть не умерла, – Кэроу то и дело бросала взгляд на окно. На послеобеденном занятии живописью она все еще беспокоилась, что прилетит Кишмиш, но опасения не оправдались, и после школы она поджидала Зузану, укрывшись от дождя под навесом.

– Что ж, – промолвила подруга, – это загадочное существо – Кэроу. Рассмотрите его повнимательнее, друзья. Оно встречается нам все реже и реже.

Кэроу заметила отчужденность в тоне.

– В «Ядовитую кухню»? – предложила она с надеждой в голосе. После тяжелой недели ей хотелось плюхнуться на диванчик в кафе, сплетничать, и смеяться, и рисовать, и пить чай – заняться обычными делами и восполнить то, чего ей так не хватало.

Зузана повела бровью.

– И что, никаких заданий?

– Слава богу, нет. Пойдем скорее, я замерзла.

– Не знаю, Кэроу. Возможно, на этот раз секретное поручение у меня.

Кэроу прикусила щеку и задумалась, что ответить. Она терпеть не могла тайны, которые хранил от нее Бримстоун; еще больше ей не нравилось так же поступать с Зузаной. Разве дружба удержится на отговорках и лжи? Взрослея, она понимала, что обзавестись друзьями почти невозможно: необходимость лгать всегда все портила.

Раньше было еще хуже, ведь она жила в лавке – о совместных играх со сверстниками и не мечтай! Каждое утро она шла в школу на Манхэттене, затем на занятия карате и айкидо, а вечером вновь возвращалась к portalу.

Однажды Белинда, подружка Кэроу, заметила, как та входит в обшитую досками дверь в заброшенном здании в Ист-Виллидж, и решила, что она бездомная. По школе поползли слухи, подключились родители и учителя, и Кэроу, которая не сумела в срочном порядке вызвать Эстер, свою «липовую» бабушку, взял под свою опеку Департамент социального обеспечения. Ее поместили в интернат для трудных подростков, откуда она сбежала в первую же ночь, – только ее и видели. После – новая школа в Гонконге и дополнительные предосторожности при входе в портал. А значит – еще больше лжи и тайн.

Теперь она выросла, и социальные службы больше не рыскали вокруг, однако с друзьями приходилось осторожничать. Ей совсем не хотелось потерять Зузану.

Кэроу вздохнула.

– Прости, неделя выдалась сумасшедшая. Работа...

– Ты работаешь?!

– Да. А на что, ты думала, я живу?

Она надеялась, что Зузана улыбнется, но та лишь прищурилась.

– Откуда мне знать, на что ты живешь, Кэроу? Мы уже столько дружим, а ты ни разу не рассказывала ни о своей работе, ни о семье, ни о чем...

Пропустив мимо ушей «ни о семье, ни о чем», Кэроу ответила:

– Работа – не совсем точное определение. Я просто на посылках у одного типа. Забираю передачи, встречаюсь с людьми.

– У наркоторговца? – насторожилась Зузана.

– Брось, Зузи! Он... коллекционер, наверное.

– Неужели? И что же он коллекционирует?

– Кое-что. Какая разница?

– Для меня разница есть, Кэроу. Все это звучит странно. Ты, часом, ни в чем таком не замешана?

«Нет, – подумала Кэроу, – вовсе нет». И, глубоко вздохнув, сказала:

– Честное слово, я не могу рассказать. Это его дела, не мои.

– Отлично! Ну и ладно! – Зузана крутанулась на каблуках и решительно зашагала прочь.

– погоди! – крикнула вслед Кэроу.

Как ей хотелось поговорить откровенно! Рассказать Зузане о том, что пришлось пережить на этой неделе, о слоновьих бивнях, кошмарном птичьем рынке, о том, что Бримстоун платил ей ничтожные шинги, и о жутком стуке в дверь. Нарисовать в альбоме – уже кое-что, но все равно недостаточно. Хотелось выговориться.

Разумеется, об этом и речи быть не могло.

– Пожалуйста, пойдем в «Кухню». – Голос прозвучал тихо и устало.

Обернувшись, Зузана заметила на лице Кэроу выражение тоски и потерянности, которое появлялось, когда на нее никто не смотрел. Хуже всего, что оно было у нее постоянно, а все остальное – лишь маски, чтобы его скрыть.

Зузана смягчилась.

– Ладно. Хорошо. До смерти хочется гуляша. До смерти! Ха-ха...

Отравленный гуляш в «Ядовитой кухне» – старая их шутка, и Кэроу поняла, что все в порядке. Пока. Но что будет в следующий раз?

Они побежали под дождем без зонтиков, прижимаясь друг к другу, спеша скорее добраться до места.

– Забыла сказать, около «Кухни» ошивался твой Болван, – сообщила Зузана. – Наверное, тебя поджидал.

– Только этого не хватало, – проворчала Кэроу.

Каз звонил и слал сообщения, но она не обращала внимания.

– Пойдем в другое место?

– Ни за что! Не позволю мышиному паштету оккупировать «Кухню»!

– Мышиному паштету? – повторила Зузана.

Это было любимое ругательство Иссы, женщины-змеи, и с учетом ее диеты, состоящей в основном из маленьких пушистых созданий, оно имело смысл.

– Да, – ответила Кэроу. – Паштету. Фаршу из мышей, подается с хлебом и кетчупом...

– Бр-р... Прекрати!

– Можно заменить хомяками, – продолжала Кэроу. – Или морскими свинками. Знаешь, как готовят морских свинок в Перу? Насаживают на палочки и поджаривают на костре, как зефир...

– Хватит!

– М-м-м, смор^[4] из морской свинки...

– Перестань, умоляю! Меня сейчас вырвет.

Кэроу замолчала. Краем глаза она уловила знакомое порхание. «Нет, нет, нет, – подумала она и не повернула головы – или не захотела повернуть. – Только не сегодня, Кишмиш».

– Что с тобой? – спросила Зузана.

Снова порхание в круге света от фонаря. Слишком далеко, чтобы не привлекать внимания, но это точно Кишмиш.

Черт!

– Все в порядке, – отозвалась Кэроу, продолжая решительно шагать в

направлении «Ядовитой кухни».

А что оставалось делать? Хлопнуть себя по лбу и сказать, что вспомнила о поручении? Интересно, как отреагировала бы Зузана, если бы увидела маленького посланника Бримстоуна, с крыльями летучей мыши на оперенном тельце? Скорее всего, ей тут же захотелось бы сделать такую марионетку.

– Как проект с куклами? – Кэроу старалась говорить обычным тоном.

Зузана просветлела и принялась рассказывать. Кэроу слушала вполуха, не в силах унять тревогу. Что сделает Бримстоун, если она не придет? Сможет он выйти из лавки и отыскать ее?

Она знала, что Кишмиш летит следом, и, нырнув под арку, выразительно посмотрела на него, словно говоря: *«Я вижу тебя. И никуда не пойду»*. Он недоуменно склонил голову, но Кэроу, не обращая на него внимания, вошла в здание.

В переполненном кафе Каза, к счастью, не было. Местные рабочие, бэкпекары, художники-эмигранты, студенты тусовались у гробов, сквозь густой сигаретный дым как в тумане проглядывали зловещие очертания римских статуй в противогазах.

– Проклятье! Мор занят! – буркнула Кэроу, увидев, что за их любимым столиком сидит троица небритых бэкпекеров.

– Все занято, – отозвалась Зузана. – Чертов путеводитель! Будь моя воля, повернула бы время вспять и придушила бы писаку в глухом переулке, чтобы он никогда не набрел на это место.

– Какая ты жестокая! Всех и каждого задушила бы и обработала электрошокером.

– Вот именно, – согласилась Зузана. – С каждым днем все больше ненавижу людей. Они меня бесят. Если я такая сейчас, представляю, что со мной будет в старости.

– Станешь зловредной старухой, с балкона расстреливающей детей из пневматического ружья.

– Не-а. Пневматика их только раззадорит. Лучше возьму арбалет. Или базуку.

– Вот зверюга!

Сделав реверанс, Зузана вновь окинула печальным взглядом переполненное кафе.

– Черт! Пойдем в другое место?

Кэроу покачала головой. Волосы у них намокли, и снова выходить на улицу не хотелось. Она просто ждала, когда освободится любимый столик в ее любимом кафе. И одновременно перебирала пальцами в кармане

куртки заработанные за неделю шинги.

– Думаю, эти парни собираются уходить. – Она кивнула в сторону туристов, расположившихся около Мора.

– Вряд ли, – отозвалась Зузана. – Они едва притронулись к пиву.

– Точно тебе говорю. – Один из шингов дематериализовался между пальцами. Секунду спустя бэкпекеры встали. – Ну вот, а ты не верила.

Она представила комментарий Бримстоуна:

Выгнать странников из кафе: желание эгоистичное.

Озадаченные туристы пошли к выходу.

– Странно, – произнесла Зузана, занимая столик. – А они милые...

– Да? Позвать назад?

– Неплохо бы... – У них было правило – не знакомиться с бэкпекерами, которые все выглядели одинаково – щетинистые парни в мятых рубашках. – Просто я поставила диагноз – милые. К тому же вид у них был жалкий. Как у щенков.

Кэроу почувствовала себя виноватой. Зачем она послушалась Бримстоуна, зачем загадала подлое желание – выставить ни в чем не повинных бэкпекеров под дождь? Она плюхнулась на диванчик. Голова раскалывалась. Кэроу устала и никак не могла отделаться от беспокойства: что скажет Продавец желаний?

За гуляшом взгляд ее не отрывался от входной двери.

– Ждешь кого-то? – спросила Зузана.

– Нет, просто боюсь, как бы Каз не нарисовался.

– А-а. Пусть попробует. Затолкаем его в этот гроб и забьем гвоздями.

– Звучит клево.

Чай подали в серебряных приборах с выгравированными словами «мышьяк» и «стрихнин» на сахарнице и сливочнике.

– Итак, – сказала Кэроу, – завтра в театре ты встретишься со скрипачом. Каков план?

– У меня нет плана. Пропустить бы все это и поскорее добраться до той части, где он станет моим бойфрендом. Я уже молчу о том, что ему вообще не мешало бы узнать о моем существовании.

– Да брось! Неужели ты вправду хочешь пропустить эту часть?

– Да, хочу.

– Пропустить знакомство с ним? Нервную дрожь, выскакивающее из груди сердце, смущение? Ту часть, когда вы впервые войдете в магнитные поля друг друга, и невидимые энергетические линии словно притянут вас...

– Невидимые энергетические линии? – повторила Зузана. – Ты, часом,

не оккультистка? Как те чудики, что носят кристаллы и читают ауру?

– Ты знаешь, о чем я. Первое свидание, прикосновение, первый поцелуй, потаенные чувства, томление...

– Кэроу, да ты романтик!

– Вряд ли. Я хочу сказать, начало – это здорово. Все вокруг искрится и сверкает... пока ты не узнаешь, что он – козел.

Зузана скривилась.

– Ну не все же козлы.

– Может, и не все. Наверное, бывают и нормальные.

– Он нормальный! Как думаешь, есть шанс, что парень окажется и не сволочью и без девушки? Я серьезно. Какова вероятность?

– Почти никакой.

– Знаю... – Зузана картинно откинулась назад и замерла в позе сломанной марионетки.

– Ты ведь нравишься Павлу. Уж он-то точно не сволочь.

– Ну да, Павел – душка, но когда я его вижу, у меня внутри не порхают бабочки.

– Бабочки, – вздохнула Кэроу. – Мне это знакомо. Знаешь, что я думаю? Бабочки есть в животе у каждого, они живут там всегда...

– Как бактерии?

– Нет, не как бактерии. Бабочки одного человека реагируют на бабочек другого на химическом уровне, как феромоны. И когда он приближается, твои бабочки начинают порхать. Они по-другому не могут – это химия.

– Химия... Вот тебе и романтика.

– Знаю. Глупые бабочки.

Идея показалась занятной, и Кэроу, открыв альбом, принялась рисовать кишки и желудок, заполненные бабочками. Латинское название им будет *Papilio stomachus*.

– Так если все это химия и тут ничего не поделаешь, значит, Болван все еще заставляет твоих бабочек порхать?

Кэроу оторвала взгляд от рисунка.

– Только не это! От него мои бабочки блюют.

Прикрыв губы рукой, Зузана согнулась пополам, подавила смех и только тогда смогла проглотить набранный в рот чай.

– Фу, гадость. У тебя полный желудок блевотины!

Продолжая работать карандашом, Кэроу ухмыльнулась.

– Вообще-то, у меня полный желудок дохлых бабочек. Их убил Каз.

Она сделала подпись к рисунку: «*Papilio stomachus* – хрупкие существа, чувствительные к холодам и предательству».

– Знаешь что? – сказала Зузана. – На такого могли повестись только бестолковые бабочки. Вырастишь других, у которых будет больше здравого смысла. Новых мудрых бабочек.

Кэроу любила Зузану за то, что та с удовольствием ей подыгрывала во всяких глупостях.

– Правильно! – Она подняла чашку. – За новых бабочек! Пусть они будут не такими глупыми, как предыдущие!

Наверное, сейчас они уже созревают в маленьких толстых коконах. А может быть и нет. Трудно и представить, чтобы то волшебное чувство трепетания в животе возникло в ближайшее время. Надо выбросить такие мысли из головы. Ей это не нужно. Испытывая жажду любви, она ощущала себя кошкой, трущейся о ноги и мяукающей: *«Погладь меня, приласкай меня, посмотри на меня, люби меня!»*

Лучше быть кошкой, взирающей сверху вниз с высокой стены загадочным бесстрастным взглядом. Она не даст себя погладить, ей никто не нужен. Вот бы стать такой кошкой, надменной и гордой...

«Стать такой кошкой!!!» – подписала она рисунок в уголке листа.

Кэроу мечтала быть самодостаточной, невозмутимой девушкой. И не могла. Одинокая, она боялась пустоты внутри себя. Страстно желала, чтобы рядом с ней был кто-нибудь. Кто ждал бы ее с зонтиком под дождем, чтобы довести до дома. И каждый раз встречал улыбкой. Кто танцевал бы с ней на балконе, держал обещания и хранил секреты, и берег бы их маленький мир.

Дверь открылась. Она посмотрела в зеркало и ругнулась про себя. За спинами нескольких вошедших туристов вновь мелькнула знакомая крылатая тень. Кэроу встала и пошла в женскую комнату, где Кишмиш ждал ее с запиской.

Опять лишь одно слово. Но сейчас этим словом было: *«Пожалуйста»*.

11. Пожалуйста

Бримстоун никогда не говорил «пожалуйста». Торопливо шагая по улицам, Кэроу ощущала даже большее беспокойство, чем если бы увидела в записке что-нибудь вроде: «*Сейчас или никогда!*»

Встретившая ее на пороге Исса была как никогда тиха.

– Что случилось, Исса? Я в беде?

– Тсс. Проходи и постарайся не отчитывать его сегодня.

– Отчитывать его! – Кэроу захлопала ресницами. Ей казалось, что если кого-то и будут сегодня отчитывать, то только ее.

– Порой ты слишком резка, будто ему и так недостаточно тяжело.

– О чем ты?

– О его жизни. О работе. Вся его жизнь – работа. Безрадостный, неумолимый труд. А еще ты добавляешь проблем.

– Я?! – Кэроу остолбенела. – Кажется, я пришла к середине разговора, да, Исса? Не могу взять в толк, о чем ты...

– Тише, сказано тебе! Просто будь такой же послушной, как в детстве. Ты была для всех нас самой большой радостью, Кэроу. Знаю, тебе нелегко живется, но старайся помнить – неприятности случаются не только у тебя.

Внутренняя дверь отворилась, и Кэроу ступила через порог. Сбитая с толку, она уже приготовилась защищаться, но, увидев Бримстоуна, забыла обо всем.

Он сидел за столом, тяжело склонившись вперед, подперев одной рукой огромную голову. В другой руке, как в чаше, он держал счастливую косточку, которую носил на шее. С одного рога хозяина на другой, взволнованно щебеча, перепрыгивал Кишмиш.

– Что... с тобой? – нерешительно спросила Кэроу.

Всю жизнь она засыпала его вопросами, но этот задала впервые. Просто не было причин: он редко проявлял даже малейшие эмоции, не говоря уже о том, чтобы показать слабость или усталость.

Бримстоун поднял голову и выпустил счастливую косточку.

– Ты пришла, – удивленно и с облегчением произнес он.

Кэроу кольнуло чувство вины.

– Ты ведь знаешь, «пожалуйста» – волшебное слово, – сказала она, стараясь придать голосу беспечность.

– Я думал, мы тебя потеряли.

– Потеряли меня? Ты думал, я умерла?

– Нет, Кэроу. Я думал, ты ушла на свободу.
– Как?.. – Она замолкла. *Ушла на свободу?* – Ты о чем?
– Я всегда знал, что однажды перед тобой откроется путь, который уведет тебя от нас. Так и должно произойти. Но я рад, что этот день еще не настал.

Кэроу в изумлении смотрела на него.

– Серьезно? Стоило мне отказаться от одного поручения, и ты решил, что я исчезла навсегда? Да... Хорошо же ты обо мне думаешь!

– Отпустить тебя – как открыть окно для бабочки. Разве кто-нибудь станет ждать, что бабочка вернется?

– Я не бабочка!

– Нет. Ты человек. Твое место – среди людей. Детство почти закончилось...

– И что? Я больше тебе не нужна?

– Наоборот. Ты нужна мне, как никогда раньше. Говорю же, я рад, что ты уходишь не сегодня.

Кэроу понятия не имела, что когда-нибудь наступит срок покинуть семью химер, и у нее даже есть возможность сделать это по своему желанию. Она не хотела. Разумеется, будь ее воля, она не стала бы выполнять некоторые жуткие поручения, но это не значит, что она, как бабочка, бьется о стекло, чтобы вырваться на свободу.

Бримстоун подвинул к ней кошелек.

Поручение. Кэроу почти забыла, зачем пришла. Со злостью открыла кошелек. Дирхамы. Значит, Марокко. Она вскинула бровь.

– Изил?

Бримстоун кивнул.

– Но еще рано.

В последнее воскресенье каждого месяца Кэроу встречалась в Марракеше с расхитителем могил. А сегодня только пятница, к тому же – предпоследней недели.

– Пора, – объявил Бримстоун, указав на высокий аптекарский сосуд на полке. Обычно заполненный человеческими зубами, сейчас он был почти пуст.

– О! – Кэроу обвела взглядом полку и к своему удивлению заметила, что содержимое многих банок изрядно уменьшилось. На ее памяти запасы зубов никогда не были такими скудными. – Ничего себе, сколько у тебя ушло! Что-то случилось?

Бессмысленный вопрос. Она ведь даже не знала, для чего ему вообще нужны зубы.

– Посмотри, что есть у Изила, – сказал Бримстоун. – Рад бы не отправлять тебя за человеческими зубами, да ничего не поделаешь.

Кэроу пробежала кончиками пальцев по животу в том месте, где остались шрамы от пуль, вспомнив случай в Санкт-Петербурге, когда все пошло не по плану. Доставка человеческих зубов, которых в мире полным-полно, порой может обернуться неожиданностью.

Ей не забыть тех девочек в грузовом трюме, все еще живых, с окровавленными ртами, ожидающих своей участи.

Может, они все-таки успели убежать. Мысленно возвращаясь к тем событиям, Кэроу всегда придумывала счастливый конец – так Исса учила ее избавляться от ночных кошмаров, чтобы поскорее уснуть. Она изо всех сил верила, что дала им время улизнуть от торговцев людьми.

Какое странное чувство, когда в тебя стреляют. Как спокойна она была в то мгновение, как ловко вынула спрятанный нож и воспользовалась им!

А потом еще! И еще!

– Сходи на Джемаа-эль-Фна, – прервал ее мысли Бримстоун. – Кишмиш видел Изила несколько часов назад, когда я звал тебя в первый раз. Если повезет, он будет там.

С этими словами Бримстоун склонился над лотком с обезьяньими зубами – по-видимому, аудиенция была окончена. К радости Кэроу, перед ней вновь сидел старый Бримстоун. Проявившееся сегодня новое существо, которое говорило «пожалуйста» и сравнивало ее с бабочкой, выбило ее из колеи.

– Я его найду, – пообещала Кэроу. – И скоро вернусь с карманами, набитыми человеческими зубами. Ха! Спорим, сегодня это предложение кроме меня не произнес ни один человек в мире.

Продавец желаний молчал. Кэроу нерешительно потопталась в передней.

– Бримстоун, – сказала она, обернувшись. – Хочу, чтобы ты знал: я никогда... вас не брошу.

Он поднял взгляд, крокодильи глаза помутились от изнеможения.

– Откуда тебе знать, как ты поступишь? – произнес он и вновь ухватил рукой счастливую косточку. – Я этого от тебя не требую.

Исса закрыла дверь, и даже после того, как Кэроу шагнула за порог, образ Бримстоуна стоял перед глазами. В душе шевелилось тревожное чувство: что-то идет совсем не так, как надо.

12. Нечто совершенно иное

Акива видел, как она вышла. Он был в нескольких шагах, когда дверь распахнулась, высвобождая едкий поток чар, от которых бросило в дрожь. Из портала появилась задумчивая девушка с неправдоподобно синими волосами – цвета ляпис-лазури. Не обратив на него внимания, она торопливо прошла мимо.

Он молча смотрел ей вслед, и вскоре изгиб узкой улочки скрыл фигурку с развевающимися синими волосами. Тряхнув головой, он вновь повернулся к portalу и приложил к двери ладонь. Шипение, рука засветилась в дыму – готово: это последняя дверь из тех, которые он должен пометить. В других странах света Азаил и Лираз тоже вот-вот доделают свою часть работы и полетят в Самарканд.

Акива уже собирался взмыть в небо и преодолеть последний отрезок пути, чтобы встретиться с ними перед возвращением домой, но внезапно ощутил, как гулко застучало сердце. Он продолжал стоять на земле, глядя в том направлении, куда ушла девушка.

Не совсем понимая, что делает, он вдруг обнаружил, что идет вслед за ней, и вскоре заметил впереди переливающиеся синие волосы.

Как могла такая девушка связаться с химерами? Остальные поставщики Бримстоуна, насколько он мог судить, были отъявленными мерзавцами с остекленевшими глазами, от них за версту несло скотобойней. Но она? Ослепительная красавица, гибкая и грациозная... хотя на самом деле вовсе не это вызвало его интерес. В его окружении красивыми были все, поэтому внешняя привлекательность практически ничего не значила. Что тогда заставило его следовать за ней по пятам, вместо того чтобы подняться в небо, ведь миссия была так близка к завершению? Ответа он не знал. Словно чей-то шепот влек его вперед.

Медина Марракеша подобна лабиринту, три тысячи узеньких переулков переплетаются, как змеи в ящике, однако девушка, похоже, хорошо знала дорогу. Один раз она ненадолго остановилась, чтобы провести пальцем по тканому полотну, и Акива замедлил шаг, чуть отклонившись в сторону, чтобы лучше ее рассмотреть.

Бледное прекрасное лицо девушки несло отпечаток печали, даже потерянности, но стоило продавцу заговорить с ней, как это лицо озарилось улыбкой. Она что-то непринужденно ответила, мужчина засмеялся. Перекинулись еще парой шуток, при этом девушка говорила на хорошем

арабском, издавая гортанные звуки, напоминающие кошачье мурлыканье.

Акива не сводил с нее ястребиного взора. Всего несколько дней назад люди были для него лишь легендой, и вот он здесь, в их мире. Ощущение – будто попал в книгу, ожившую книгу с цветами и запахами, и синеволосая девушка шла по ней, точно сказочная фея, и свет ложился на нее не так, как на других, а воздух, казалось, сгущался вокруг. Словно вся история развивалась вокруг нее.

Кто она?

Кем бы она ни была, чутье подсказывало ему, что она не из бримстоуновских «беспощадных жнецов». Она представляла собой нечто совершенно иное.

С решительным видом он пробирался за ней по медине.

13. Расхититель могил

Кэроу шла, засунув руки в карманы, и старалась отвлечься от тревожных мыслей о Бримстоуне. «Ушла на свободу» – что он хотел этим сказать? Ее охватило чувство надвигающегося одиночества, словно она – осиротевшее животное, которое приютили благодетели, но скоро отпустят в лес.

Она не хотела, чтобы ее отпускали. Ей хотелось, чтобы ею *дорожили*. Хотелось, чтобы у нее оставался дом и семья. Навсегда.

– Чудесные снадобья, мисс! Излечивают кишечные расстройства! – выкрикнул кто-то, и она не смогла сдержать улыбки, качая головой.

Как насчет исцеления сердечных расстройств? Есть здесь лекарства от них? Наверное, есть. В этом месте, среди шарлатанов и коммивояжеров царил дух настоящей магии. Она знала одного писаря, одевавшегося во все белое, который писал (и доставлял!) послания умершим, и старого рассказчика, продающего идеи писателям. Взамен он просил год их жизни. Кэроу видела, как туристы, смеясь, подписывали с ним договор, не веря ему ни секунды. А она верила. Разве не доводилось ей встречать куда более странные вещи?

С каждым шагом город все больше отвлекал от печальных мыслей. Трудно оставаться хмурой в таком месте. В некоторых дербах – так назывались кварталы, состоящие из пешеходных улочек, все вокруг было расцвечено яркими коврами. В других – со свежеевыкрашенных шелков на головы прохожих капала пурпурная и кобальтовая краска. Словно пение экзотических птиц, слышалось разноголосье языков: арабского, французского, местных наречий. Тут и там женщины звали детей домой, у дверей сидели старики в фесках и курили.

Звонкий смех, коричный аромат, ишаки... и краски, буйство красок повсюду.

Кэроу пробиралась в самое сердце города – к площади Джемаа-эль-Фна, битком набитой разношерстной людской массой. Здесь были и заклинатели змей, и танцоры, чумазные босоногие мальчишки, карманники и незадачливые туристы. В продуктовых ларьках – все, от апельсинового сока до зажаренных бараньих голов. Случалось, Кэроу не могла быстро добраться назад до портала, но ей нравилось блуждать по улочкам Марракеша, попивая мятный чай, делать зарисовки, бродить по базарам, перебирая остроконечные туфли и серебряные браслеты.

Однако сегодня ей не удастся погулять. Бримстоуну явно не терпелось заполучить зубы. Кэроу вспомнила о пустых сосудах, в голове затренькало неистовое любопытство. Зачем все это? Для чего? Она пыталась пресечь такие мысли. В конце концов, ее задача – найти расхитителя могил, история которого, кстати, была в высшей степени поучительна.

«Не суй нос куда не следует» – одно из главных правил Бримстоуна, которому Изил не подчинился. Кэроу ему сочувствовала. В ней самой любопытство вспыхивало неукротимым огнем, разгорающимся с новой силой при любой попытке его потушить. Чем больше Бримстоун игнорировал ее вопросы, тем сильнее не терпелось узнать ответы. А вопросов было множество.

В первую очередь, разумеется, о зубах: на кой черт они нужны?

Затем насчет второй двери. Куда она ведет?

Что именно представляли собой химеры и откуда они взялись? Есть ли на свете другие химеры?

И о ней самой. Кто ее родители и как она оказалась на попечении у Бримстоуна? Была ли она как тот первенец из сказки «Румпельштильцхен», которого родители отдали за долги? Или, может, ее мать поставляла Бримстоуну зубы, и однажды ее удушил змеиный воротник, а кричащий младенец остался лежать на полу в лавке? Кэроу придумывала десятки сценариев, однако правды так и не узнала.

Может, она рождена для другой жизни? Подчас Кэроу почти ощущала – вот она, призрачная жизнь, совсем рядом, дразнит ее. Чувство могло нахлынуть в любое мгновение – когда она рисовала или шла по улице, а однажды они с Казом танцевали медленный танец, и ей вдруг показалось, что ее руки, ноги, тело должны двигаться совсем не так. Совсем не так. *Не так.*

Но как?

Она достигла площади и пошла сквозь толпу, ступая в такт ритмам мистической музыки гнауа, уклоняясь от мопедов и акробатов. От пекущегося на жаровнях мяса валяли клубы дыма, как от охваченных пожаром домов, мальчишки шепотом предлагали гашиш. «Фото! Фото!» – настойчиво и шумно зазывали одетые в традиционные костюмы разносчики воды. В некотором отдалении среди татуировщиц и уличных дантистов она заметила согбенную фигуру Изила.

Ежемесячные встречи с ним напоминали замедленный просмотр фильма об угасании человека. Бывший врач и большой эрудит, когда-то он отличался изяществом и утонченностью. У него были добрые карие глаза и шелковистые усы, которые он то и дело усердно разглаживал, как птица

перышки. В лавку он являлся лично и решал вопросы с Бримстоуном за рабочим столом, но Изил не походил на других торговцев. Его приход всегда напоминал дружеский визит. Он любезничал с Иссой, баловал ее маленькими подарками – вырезанными из бобовых зерен змейками, жадеитовыми сережками, миндалем. Кэроу он дарил кукол, а однажды принес для них игрушечный чайный сервиз из серебра. Не забывал и про Бримстоуна: невзначай оставлял на его столе то плитку шоколада, то баночку меда.

Все это происходило до того, как его искорежило и скрутило под тяжестью ужасного выбора, который он сделал по собственной воле. С тех пор в лавку его не приглашали, и Кэроу встречалась с ним здесь.

При виде Изила у Кэроу сжалось сердце. Его согнуло вдвое, и лишь сучковатый посох из оливкового дерева не давал ему удариться лицом о землю. Синяки под ввалившимися глазами, вставные зубы, редкие замусоленные усы – у любого прохожего он вызывал сострадание. Для Кэроу, которая знала, как он выглядел всего лишь несколькими годами раньше, видеть его таким было невыносимо.

Его лицо просветлело.

– Вы только посмотрите, кто здесь! Красавица дочь Продавца желаний, милая посланница! Пришла угостить несчастного старика чашкой чаю?

– Привет, Изил! Чашка чаю – что может быть лучше? – отозвалась Кэроу и повела его в кафе, где они обычно встречались.

– Дорогая моя, разве уже прошел месяц? Кажется, я совсем запамятовал о нашей встрече.

– О нет, ты не запамятовал. Просто я пришла раньше.

– Ах, встретиться с тобой всегда приятно, но боюсь, для старого дьявола у меня найдется немного.

– Но хотя бы что-то есть?

– Совсем чуть-чуть.

В отличие от большинства других поставщиков, Изил не занимался охотой и не совершал убийств. Он вообще никого не убивал. Раньше он работал врачом в зонах боевых действий и имел доступ к телам погибших, чьих зубов никто не хватится. Теперь, когда душевное расстройство лишило его средств к существованию, ему приходилось раскапывать могилы.

– А ну, цыц! Веди себя как следует, тогда посмотрим, – внезапно рявкнул он.

Кэроу знала, он обращается не к ней, и тактично сделала вид, что

ничего не слышала.

Они подошли к кафе. Когда Изил уселся, стул под ним накренился и заскрипел, ножки подогнулись, словно под тяжестью человека, весящего намного больше, чем этот истощенный старик.

– Итак, – сказал он, устраиваясь удобнее, – как поживают мои друзья? Исса?

– У нее все хорошо.

– Я так по ней скучаю... У тебя есть ее новые портреты?

Кэроу протянула ему рисунки.

– Красавица! – Кончиком пальца он обвел щеку Иссы. – Какая красавица! Ты очень талантлива, дорогая моя.

Увидев эпизод с сомалийским браконьером, он фыркнул.

– Идиоты. Как только Бримстоун терпит людей?

Брови Кэроу поползли вверх.

– Да брось! Их проблема не в том, что они люди, а в том, что они недочеловеки.

– Тоже верно. Говорят, паршивая овца все стадо портит. Да, чудовище мое? – Последнюю фразу он произнес, обернувшись назад, и на этот раз в воздухе как будто прозвучал слабый отклик.

Кэроу не выдержала и посмотрела на пол, где тень Изила разметалась по плиткам. Разглядывать было невежливо, словно Изилово... *состояние...* следует не замечать, как косоглазие или родимое пятно.

Тени не врут, а Изилова говорила о том, что у него на спине сидит невидимое существо. Неповоротливое, с бочкообразной грудью, оно крепко обвивало руками шею старика. Вот до чего довело любопытство: существо оседлало его как мула. Кэроу не понимала, как это вышло, ей лишь было известно, что Изил загадал желание знать все на свете. В такой форме оно и осуществилось. Бримстоун предупреждал, что исполнение сильных желаний может привести к непредсказуемым последствиям, и это было подтверждением его словам.

Кэроу предполагала, что невидимое существо по имени Разгут хранило тайны, которые Изил жаждал узнать. Какими бы ни были эти тайны, вряд ли они стоили такой жертвы.

Разгут умел разговаривать. Кэроу уловила лишь едва слышный шепот и звук, похожий на шлепок толстых губ.

– Нет, – сказал Изил. – Об этом я не буду просить. Все равно она откажет.

Кэроу с отвращением наблюдала, как Изил спорит с существом, чью тень она видела на полу. Наконец расхититель могил произнес:

– Ладно, ладно, только тише! Сейчас спрошу. – Он повернулся к Кэроу и сказал извиняющимся тоном: – Он хочет попробовать на вкус. Чуть-чуть.

– Попробовать? – Кэроу моргнула. Чай еще не принесли. – Что попробовать?

– Тебя, принцесса желаний. Просто лизнуть. Обещает не кусаться.

Кэроу едва не стошнило.

– Н-нет.

– Что я тебе говорил, – проворчал Изил. – А теперь сиди тихо, хорошо?

В ответ послышалось слабое шипение.

Официант в белой джелабе разлил мятный чай, мастерски направляя длинную струю из чайника в матовые стаканы. Кэроу, заметив впалые щеки расхитителя могил, заказала еще и пирожные. После того, как он наелся и напился, она задала свой вопрос:

– Итак, что у тебя есть?

Он засунул руку в карман, извлек горсть зубов и бросил на стол.

Наблюдавший за ними Акива выпрямился. Все вокруг стихло, он не замечал ничего, кроме кучки зубов и девушки, которая сортировала их в точности так же, как это делал старый колдун.

Зубы. Маленькие и грязные, похищенные у мертвых – какими безобидными выглядели они на столе. Не попади они в руки Бримстоуна, такими бы и остались.

Задачей Акивы было остановить эту гнусную торговлю и тем самым покончить с дьявольской черной магией.

Он наблюдал, как девушка проверяла зубы – явно со знанием дела. К отвращению примешалось нечто вроде разочарования. Она казалась слишком чистой для такого бизнеса, однако, по всей видимости, он ошибался. Впрочем, в том, что она не торговка, он был прав. Если она делала работу Бримстоуна, то, безусловно, занимала более высокое положение. Какое?

– Боже, Изил, – сказала Кэроу, – какая гадость. Ты принес их прямо с кладбища?

– Массовое захоронение. Секретное. Разгут его обнаружил. Он безошибочно определяет трупы.

– Какой талант.

Кэроу передернуло от мысли, что Разгут с вождением смотрит на нее, надеясь попробовать на вкус. Она снова занялась зубами. Грязные, с налипшим на корни высохшим мясом, зубы были явно невысокого качества

– они принадлежали людям, которые питались грубой пищей, курили трубки и не знали, что такое зубная паста.

Она сгребла их, бросила в остатки чая, прополоскала, а затем вытряхнула на стол мокрую кучку вперемешку с листьями мяты. Теперь зубы стали чуть чище. Один за другим, она осмотрела каждый. Резцы, моляры, клыки, постоянные и молочные.

– Изил, ведь Бримстоун не берет детские зубы.

– Ты не знаешь всего, девочка, – проговорил он.

– Чего я не знаю?

– Иногда берет. Один раз точно было дело.

Кэроу не поверила, – Бримстоун никогда не покупал молочные зубы, ни звериные, ни человеческие, – однако спорить не стала.

– Понятно. Но сегодня он не просил, так что придется отказаться.

Она отодвинула в сторону крошечные зубы и попыталась не думать о маленьких телах в братской могиле.

Каждый крупный зуб она подержала в руках, прислушиваясь к исходящему от него гулу, и рассортировала на две кучки.

Изил с тревогой наблюдал, переводя взгляд с одной кучки на другую.

– Жрали слишком много, да? Прожорливые цыгане! Уже умерли, а все жуют и жуют. Разве так ведут себя за столом?

В основном зубы были стертymi, гнилыми и не годились для Бримстоуна. После сортировки одна кучка оказалась гораздо солиднее другой. На нее и указал Изил.

Кэроу покачала головой и вынула несколько купюр из кошелька, который ей вручил Бримстоун, – плата за несколько жалких зубов очень щедрая, но Изил надеялся на большее.

– Сколько я рыл, – захныкал он, – и что взамен? Бумажки с портретом мертвого короля! Мертвецы всегда пьются на меня. – Он понизил голос. – Я уже не могу, Кэроу. Я устал. Едва держу в руках лопату. Копаю твердую землю, рою, как собака. Все, с меня хватит!

Жалость захлестнула ее.

– Но ведь есть другие способы зарабатывать на жизнь...

– Нет. Мне остается лишь смерть. Следует гордо умереть, коль нельзя дальше гордо жить. Так говорил Ницше. Мудрый человек. С шикарными усами. – Он подергал собственные задрипанные усы и попытался выдавить улыбку.

– Не верю, что ты хочешь умереть.

– Если бы только был способ освободиться...

– А разве его нет? – горячо спросила она. – Ведь что-то можно сделать.

Его пальцы беспокойно теребили усы.

– Мне не хочется об этом думать, дорогая, но... есть один способ. Если только ты захочешь помочь мне. Ты единственная, у кого хватит смелости и доброты... Ох!

Внезапно он схватился рукой за ухо, по пальцам потекла кровь. Кэроу отпрянула. Наверное, его укусил Разгут.

– Попрошу, только если сам захочу, чудовище! – крикнул расхититель могил. – Да, ты – чудовище! Мне все равно, кем ты был раньше. Сейчас ты чудовище.

Завязалась странная схватка: казалось, старик боролся сам с собой. Рядом в испуге метался официант, а Кэроу отодвинула свой стул подальше от молотящих в воздухе конечностей, видимых и невидимых.

– Прекрати! Прекрати немедленно! – вскричал Изил, вытаращив безумные глаза.

Собравшись с духом, он взял посох и хватил по собственному плечу и сидевшему на нем существу. Он наносил все новые и новые удары, словно избивая самого себя, затем вскрикнул и упал на колени. Посох отлетел в сторону, обе руки прижались к шее. Кровь впитывалась в воротник джелабы – судя по всему, существо цапнуло его еще раз. Мучения, отразившиеся на лице старика, заставили Кэроу броситься к нему, чтобы помочь встать на ноги.

Ошибка!

Сейчас же на шее она ощутила скользкое прикосновение – язык. Ее передернуло. Разгут получил свое. Последовало омерзительное злобное ворчание, и она отпрянула в сторону, оставив расхитителя могил стоять на коленях.

С нее достаточно. Она собрала со стола зубы и взяла альбом.

– Подожди, прошу! – взмолился Изил. – Кэроу, пожалуйста!

Отчаяние в его голосе заставило ее остановиться. Покопавшись, он достал что-то из кармана. Щипцы. На вид заржавленные, но Кэроу знала – это не ржавчина. Щипцы – рабочий инструмент, которым он орудовал во ртах мертвецов.

– Пожалуйста, дорогая, – сказал он. – Больше просить некого.

Наконец она поняла, что ему нужно, и в ужасе отшатнулась.

– Боже мой, Изил! Ни за что!

– Бруксис мне помог бы. Свой я уже истратил. Чтобы отменить дурацкое желание, нужен еще один. Загадаешь, чтобы он отстал от меня. Пожалуйста, прошу!

Бруксис. Желание, более сильное, чем гавриэль, добывают лишь ценой

собственных зубов – вырвав их все до единого. Самостоятельно.

При мысли о том, как она один за другим вырывает себе зубы, Кэроу стало дурно.

– Ты совсем ополоумел, – прошептала она, оскорбленная тем, что он смеет предлагать ей такое. С другой стороны, он – безумец, и таковым он сейчас и выглядел.

Она сделала шаг назад.

– Я бы не просил, сама знаешь, но это единственный способ!

Опустив голову, Кэроу быстро пошла прочь и ни за что не обернулась бы, если бы не истошный вопль, раздавшийся у нее за спиной. Он вырвался из хаоса площади Джемаа-эль-Фна и мгновенно заглушил все остальные звуки. Нечто похожее на неистовые причитания, поток высокого звука, какого она ни разу в жизни не слышала.

Исходил он явно не от Изила.

Жуткий вопль разрастался, дрожащий и отчаянный, и наконец разбился, как волна о камень, и стал похож на некую речь – шелестящую, без твердых согласных. Изменения высоты звука, судя по всему, представляли собой слова, но Кэроу, которая владела более чем двадцатью языками, их не знала.

Она обернулась. Все вокруг тоже оборачивались и вытягивали шеи. При виде источника звука лица людей перекашивало от ужаса.

Существо на спине Изила больше не было невидимым.

14. Смертоносная птица души

Язык был незнаком Кэроу, но не Акиве.

– Серафим, я тебя вижу! – гремел голос. – Я тебя знаю! Брат, брат, я отбыл свой срок. Я сделаю все. Я раскаялся и был достаточно наказан...

Ничего не понимая, Акива уставился на существо, материализовавшееся на спине старика.

Почти голое, с обрюзгшим телом, тонкими руками, оно крепко обвивало шею человека. Ноги болтались сзади, а голова существа, раздутая, лилового цвета, была словно налита кровью и готова в любую минуту лопнуть. Отвратительное существо. Его способность говорить на языке серафимов казалась кощунством.

Акива застыл. Он стоял, вытаращив глаза, пока изумление, вызванное звуками родного языка не сменилось шоком от того, что говорило существо.

– Мне оторвали крылья, брат мой! – Существо не сводило глаз с Акивы. Убрав одну руку с шеи старика, оно с мольбой потянулось к нему. – Скрутили ноги, чтобы я ползал, как червь. Тысячу лет назад меня изгнали. Тысяча лет мучений! Но ты пришел, ты пришел, чтобы забрать меня домой. Домой?

Нет. Это невозможно.

При виде существа одни люди отводили в сторону глаза, другие, проследив направление его молящего взора, уставились на Акиву. Он окинул толпу обжигающим взглядом. Некоторые отошли, бормоча молитвы. А затем он заметил девушку с синими волосами, остановившуюся ярдах в двадцати. Спокойная и сияющая, она выделялась в грязной толпе.

И тоже смотрела на него.

Смотрела прямо в глаза, обведенные черным контуром, на бронзовом от загара лице. Глаза огненного цвета, рассыпающие в воздухе искры и прожигающие насквозь. Кэроу подбросило не только от испуга, – по телу словно прошла цепная реакция. Она ощутила легкость в руках и ногах и внезапный мощный порыв – борись или беги!

«Кто?» – подумала она, разум ее пытался угнаться за инстинктами.

И — «что?».

Хранящий невозмутимое спокойствие посреди всеобщей суеты, он

явно не был человеком. Пульс застучал в кистях рук, и Кэроу сжала их в кулаки, ощущая бешеное гудение в венах.

Враг. Враг. Враг. Осознание билось в ней в ритме сердца: незнакомец с огненными глазами – враг. Лицо его – *нереально* красивое, верх совершенства – было абсолютно бесстрастно. Она металась меж двух огней: стремлением убежать и боязнью повернуться к нему спиной.

Сделать выбор помог Изил.

– Малак! – крикнул он, указывая на незнакомца. – Малак!

Ангел.

Ангел.

– Я узнал тебя, смертоносная птица души! Я знаю, что ты есть. – Изил обернулся и торопливо произнес: – Кэроу, принцесса желаний, ступай к Бримстоуну. Скажи ему: серафимы здесь. Они вернулись. Ты должна его предупредить. Скорее, детка, скорее!

И она помчалась.

По площади Джемаа-эль-Фна, где любую попытку бежать затрудняло беспорядочное движение толпы. Пробираясь сквозь людскую массу, она едва не врезалась в верблюжий бок, перепрыгнула через свернувшуюся кольцом кобру – та сделала выпад, беззубый и неопасный. Улучив момент, Кэроу бросила взгляд назад: погони не было видно, однако она ее чувствовала.

Трепетал каждый нерв. Тело приготовилось к бою. Не было даже ножа в сапоге – ей и в голову не пришло, что он может понадобиться на встрече с расхитителем могил.

Она выскочила на одну из улочек, что стекались к площади как речные притоки. Столпотворения на базарчиках уже рассеялись, множество огней погасло. Она то ныряла в темноту, то выныривала из нее, размеренно и легко, почти беззвучно, старалась избегать столкновений на поворотах, оглядывалась снова и снова, но не видела погони.

Ангел. Слово не переставало звучать в голове.

Она приближалась к portalу. Еще один поворот, одна улочка, и она доберется до места – ведь удалось же ей уйти так далеко.

Над головой сгустилась тьма – луну заслонила чья-то тень. Фигура с огромными крыльями неслась с неба прямо на Кэроу. Жар, удары крыльев, свист рассекаемого клинком воздуха. Она отскочила в сторону, почувствовала, как сталь, пройдя по плечу, вонзилась в резную дверь, расщепив ее на куски. Схватив зазубренный обломок дерева, она стала вертеть им перед лицом нападавшего.

Он стоял на расстоянии всего лишь вытянутой руки, острие меча

уперлось в землю.

Действительно, ангел. Длинное лезвие меча светилось белым светом от раскаленных крыльев – мерцающих и таких огромных, что они задевали стены с обеих сторон улочки, каждое перо напоминало сдуваемый ветром язык пламени.

Глаза!

Его взгляд, как зажженный фитиль, опалял воздух. Никого более красивого Кэроу в жизни не встречала. Первая мысль, нелепая, но всепоглощающая: запомнить его, чтобы позже нарисовать. Вторая – никакого «позже» не будет, он ее убьет.

Он так быстро приблизился к ней, что воздух озарила вспышка света от крыльев, перед глазами у Кэроу замелькали огненные пятна. Меч вновь задел ее, на этот раз руку, но она успела уклониться от смертельного удара. Двигаясь свободно, живо, легко, Кэроу держала дистанцию, которую он пытался сократить. Их глаза снова встретились, и за его потрясающей красотой Кэроу разглядела бесчеловечность, полное отсутствие сострадания.

Он опять сделал выпад. Как бы проворна ни была Кэроу, увернуться она не успела. Меч, нацеленный в шею, задел лопатку, не больно – боль придет позже, если ее не убьют. Кэроу почувствовала растекающееся тепло – кровь. Еще атака, и она отразила ее расколовшимся в щепу обломком двери. Половина отвалилась, и теперь у нее в руках был кусок старой древесины размером с кинжал – смехотворная замена оружию. Быстрым движением она нанесла удар, ощутив, как обломок вошел в тело и увяз в нем.

Кэроу уже доводилось вонзать нож в человека, она ненавидела отвратительное чувство проникновения в живую плоть. Отпрянув назад, она оставила свое импровизированное оружие в его боку. На его лице не отразилось ни боли, ни удивления. Он подошел ближе, и Кэроу подумала, что лицо у него мертвое. Или, скорее, живое лицо мертвой души.

Оно вселяло ужас.

Теперь он загнал ее в угол, и оба понимали – ей не выбраться. Она едва замечала доносившиеся отовсюду крики изумления и страха, сосредоточив все внимание на ангеле. Что вообще это значит – *ангел*? Что там сказал Изил? *Серафимы здесь.*

Она слышала это слово раньше. Серафимы – высокий ангельский чин, по крайней мере, так гласят христианские предания. К ним Бримстоун относился с презрением.

– О многих вещах, – говорил он, – у людей самое поверхностное

представление. Чего не хватает для полной картины, они выдумывают. Словно составляют из сказок лоскутное одеяло, в котором то там, то сям встречается клочок правды.

– Так как же узнать, что кто-то действительно существует? – допытывалась она.

– Если ты можешь кого-то убить или если этот кто-то может убить тебя, то он существует на самом деле.

Исходя из определения, ангел был еще какой настоящий.

Он поднял меч. Взгляд Кэроу на миг задержался на исполосовавших его пальцы черных татуировках – они показались ей смутно знакомыми, но ощущение исчезло так же быстро, как появилось. Не понимая, за что ее хотят убить, она в оцепенении смотрела на ангела. Неужели пришла последняя минута ее жизни? Она вскинула голову, отчаянно пытаясь разглядеть в его лице хоть какой-то намек на... душу. И ей удалось.

Он смутился. Лишь на долю секунды с лица его слетела маска, но Кэроу успела заметить мимолетное сострадание, волну чувства, которая смягчила жесткие, неправдоподобно идеальные черты. В замешательстве он приоткрыл рот и нахмурил брови.

В то же мгновение она ощутила пульс, который заставил руки сжаться в кулаки при первой встрече с ним, и до нее вдруг дошло – биение исходит от татуировок. Она подчинилась внезапно охватившему ее порыву поднять руки вверх вперед ладонями с вытатуированными на них глазами, – неизвестно откуда взявшийся рисунок, который был с ней всю ее жизнь.

И что-то произошло.

Это было похоже на взрыв: весь воздух неожиданно собрался в плотный сгусток, а затем резко высвободился. Ни звука, ни света – толпа зевак не видела ничего, кроме вскинувшей руки вверх девушки, – однако Кэроу почувствовала это, и ангел тоже. По расширившимся глазам было ясно – рисунок ему знаком. Секунду спустя невероятной силой его отбросило в стену футах в двадцати позади. Он сполз на землю, с покореженными крыльями, меч отлетел в сторону. Кэроу быстро встала на ноги.

Ангел не двигался.

Она пустилась наутек. За спиной воцарилась тишина, слышался лишь звук ее собственного дыхания, странным образом усиленный, словно она бежала по туннелю. Свернув за угол, она чуть не налетела на осла, который стоял как вкопанный посреди улицы. Впереди уже виднелся портал, ничем не примечательная дверь в ряду таких же дверей, но все же что-то в ней изменилось. На деревянной поверхности был выжжен большой черный

отпечаток руки.

Кэроу бешено застучала кулаками – никогда раньше она так не ломилась в двери.

– Исса! – пронзительно закричала она. – Впусти меня!

Невероятно долго тянулось время, Кэроу то и дело бросала встревоженный взгляд через плечо. Наконец дверь распахнулась.

Кэроу бросилась было внутрь, но, опешив, вскрикнула. Перед ней стояла марокканка с метлой в руках. Только этого не хватало! Женщина прищурила глаза и уже открыла рот, чтобы начать браниться, но Кэроу не стала ждать. Впихнув женщину внутрь помещения, она быстро захлопнула дверь, а сама осталась на улице. И неистово застучала снова.

– Исса!

Она слышала, как верещит и пытается вырваться наружу марокканка. Кэроу ругнулась и крепче прижала дверь. Если она откроется, магия портала не сработает.

– Отойдите от двери! – крикнула Кэроу по-арабски.

На улице поднялась суматоха, люди вокруг галдели, махали руками. Только осел оставался равнодушным. Ангела видно не было. Неужели она его убила? Нет. Что бы ни произошло, она точно знала, он не умер. Он придет.

Она вновь заколотила в дверь.

– Исса, Бримстоун, умоляю!

В ответ неслась лишь сердитая арабская речь. Кэроу подперла дверь ногой и продолжала стучать.

– Исса! Он меня убьет, Исса! Впусти меня.

Почему так долго не открывают? Секунды таяли одна за другой, как скаппи из ее ожерелья. Дверь дергалась под ногой, кто-то пытался открыть ее изнутри. Может быть, Исса? И тут Кэроу почувствовала горячую волну воздуха. Она не стала мешкать: развернулась, уперлась в дверь спиной и подняла руки, открыв глаза на ладонях. Взрыва не последовало, раздался лишь треск, от которого волосы на голове Кэроу зашевелились, как змеи у горгоны Медузы.

С опущенной головой, глядя на нее исподлобья, ангел приближался. На этот раз его поступь не была легкой, он шел словно против ветра. Какой бы силой ни обладали татуировки Кэроу, они затрудняли ему путь, но не останавливали. Руки сжаты в кулаки, на лице – свирепое выражение, он явно намеревался вынести любую боль.

Остановившись в нескольких шагах, он взглянул на нее – уже не мертвенным взором, – сначала в лицо, затем на обереги, и снова в лицо.

Туда и сюда, словно хотел что-то понять и не мог.

– Кто ты? – спросил он, и она едва узнала язык, на котором говорили химеры, – так мягко он звучал в его устах.

– Выясняй это прежде, чем пытаться убить!

За спиной кто-то вновь толкнул дверь. Если не Исса, все – конец.

Ангел шагнул вперед, Кэроу отскочила в сторону, и дверь распахнулась.

– Кэроу! – резко прозвучал Иссин голос.

Кэроу влетела в портал, захлопнув за собой дверь.

Акива ринулся за ней, рванул ручку, однако очутился лицом к лицу с кричащей женщиной, которая побелела как полотно и уронила метлу к его ногам.

Девушка исчезла.

Он постоял на месте в полном замешательстве от творившегося вокруг безумия. В голове роились мысли. Девчонка предупредит Бримстоуна. Надо было остановить ее, убить. А он промедлил, позволил ей увернуться. Почему?

Все просто. Ему хотелось на нее взглянуть.

Дурак.

И что же он увидел? Мимолетную тень из прошлого. Призрак той, что когда-то научила его милосердию, чтобы собственной же судьбой опровергнуть этот урок доброты. Ему казалось, искры милосердия умерли в нем все до единой, однако убить девушку он не смог.

Но откуда взялись хамсы?

Человек, помеченный глазами дьявола! Как такое может быть?

Ответ возможен только один, в одинаковой степени простой и тревожный.

Она – не человек.

15. Другая дверь

В передней Кэроу упала на колени. Тяжело дыша, она прижалась к свернутому в кольцо змеиному телу Иссы.

– Кэроу! – Исса заключила ее в объятия, и обе сразу же ощутили липкую кровь. – Что произошло? Кто это сделал?

– Разве ты его не видела? – изумилась Кэроу.

– Кого?

– Ангела...

Реакция Иссы была бурной. Она вскинулась, как змея, готовая нанести удар, и прошипела:

– Ангел?

Все ее змеи – в волосах, обвитые вокруг талии и рук, – стали выгибаться и шипеть вместе с ней. Кэроу вскрикнула от боли, причиняемой их движением.

– О, моя дорогая, моя милая девочка. Прости. – Исса вновь смягчилась и бережно обняла Кэроу. – Что значит – ангел? Уж не...

Кэроу заморгала глазами.

– Почему он хотел меня убить?

– Дорогая, дорогая, – забеспокоилась Исса. Она стянула с Кэроу порванное пальто и шарф, чтобы осмотреть раны, но кровь все еще текла, а свет в передней был слишком тусклым. – Как много крови!

Кэроу казалось, что стены вокруг медленно раскачиваются. Внутренняя дверь все не отворилась.

– Пойдем в лавку, – произнесла она слабым голосом. – Мне нужен Бримстоун.

Она помнила, как он взял ее на руки, когда, истекающая кровью, она вернулась из Санкт-Петербурга. Как хорошо и спокойно становилось от мысли, что он ее вылечит. Как тогда...

Исса скомкала пропитанный кровью шарф Кэроу и прижала к ранам.

– Его пока нет, милая девочка.

– Где он?

– Он... Его нельзя беспокоить.

Кэроу застонала. Она хотела к Бримстоуну. Нуждалась в нем.

– А ты побеспокой, – сказала она и почувствовала, что мысли путаются.

Она куда-то поплыла.

И провалилась.

Голос Иссы вдалеке.

А затем – пустота.

То и дело возникали образы, как в плохо смонтированном фильме: полные тревоги глаза Иссы и Ясри. Мягкие руки, прохладная вода. Сны: Изил и существо у него на спине, с раздутым коричнево-фиолетовым, как подгнивший плод, лицом, и ангел, не сводящий пристального взгляда с Кэроу, словно пытающийся поджечь ее своими глазами.

Приглушенный голос Иссы: «Они явились в мир людей. Что это может означать?»

Ясри: «Наверное, нашли путь назад. Долго же они его искали, с таким-то сомнением».

Это уже не сон. К Кэроу вернулось сознание, словно она наконец доплыла до отдаленного берега, и на это потребовалось много усилий. Она лежала на своей раскладушке в глубине лавки – почувствовала это, даже не открывая глаз. Раны причиняли острую боль, в воздухе витал запах целебного бальзама. Две химеры стояли в конце прохода между стеллажами и шепотом разговаривали.

– Но зачем нападать на Кэроу? – прошипела Исса.

Ясри:

– А вдруг они все о ней знают? Тебе так не кажется?

Исса:

– Конечно, нет. Что за глупости!

– Ох, поскорее бы пришел Бримстоун, – вздохнула Ясри. – Может, сбегает, позовем его?

– Ему нельзя мешать, не знаешь разве? Наверное, скоро сам придет.

– Да.

После тревожной паузы Исса вдруг произнесла:

– Ну и разозлится же он.

– Да, – согласилась Ясри дрогнувшим от страха голосом.

Кэроу почувствовала, как обе химеры уставились на нее, и притворилась, что она все еще без сознания. С болью, разлившейся в груди, руке и ключице, много усилий для этого не потребовалось. Резаные раны составят славную компанию шрамам от пуль. Хотелось пить. Шепни она об этом Ясри, та тотчас принесла бы воды. Однако Кэроу хранила молчание – слишком многое нужно было обдумать.

– Они не могли о ней знать, – произнесла Ясри.

Знать что?

Эта тайна сводила с ума. Кэроу испытала жгучее желание подскочить

и крикнуть: «Кто я?» – но сдержалась. Притворилась спящей, потому что кое-что еще не давало ей покоя.

Бримстоун ушел.

Он был здесь всегда. Ей не позволялось входить в лавку в его отсутствие, и только чрезвычайными обстоятельствами – грозящей ей смертью – объяснялось нарушение этого правила сейчас.

Значит, ей выпал шанс.

Кэроу выждала, пока Ясри и Исса ушли. Она знала: стоит только пошевелиться, пружины заскрипят и все испортят. Поэтому она потянулась к нитке со скаппи, надетой на запястье.

Вот нашлось и еще одно применение практически бесполезным желаниям: заставить скрипучие пружины замолчать.

Она встала, стараясь не потерять равновесие. Голова кружилась, раны горели огнем. Ясри и Исса сняли с нее обувь, пальто и свитер. На ней остались лишь джинсы, испачканная кровью блузка да повязки. Босая, она миновала несколько шкафов, пригнувшись, прошла под нитями с нанизанными на них зубами верблюдов и жирафов, затем остановилась, прислушалась и выглянула в лавку.

Над столами Бримстоуна и Твиги было темно, колибри с крыльями мотыльков не бились о фонари. Исса и Ясри разговаривали в кухне, вся лавка погрузилась во тьму. Оттого еще ярче горела полоска света под другой дверью, которая впервые за всю жизнь Кэроу оказалась приоткрытой.

Сердце норовило выскочить из груди. Остановившись на мгновение, она взялась за ручку и приотворила дверь.

16. Падший

Акива нашел Изила за мусорной кучей на площади Джемаа-эль-Фна. Странное существо все еще сидело у него на спине. Вокруг сгрудились перепуганные зеваки, но как только Акива в разлетающихся искрах спустился с небес, люди, визжа, как свиньи под кнутом, бросились врассыпную.

Существо потянулось к Акиве.

– Брат мой, – промурлыкало оно, – я знал, что ты вернешься.

Акива в изумлении открыл рот. Пересилив себя, он взглянул на уродливое создание. В нем угадывались остатки былой красоты: миндалевидные глаза, правильной формы нос с высокой переносицей и чувственные губы, которые смотрелись нелепо на отвратительном, раздутом лице. Однако разгадка его настоящего происхождения находилась на спине: на лопатках торчали раздробленные остатки крыльевых суставов.

Невероятно, но существо было серафимом. Одним из Падших.

Акива знал их историю, однако никогда не задумывался, правдива ли она, – до сей поры, пока не оказался лицом к лицу с живым ее подтверждением.

Легенда гласила, что некогда жили серафимы, которых за предательство и помощь врагам навсегда изгнали, вышвырнули в мир людей. И вот один из них перед ним. Пал он действительно низко. Время скрутило его спину, ноги болтались бесполезным грузом. Их намеренно раздробили, чтобы он никогда больше не смог ходить. Словно недостаточно вырванных крыльев – не отрезанных, а именно *вырванных*, – его лишили ног и заставили ползать по земле в чужом мире.

Так прожил он тысячу лет и теперь, встретив Акиву, был вне себя от радости.

В отличие от Изила, который вжался в вонючую мусорную кучу: Акива навел на него страху больше, чем толпа людей. Пока Разгут восторженно причитал: «Брат мой, брат мой...» – старик беспомощно трясся, пытаясь отступить, но уходить было некуда.

Акива навис над ним, озаряя крыльями, как дневным светом.

Разгут жадно тянулся к Акиве.

– Я отбыл свой срок, ты пришел за мной. Ведь так, так, брат мой? Ты меня заберешь, и я снова смогу ходить. Смогу летать...

– Ты здесь ни при чем, – сказал Акива.

– Как?.. Кто тогда тебе нужен? – выдавил Изил на языке серафимов, которому научился у Разгута.

– Девушка, – ответил Акива. – Расскажи мне о девушке.

17. Мир распался

По другую сторону двери открылся коридор, вымощенный унылым черным камнем. Он тянулся футов на десять вперед, а затем поворачивал. Перед поворотом в стене оконце – узкое и зарешеченное. От того места, где стояла Кэроу, не было видно, куда оно выходит. Струящийся сквозь окно белый свет рисовал прямоугольники на полу. «Луна», – подумала Кэроу. Что за пейзаж открывается из окна? Что за место? Ведет ли эта дверь, так же как передняя, в несметное число городов, или здесь нечто совершенно иное? Сделать несколько шагов – и все выяснится. Но посмеет ли она?

Кэроу прислушалась. Откуда-то издалека доносились звуки, но в самом коридоре стояла тишина.

И она решилась. Крадучись пошла вперед. Несколько бесшумных торопливых шагов на цыпочках – вот уже и окно. Она вглядывается вдаль сквозь массивные прутья стальной решетки.

Мышцы лица, напряженные от волнения, внезапно расслабились. Объятая благоговейным страхом, Кэроу в изумлении открыла рот. Мгновение спустя она сомкнула челюсти и вздрогнула, настолько резко лязгнули в тишине зубы. Она наклонилась вперед, всматриваясь в открывшуюся перед ней картину.

Что бы это ни было, она поняла точно: это не ее мир.

В небе стояли две луны. Это прежде всего. Две луны! Первая представляла собой сияющий полукруг, вторая – бледный серп, едва взошедший над горой. Что же до пейзажа, который они освещали, Кэроу сообразила, что находится в огромной крепости. Шестиугольные бастионы укрепляли массивные обнесенные валами стены там, где они соединялись; в центре располагался приличных размеров город, а над всем этим возвышались зубчатые башни. По высоте своего пункта наблюдения Кэроу определила, что стоит в одной из них. На вершинах башен расхаживали караульные. Если бы не две луны, место походило бы на окруженный крепостными стенами городок старой Европы.

Но было и еще отличие. Решетки.

Удивительно, но сверху город оплетали стальные прутья. Никогда раньше Кэроу не видела ничего подобного. Дугообразной формы бурочерные уродливые прутья тянулись между пролетами стены из утрамбованной земли и охватывали даже башни. Располагались они так близко друг к другу, что вряд ли кому-нибудь удалось бы протиснуться

между ними. Улицы и площади города словно существовали в клетке, и в лунном свете повсюду разбросались зигзагообразные тени.

Зачем нужны решетки? Чтобы никого не впускать и не выпускать?

Внезапно с неба устремилась вниз крылатая фигура. Отпрянув, Кэроу решила, что нашла ответ на свои вопросы. Ангел, серафим – вот первая мысль, которая пришла в голову и заставила сердце бешено стучать, а раны – пульсировать. Но это был не ангел. Фигура пронеслась над головой и скрылась из виду, но Кэроу успела разглядеть животное, похожее на крылатого оленя. Неужели химера? Она всегда подозревала – их должно быть больше, хотя в своей жизни видела лишь четырех. Они никогда не говорили, что существуют другие.

До Кэроу вдруг дошло: весь этот город населен химерами, и за его стенами лежит целый мир, – мир двух лун, населенный химерами. При этой мысли ей пришлось крепче ухватиться за прутья, чтобы не упасть – вселенная словно завибрировала и увеличилась в размерах.

Существует другой мир.

Другой мир.

Сколько ни строила она предположений о второй двери, вообразить такое не могла. Мир – со всеми своими континентами, горами, лунами – распался на части. Голова и без того кружилась от потери крови, а тут еще это открытие! Чтобы удержаться на ногах, Кэроу вцепилась в оконную решетку.

В это мгновение до ее слуха донеслись голоса. Близкие. И знакомые. Эти голоса она слышала с детства: склонив непропорциональные телам головы, их обладатели вели долгие разговоры о зубах. Бримстоун и Твига вот-вот должны были появиться из-за угла.

– Ундина привезла Тьяго, – произнес Твига.

– Идиот, – вздохнул Бримстоун. – Он считает, в такие времена армия может позволить себе потерять его? Сколько раз повторять: генералу нет нужды сражаться на фронте!

– Таким храбрецом он стал благодаря тебе, – откликнулся Твига, на что Бримстоун только фыркнул. Совсем близко!

Кэроу от страха едва не лишилась рассудка. Бежать назад времени не было. Она вжалась в оконную нишу и замерла.

Бримстоун и Твига прошли мимо.

Кэроу боялась, что они войдут в лавку, захлопнут за собой дверь, и она останется здесь, как в ловушке. Она собралась было закричать, однако они миновали дверь. Паника отступила. На ее месте вспыхнуло кое-что другое – гнев.

От нее годами скрывали тайны, словно она не заслуживала доверия, чтобы узнать правду даже о себе самой. Гнев придал храбрости, и она решила разузнать как можно больше, раз уж оказалась здесь. Вряд ли ей выпадет еще один шанс. Поэтому, когда Бримстоун и Твига свернули на лестницу, она отправилась за ними.

Башенная лестница крутым винтом вела вниз. От ходьбы по спирали у Кэроу закружилась голова: спуск, поворот, спуск, поворот... Ей начало казаться, что она в чистилище и никогда не выберется отсюда, так и будет бесконечно шагать по ступеням. Какое-то время она шла мимо узких окон, затем они кончились. Воздух стал прохладным, и у Кэроу появилось ощущение, что она находится под землей. До нее доносились обрывки разговора Бримстоуна и Твиги, но уловить смысл она не могла.

Твига:

– Скоро нам потребуется больше ладана.

Бримстоун:

– И не только его. Такой бешеной атаки не было уже несколько десятилетий.

– Думаешь, на этот раз им удастся захватить город?

– Решимости им не занимать.

– Долго мы сможем удерживать оборону? – спросил Твига дрогнувшим голосом.

– Не знаю.

Как раз в то мгновение, когда Кэроу подумала, что больше поворотов не вынесет, спуск закончился. Внизу все оказалось интереснее.

Намного интереснее.

Лестница вела в просторный зал, каждый звук здесь отражался эхом от стен. Кэроу приходилось держаться от Бримстоуна и Твиги на достаточном расстоянии, однако, как только голоса отдалялись в поглощающем их безмерном пространстве, она пускалась следом.

Ей казалось, она находится в кафедральном соборе, на постройку которого ушли тысячелетия. Помещение представляло собой массивную естественную пещеру, уходящую ввысь едва ли не совершенной готической аркой. Из старых, как мир, сталагмитов были вырезаны столбы в форме зверей, а над головой звездными скоплениями мерцали канделябры. В воздухе витал густой аромат трав и запах серы, между столбами вился дым и разделялся на пряди легкими дуновениями, исходящими из невидимых отверстий в стенах.

Бримстоун и Твига шли по длинному нефу^[5] собора, в котором не было скамей для прихожан, зато стояли столы, – гигантские каменные

столы, такие огромные, что, наверное, потребовались слоны, чтобы затащить их сюда.

И на одном из них действительно лежал слон.

Или... нет. Не совсем слон. Когтистые ноги и массивная голова медведя гризли с клыками слона. Химера.

Мертвая химера.

На всех столах лежали мертвые химеры, десятки мертвых химер. Кэроу рассеянно переводила взгляд с одного стола на другой. Здесь не было двух одинаковых трупов. Многие имели что-нибудь от человека, голову или торс, но не все. Обезьяна с львиной гривой; игуана, настолько громадная, что ее, скорее, можно было назвать драконом; обнаженная женщина с головой ягуара.

Бримстоун и Твига бродили среди них, прикасались, осматривали. Дольше всего они задержались около одного мужчины. Тоже обнаженного. Такого Кэроу и Зузана с самодовольными улыбками знатоков назвали бы «отличным экземпляром». Широкие плечи, узкие бедра, рифленый живот, четко выражены все мышцы, знакомые Кэроу по урокам рисования с живой натуры. Мощная грудь покрыта волосами чисто-белого цвета, волосы на голове, тоже белые, длинные и шелковистые, разметались по столу.

На крюке над его головой висела богато украшенная серебряная кадильница, из которой шел густой дым от ладана. Кадильница походила на те, что используют в католической мессе. Бримстоун положил руку на грудь человека. На лице его отразилась то ли любовь, то ли печаль – Кэроу не смогла разобрать. Когда он и Твига скрылись в дальнем конце нефа, она вышла из своего укрытия и приблизилась к столу.

Седые волосы казались нелепостью. Мужчина был молод, без единой морщинки. И красив. На мертвом, будто восковом лице застыла маска бесстрастия.

По сравнению с остальными химерами он обладал большим количеством человеческих признаков, хотя тоже был не совсем человеком. Примерно от середины бедер начинались покрытые белой шерстью волчьи ноги, с выгнутой назад нижней частью и черными когтями. Кисти рук, широкие, с шерстью на тыльной стороне, представляли собой лапы с человеческими пальцами и звериными когтями. Они словно специально лежали ладонями вверх.

В центре каждой ладони красовалась татуировка, такая же, как у Кэроу, – глаз.

Пораженная, она отшатнулась назад.

Значит, это нечто особенное. Нечто важное. *Ключ* к разгадке... Но что

он означал? Она повернулась к другому столу, к существу с львиной гривой. Лапы обезьяньи, с черной кожей на ладонях, но все же она различила на них хамсы.

Кэроу перешла к следующему столу, потом еще к одному. Помечены даже гигантские ступни передних ног полуслона. У каждого из мертвых существ были такие же хамсы, как у нее. Мысли запрыгали в голове в ритме гулко бившегося сердца. Что происходит? Десятки химер, все мертвые и раздетые, без видимых следов ранений, лежат на каменных блоках в каком-то подземном соборе. С ними ее связывали хамсы, но в чем заключалась эта связь – она не могла вообразить.

Вновь подойдя к первому столу, она склонилась над человеком с белыми волосами. От кадилницы исходил ароматный дым, и Кэроу охватила тревога: а вдруг запах выдаст ее, когда она вернется в лавку?.. От мысли, что придется карабкаться вверх по нескончаемой лестнице, ей стало дурно. Раны пульсировали и болели. Кровь уже пропитала повязки, действие бальзама, наложенного Ясри, заканчивалось.

Но... это место. Трупы. Сбитая с толку, Кэроу не чувствовала в себе сил разрешить загадку. Хамсы седовласого юноши не давали покоя. Чтобы сравнить рисунки, она взяла его за руку.

Метки совпадали. В это самое мгновение в мозгу что-то щелкнуло. Однако предупреждение притупленного восприятия пришло слишком поздно.

Его рука... была *теплой*.

Не мертвой.

Он не мертвый!

Резкое движение – юноша вскочил и крутанулся на коленях. Рука, прежде неподвижная, схватила ее за горло, оторвала от земли и бросила на каменный стол. Головой о камень... У нее потемнело в глазах. Когда зрение вернулось, он стоял над ней – глаза ледяные, оскаленные клыки. Дышать она не могла: он все еще сдавливал ей горло. Она вцепилась в его руку, стараясь освободиться. Наконец ей удалось подогнуть колени и сбросить его.

Вдохнув, она попыталась крикнуть, но через мгновение он вновь оказался сверху, тяжелый и разъяренный, и она защищалась, как могла, отбивалась так, что в конце концов они упали со стола. Обнаженные конечности молотили сильно и беспорядочно, все попытки Кэроу вырваться ни к чему не приводили. Он сел ей на ноги и уставился на нее. На мгновение безумие словно исчезло из его глаз. Он перестал рычать и снова стал выглядеть почти человеком, красивым, но все же внушающим

ужас и... растерянным.

Схватив ее запястья, он разжал ладони, увидел хамсы и вновь перевел взгляд на лицо. Осмотрел с головы до ног так, будто обнажен не он, а она. Затем издал низкий рык, заставивший ее содрогнуться.

– Кто ты?

У нее не было сил говорить. Сердце учащенно билось. Раны горели огнем. Да и ответа на этот вопрос она не знала.

– Кто ты?

Потянув за запястья, он швырнул ее на каменный стол и прыгнул сверху. По-звериному гибкие движения, острые зубы, вполне способные разорвать горло... Кэроу вдруг ясно представила, как ее попытка нарушить запрет закончится прямо здесь, в луже крови.

Она сделала решительный вдох.

И закричала.

18. Не сражайся с монстрами

– Девушка? – Изил покосился на Акиву. – Ты... говоришь о Кэроу?
Кэроу? Акива знал это слово. На языке врага оно означало «надежда». Выходит, у нее были не только хамсы, но и химерское имя.

– Кто она? – спросил Акива.

Старик, хоть и был явно напуган, все же взял себя в руки.

– Зачем тебе знать это, ангел?

– Задавать вопросы буду я! – вскипел Акива. – А ты отвечай.

Ему не терпелось двинуться в путь, на встречу с остальными, но загадка не давала покоя. Уйти, так и не разгадав ее, он не мог.

Полный желаний быть полезным, Разгут выдал:

– На вкус она нектар и соль. Нектар, и соль, и яблоки. Пыльца и звезды. На вкус она как сказка. Лебедь белая в ночи. Сливки на языке лисицы. На вкус она – *надежда*.

Акива стоял с каменным лицом. Отвратительный доклад не на шутку его рассердил. Подождав, пока лепет Разгута иссякнет, он выдавил чуть слышным голосом:

– Я не спрашивал, какова она на вкус. Я спросил, кто она.

Пожав плечами, Изил махнул рукой, пытаясь изобразить безразличие.

– Просто девушка. Она хорошо рисует. Добра ко мне. Что еще ты хочешь знать?

Эта словоохотливость подсказала Акиве, что старик пытается защитить девушку. Благородно, но смешно. Времени на игры не осталось, и Акива решил применить более радикальные меры. Ухватив Изила за рубашку, а Разгута за один из торчащих костных отростков, он легко взмыл в небо, словно эти двое весили не больше пушинки.

Несколько взмахов крыльями, и внизу замерцали огни Марракеша. Изил, зажмурив глаза, истошно кричал, а Разгут хранил молчание. На его лице отразилась такая невыразимая тоска, что сердце Акивы пронзила жалость – больнее, чем деревянный обломок, которым ткнула в него Кэроу. Это его удивило. Многие годы он учился глушить в себе чувства и уже поверил, что жалость и сострадание уничтожены навсегда, но сегодня вдруг ощутил уколы и того и другого.

Как хищная птица, медленно спланировав по спирали, он опустил двоих на увенчанный куполом пик самого высокого в городе минарета. Они принялись яростно карабкаться вверх, чтобы найти опору, но безуспешно:

бешено молотя руками и ногами по скользкой поверхности, они сползли к декоративному парапету, спасшему их от падения с высоты в несколько сотен футов на крышу мечети.

Лицо Изила посерело, дыхание сбилось. Когда Разгут переместился на спину старика, того качнуло к краю. В ужасе Изил приказал ему сидеть смирно и за что-нибудь зацепиться.

Акива стоял над ними. За его спиной лунный свет озарял кряжистый силуэт Атласских гор. Ветерок играл пламенными перьями крыльев, заставляя их плясать, а глаза горели неярким светом тлеющих углей.

– Значит, так. Хотите остаться в живых – рассказывайте! Кто эта девушка?

Изил взглянул вниз, и лицо его перекосило от ужаса.

– Она не имеет к тебе отношения, она невинна... – затараторил он.

– Невинна?! На ней хамсы, она перевозит зубы для старого колдуна. Она не кажется мне невинной.

– Ты не понимаешь. Она просто выполняет его поручения.

Нечто вроде прислуги – и все? Тогда откуда у нее хамсы?

– Почему именно она?

– Она приемная дочь Продавца желаний. Воспитывалась у него с младенчества.

Переварив информацию, Акива опустился на колени, чтобы лучше видеть лицо Изила.

– Откуда она взялась? – Он чувствовал, что ответ на этот вопрос очень важен.

– Я не знаю. Не знаю! В один прекрасный день она появилась, он баюкал ее на руках, и с тех пор она всегда была в лавке. Без всяких объяснений. Станет Бримстоун что-то объяснять – держи карман шире! Разве превратился бы я тогда в мула? – Он указал на Разгута и зашелся безумным смехом. – «Будь осторожнее в своих желаниях», – наказывал мне Бримстоун, но я не слушал.

Слезы брызнули из уголков старческих глаз, а он все смеялся и смеялся.

Акива замер. К сожалению, слова горбуна звучали правдоподобно. С какой стати Бримстоун станет докладывать что-то своим прихлебателям, особенно таким идиотам, как этот? Но если Изил не знал правды, на что оставалось надеяться Акиве? Старик был единственной зацепкой, времени и так уже потеряно много.

– Тогда скажи, где ее найти, – потребовал Акива. – Она была добра к тебе. Разумеется, ты знаешь, где она живет.

В глазах старика мелькнула тревога.

– Этого я рассказать не могу. Зато... зато... расскажу кое-что другое. Кое-какой секрет! О твоём племени. Спасибо Разгуту, о серафимах я знаю куда больше, чем о химерах.

Он торговался, все еще надеясь защитить Кэроу.

– По-твоему, ты можешь сообщить о моем племени нечто, чего не знаю я?

– Разгут рассказывал...

– Сказки Падшего. Ты хотя бы знаешь, почему его изгнали?

– Я-то знаю. А ты?

– История моего племени мне известна.

Изил захохотал. Одной щекой он прижимался к куполу минарета, и смех прозвучал сдавленно.

– Как книги плесенью, обрастает история мифами, – изрек он. – Может, лучше спросить очевидца?

Акива бросил равнодушный взгляд на Разгута, повторявшего вполголоса нескончаемый напев: «Забери меня, прошу, брат, забери меня домой. Я раскаялся, я достаточно наказан, возьми меня домой...»

– Мне нет нужды спрашивать.

– Неужели? Один человек однажды сказал: «В этой жизни нужны лишь невежественность да уверенность в себе – и успех обеспечен». Марк Твен. У него были роскошные усы. Большинство мудрецов носят усы.

Со стариком произошла какая-то перемена. Акива увидел, как оторвав голову от купола, он глянул вниз, за каменный выступ, на котором стоял. Безумие его уже не бросалось в глаза, если он вообще не притворялся душевнобольным. Эта попытка собрать остатки мужества не оставила Акиву равнодушным. Как и попытка уйти от ответа.

– Расслабься, старик, – бросил Акива. – Я пришел не для того, чтобы убивать людей.

– Тогда зачем? Даже химеры не преступают порог этого мира. Здесь не место для монстров...

– Для монстров? А я и не монстр.

– Да ладно. Разгут тоже так о себе не думает. Правда, монстр ты мой?

Он произнес это почти с любовью, и Разгут проворковал:

– Не монстр. Серафим, существо бездымного огня, выброшенное в другой век, в другой мир. – Он пожирал глазами Акиву. – Я такой же, как ты, брат. Такой же, как ты.

Сравнение Акиве не понравилось.

– С тобой у меня нет ничего общего, калека, – сказал он язвительным

тоном, от которого Разгута передернуло.

Изил утешительно похлопал по руке, крепко ухватившейся за его шею.

– Ничего, ничего, – произнес он полным сострадания голосом. – Он просто не понимает. Монстры не ощущают себя таковыми. Помнишь историю, как дракон, пожиравший девушек, оглядывался, не понимая, что народ называет монстром его.

– Я знаю, кто такие монстры. – Тигриные глаза Акивы потемнели.

Как же хорошо он это знал! Смысл слова «жизнь» стерся благодаря войне с химерами. Они являлись в сотнях звериных обличий, и сколько бы ты ни убивал, их становилось все больше и больше.

– Один человек сказал: «Сражающийся с монстрами рискует сам стать монстром. Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет всматриваться в тебя». Ницше. Выдающиеся усы.

– Просто скажи мне... – начал Акива, но Изил перебил его:

– Хотя раз ты спрашивал себя, монстры затевают войну или, наоборот, война порождает монстров? Я видел жизнь, ангел. В партизанских отрядах мальчиков заставляют убивать собственные семьи. Такие вещи вырывают душу, и из людей вырастают звери. Армии нужны звери, ведь так? Прирученные, выполняющие грязную работу. Хуже всего, что вырванную душу невозможно вернуть. Почти невозможно. – Он посмотрел на Акиву пронизательным взглядом. – Однако шанс есть... если однажды ты сам решишь ее отыскать.

Акивой овладела ярость. С крыльев посыпались искры, разносимые ветром по крышам Марракеша.

– Зачем это мне? Там, откуда я пришел, душа нужна не больше, чем зубы мертвецу.

– Мне кажется, это говорит тот, кто все еще помнит, каково это – иметь душу.

Акива помнил. Воспоминания резали ножом, и ему не хотелось, чтобы они вернулись.

– Позаботься о собственной душе, а мою оставь в покое.

– Моя душа чиста. Я никого не убивал. А ты... ты только посмотри на свои руки.

Акива не попался на крючок, но пальцы рефлекторно сжались в кулаки: каждая полоса означала убитого врага, и таких полос на руках было неисчислимое множество.

– Сколько их? – спросил Изил. – Ты знаешь? Или потерял им счет?

Трясущийся безумец, подхваченный Акивой с мощенной булыжником площади, окончательно потерял страх. Изил присел, насколько позволил

ему вцепившийся в спину Разгут, который бросал полные отчаяния взгляды то на человека-мула, то на Акиву. В нем еще не угасла надежда, что ангел прилетел спасти его.

Вообще-то, Акива знал, сколько убитых отмечено на его руках.

– Как насчет тебя? – бросил Акива. – Сколько зубов за все эти годы? Вряд ли ты считал.

– Зубы? Да, но я брал их исключительно у трупов!

– И продавал Бримстоуну. Знаешь, кто ты теперь? Соучастник!

– Соучастник? Это всего лишь зубы. Он делает из них бусы, я видел. Просто бусы на нитках.

– По-твоему, он делает бусы? Дурак! У тебя было все, чтобы понять, в чем смысл нашей войны, но ты слишком глуп. Говоришь, сражение с монстрами делает монстром меня самого? Кто тогда ты, заключавший сделки с дьяволом?

Изил уставился на него с разинутым ртом, затем выдохнул, пораженный неожиданным открытием:

– Ты знаешь! Ты знаешь, что он делает с зубами!

– Да, я знаю, – с горечью выдохнул Акива.

– Расскажи...

Терпение Акивы лопнуло, и он скомандовал:

– Замолчи! Скажи лучше, где ее найти. Твоя жизнь для меня ничего не значит. Ясно?

Он слышал жестокость в собственном голосе и смотрел как бы со стороны на себя, угрожающего этим жалким, убогим существам. Что подумала бы Мадригал, если бы увидела его сейчас? Но она не могла его увидеть.

Мадригал умерла.

Старик прав. Он действительно монстр, но даже если и так, монстром он стал благодаря врагу. Это случилось не на войне – война оказалась не в силах сделать Акиву тем, кем он был. Виной тому одно деяние, одно отвратительное деяние, которое он не мог ни простить, ни забыть, и за которое поклялся расквитаться – разрушить царство.

– Думаешь, я не заставлю тебя заговорить? – прошипел он.

На что Изил улыбнулся и со словами: «Нет, ангел, не заставишь!» – бросился с минарета вместе с Разгутом и разбился о крышу мечети.

19. Не кто, а что

Крик Кэроу превращается в симфонию звуков, отзывающихся эхом и перекрывающих друг друга так, что огромное пространство под сводом словно ожило от ее голоса. Затем все стихло. От удара химеры она замолчала, сползла с каменного блока вниз, сбив крюк с висевшей на нем кадильницей, которая с лязгом упала на пол. Он прыгнул сверху. Его лицо было так близко, что казалось, он вот-вот разорвет ей зубами горло, но вдруг... кто-то отбросил его в сторону.

Бримстоун!

Никогда раньше Кэроу так не радовалась ему.

– Бримстоун... – произнесла она и запнулась. Радость как рукой сняло. Крокодильи глаза превратились в черные щелки – так было всегда, когда он злился. Но если Кэроу думала, что уже видела его сердитым, то на этот раз ей предстояло узреть настоящую ярость.

Он мгновенно справился с потрясением от встречи с ней, в то время как для Кэроу между двумя ударами сердца прошла целая вечность.

– Кэроу? – рявкнул он, при этом рот его растянулся в страшной гримасе. Учащенно дыша, он схватил ее когтистой лапой.

Из-за его спины раздался голос седовласого волка-химеры:

– Кто это?

– Никто! – прорычал Бримстоун.

«Пора бежать», – подумала Кэроу.

Но было слишком поздно.

Стремительным движением Бримстоун крепко схватил ее за руку как раз в том месте, где окрашенная кровью повязка закрывала резаную рану, полученную в сражении с ангелом. У Кэроу перехватило дыхание. Рывок – и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от него. Ноги искали точку опоры, но тщетно. Она не могла пошевелиться – когти впились ей в руки. Оставалось лишь смотреть в глаза – такие чужие, такие звериные, какими она не видела их ни разу в жизни.

– Отдай ее мне, – взвыл человек-волк.

– Тебе нужен отдых, Тяго. Я позабочусь о ней.

– Позаботишься? Как?

– Она больше нас не побеспокоит.

Краем глаза Кэроу увидела знакомую фигуру Твиги – длинную, согбенную шею на покатых плечах. На лице его застыла гримаса еще более

жуткая, чем у Бримстоуна: потрясение и страх, словно он вот-вот станет свидетелем чего-то ужасного. Кэроу охватила паника.

– Постой, – выдохнула она, пытаясь вывернуться. – Постой, постой...

Но Бримстоун уже волок ее к лестнице. Не церемонясь, он прыжками устремился вверх, и она чувствовала себя куклой в руках ребенка, неодушевленным предметом, которым со всего маху бьют об углы и стены. Быстрее, чем можно было подумать, – если только она не теряла по пути сознание, – они оказались перед дверью в лавку. Бримстоун швырнул ее внутрь. Она не устояла на ногах, ударилась щекой о стул, из глаз брызнули искры.

Захлопнув дверь, Бримстоун навис над Кэроу.

– О чем ты только думала! – набросился он на нее. – Хуже поступка и представить невозможно. Бестолковое дитя! Вы тоже хороши! – Он обернулся к Ясри и Иссе: те выскочили из кухни и, раскрыв рты, в ужасе наблюдали за происходящим. – Сказано же: если привечаем ее и дальше, то придерживаемся правил. Незыблемых правил! Разве мы не договаривались?

– Да, но... – попыталась ответить Исса.

Однако Бримстоун вновь склонился над Кэроу, вцепился в ее руки и рывком поднял.

– Он видел твои ладони? – взревел он.

Голос скрежетал, как при трении камня о камень. В таком тоне он разговаривал с ней впервые. От его хватки у Кэроу побелело перед глазами, и она едва не потеряла сознание.

– Я спрашиваю: видел? – повторил он еще громче.

Правильнее было бы ответить «нет», но лгать она не могла.

– Да. Да! – призналась она.

У него вырвался вопль, самый страшный за всю сегодняшнюю ночь.

– Знаешь, что ты наделала?!

Кэроу не знала.

– Бримстоун! – завоптала Ясри. – Бримстоун, она ранена!

Руки женщины-попугая хлопали, словно крылья. Она попыталась убрать лапы Продавца желаний с раненой руки Кэроу, но он отмахнулся, подтащил Кэроу к двери и швырнул в переднюю.

– погоди! – закричала Исса. – Ты не можешь выставить ее вот так...

Однако он не обращал внимания.

– Убирайся, немедленно! – прорычал он. – Прочь!

Он распахнул вторую дверь передней – еще одно свидетельство неподдельной ярости: двери никогда не открывались одновременно,

никогда. Это было страховкой от вторжения. Последнее, что она увидела, – его лицо, перекошенное от злости. Вытолкнув ее, Бримстоун захлопнул дверь.

Оставшись в одиночестве, Кэроу сделала несколько нетвердых шагов назад, зацепилась ногой за бордюр и рухнула прямо под струю воды, льющейся из сточного желоба. Потрясенная, босая, истекающая кровью, она сидела, судорожно ловя ртом воздух. С одной стороны, хорошо, что он наконец ее отпустил (ей казалось, что все обернется куда хуже). И все же не верилось, что он выставил ее, раненую, почти без одежды, на улицу.

Что делать дальше, Кэроу не знала. От талого снега, пропитавшего насквозь одежду, ее знобило. До дома идти десять минут, а ступни уже обжигало холодом. Она уставилась на портал с черным отпечатком и решила, что дверь наверняка откроется. Или Исса хотя бы вынесет ей пальто и сапоги.

Наверняка.

Однако дверь не открывалась.

В конце квартала с грохотом пронесся автомобиль, тут и там из окон слышались то смех, то ругань, а поблизости – никого. У Кэроу лязгали зубы. Обняв себя руками, она ждала, не веря, что Бримстоун просто возьмет и оставит ее здесь. Шли минуты. Наконец от бессилия на глаза навернулись слезы, и Кэроу на окоченевших ногах побрела домой. Встречные смотрели на нее с изумлением, некоторые предлагали помощь, но она шла, не обращая на них внимания, и только у двери дома, дрожа как в лихорадке, потянулась к карману пальто – а кармана не оказалось. У нее не было ни пальто, ни ключей, ни даже шингов, с помощью которых можно пожелать, чтобы дверь открылась.

– Черт, черт, черт!

Ледяные слезы щипали щеки. Оставалось попробовать намотанные на запястье скаппи. Она зажала один между пальцами, но ничего не произошло. В скаппи недостаточно силы.

Вдруг послышался шорох, и на плечо легла чья-то рука. Не раздумывая, Кэроу ухватила ее и резко дернула. Сзади донесся перепуганный возглас: «Господи, Кэроу, что с тобой?» Слишком поздно – она уже перебросила его через плечо и метнула в стеклянную дверь.

Стекло разбилось, Каз рухнул на пол, громко ругаясь. На этот раз он даже не пытался ее напугать – и кончил тем, что лежал поперек порога в осколках. Наверное, ей полагалось испытать какие-то чувства (может, раскаяние?), но она ничего не ощущала.

По крайней мере, проблема с закрытой дверью решена.

– Больно? – осведомилась она безучастным голосом.

Ошарашенный Каз лишь моргал. Беглым взглядом Кэроу оглядела все вокруг. Крови нет. Стекло разлетелось на прямоугольные кусочки. Каз невредим. Переступив через него, она направилась к лифту. После броска у нее совсем не осталось сил на преодоление шести лестничных пролетов. Войдя в кабину, она обернулась к Казу, который все еще не сводил с нее изумленного взгляда.

– Что ты? – выговорил он.

Не кто, а что.

Она не ответила. Двери лифта закрылись, и, увидев свое отражение, она поняла, что так огорошило Каза. На ней не было ничего, кроме промокших джинсов и тонкой белой блузки, прозрачной в тех местах, где она прилипла к телу. Волосы, как Иссины змеи, обвивали шею синими кольцами, растрепанные повязки с бурыми потеками свешивались с плеч. На фоне крови кожа казалась почти голубой. Съежившись и обняв себя руками, Кэроу тряслась, как наркоманка. Всего этого уже вполне достаточно, чтобы испугаться, но самым жутким было лицо. Щека опухла после удара о стул, голова тяжело клонилась набок, а глаза скрывались в тени. Таких люди предпочитают обходить стороной. Она выглядела... не совсем человеком.

Двери лифта открылись. Чтобы попасть в квартиру, пришлось лезть через окно к себе на балкон и выдавливать стекло в балконной двери. Собравшись с силами, она проделала это, пока озноб окончательно не лишил ее возможности управлять своим телом.

Стянув мокрую одежду, она забралась под одеяло, свернулась клубочком и зарыдала.

«Кто ты?» – спрашивала она себя, вспоминая ангела и волка.

Но именно вопрос Каза настойчиво звучал в ушах, отдаваясь нескончаемым эхом.

Что ты?

Что?

20. Правда и вымысел

Выходные Кэроу провела в одиночестве в своей квартире. Ее лихорадило, тело разламывалось, раны саднили. В субботу подъем с постели оказался пыткой. Мышцы, словно натянутые лебедками, так и норовили лопнуть. Болело все. Абсолютно. Сложно было отделить одну боль от другой. Со щекой размером с кокос, по синеве не уступающей волосам, ее лицо так и просилось на обложку брошюры о домашнем насилии.

Она собралась было позвонить Зузане, но вспомнила, что не знает номера. Пальто и сапоги, сумка, кошелек, ключи, альбом – все осталось в лавке. Можно, конечно, отправить е-мейл, однако, пока загружался ноутбук, Кэроу представила, как отреагирует Зузана, увидев ее. На этот раз не отвертись – придется что-то придумывать. А на вранье не осталось сил. Кончилось тем, что Кэроу провела уик-энд в постели, запивая чаем анальгетик, дрожа и потея, мучаясь от боли и кошмаров.

То и дело она подскакивала от каких-то воображаемых звуков, глядела в окно, как никогда раньше надеясь увидеть Кишмиша с запиской, но он так и не прилетел. Выходные прошли, и ни одна душа – ни Каз, которого она швырнула о стеклянную дверь, ни Зузана, научившаяся воспринимать ее отсутствие настороженно, но молча, – никто не справился о ней. Никогда в жизни она не чувствовала себя так одиноко.

Наступил понедельник, но она так и не вышла из дому. То и дела глотала тайленол и запивала чаем. Сон превратился в череду кошмаров: вновь и вновь возникали одни и те же существа – ангел, сидящая на спине Изила тварь, человек-волк, Бримстоун в ярости... Она открывала глаза, но кроме освещения ничего не менялось. Разве что усиливалась боль.

Уже стемнело, когда позвонили в дверь. Потом еще раз. И еще. Она заставила себя встать, подойти к домофону, и прохрипела:

– Кто там?

– Кэроу? – раздался голос Зузаны. – Кэроу, что происходит? Открывай, прогульщица!

Кэроу была так рада услышать голос подруги, так рада, что кто-то пришел проведать ее, что залилась слезами. Войдя в квартиру, Зузана застала ее сидящей на краю кровати, слезы потоком скатывались по избитому лицу. Малышка Зузана – все пять футов росту в смешных сапогах на платформе – остановилась как вкопанная.

– Боже, Кэроу! – ахнула она и молнией метнулась через комнату.

Руки ее были холодными, а голос мягким, и Кэроу, положив голову на плечо подруги, долго и безостановочно рыдала.

Дела пошли на лад.

Зузана, не задавая вопросов, успокоила ее, сбегала за покупками, притащила еду, бинты, коробку повязок, чтобы стянуть края резаных ран на ключице, руке и плече Кэроу.

– Останутся большие шрамы, – заявила Зузана, склонившись над ранами с той же сосредоточенностью, с какой она работала с марионетками. – Когда это случилось? Нужно немедленно обратиться к врачу.

– Я обращалась, – ответила Кэроу, подразумевая наложенный Ясри бальзам. – Типа того...

– А это что?.. Отметины *от когтей*?

На лиловых от синяков плечах остались темные следы когтей Бримстоуна.

– Угу, – ответила Кэроу.

Пристально посмотрев на нее, Зузана отправилась разогреть принесенный ею суп, а затем уселась на стул возле кровати.

Подождав, пока Кэроу поест, она забросила ноги – уже без сапог – на матрац и сложила руки на коленках.

– Итак, – сказала Зузана, – я готова.

– К чему?

– Выслушать интересную историю, которая, надеюсь, будет правдивой.

Кэроу попыталась было сменить тему, чтобы выиграть время:

– Сначала расскажи, как все прошло со скрипачом в субботу.

– Обойдешься, – фыркнула Зузана. – Зовут его Мик, но больше я ни словечка не скажу, пока не услышу твоей истории.

– Ты узнала, как его зовут! – Даже столь незначительное упоминание о нормальной жизни привело Кэроу в неопишуемый восторг.

– Кэроу, я серьезно. Рассказывай, что произошло.

Зузана действительно не шутила. Темные глаза смотрели строго и пронизательно; с такими глазами – Кэроу ей давно об этом говорила – в самую пору вести допросы в тайной полиции.

Кэроу никогда не лгала, но при этом улыбалась так язвительно, что поверить ей было невозможно. Какое выражение лица необходимо, чтобы слова не принимали за ложь? И что вообще сказать? Это не та история, чтобы начать издалека и погрузиться осторожно, как в холодную воду.

Нужно нырять.

– Меня хотел убить ангел, – сообщила она.

Пауза, а затем:

– Ну да, конечно.

– Нет, правда. – Кэроу хорошо – слишком хорошо – осознавала, какое выражение приняло ее лицо. Она чувствовала себя так, словно ее пробовали на роль «честного человека», и попытка давалась ей чересчур тяжело.

– Это сделал Болван?

Кэроу расхохоталась, слишком быстро и резко, а затем вздрогнула и схватилась за распухшую щеку. Мысль, что Каз мог причинить ей вред, казалась глупой. По крайней мере, вред физический. Хотя с учетом теперешних проблем даже в голове не укладывалось, что совсем недавно он ранил ей сердце.

– Нет, это не Каз. Ангел рубанул мечом, когда пытался меня убить в пятницу ночью. В Марокко. Да, скорее всего об этом сообщали в новостях. Вот сюда меня ранил человек-волк. Я думала, что он мертвый, и ошиблась. Остальное – дело рук Бримстоуна. Ах да. Все, что нарисовано в моих альбомах, – правда.

Зузана было не до смеха.

– Господи, Кэроу...

Кэроу продолжила рассказ. Правда оказалась гладкой, как морской камешек в ладони.

– Насчет волос. Я их не крашу. Просто загадала желание, чтобы они были такого цвета. И говорю я на двадцати шести языках. В основном это тоже желания. Тебя никогда не удивляло, что я общаюсь на чешском? Ну кто говорит на чешском, кроме чехов? Бримстоун сделал мне подарок на пятнадцатилетие – я как раз собиралась переезжать сюда. Ах да, помнишь случай с малярией? Я заразилась в Новой Гвинее. Редкая гадость. А однажды в меня стрелял какой-то ублюдок – по-моему, я его прикончила, и ничуть об этом не жалею. По какой-то неведомой причине меня хотел убить ангел – самое красивое существо из всех, что я когда-либо видела, но и самое жуткое. Впрочем, человек-волк тоже на кого угодно нагонит страху. А еще я ужасно разозлила Бримстоуна, и он меня выгнал прочь, а когда я добралась до дому, то встретила Каза и швырнула его через стеклянную дверь – весьма кстати, потому что нечем было ее открыть. – Она помолчала. – Так что вряд ли он попытается впредь меня пугать. И это единственная приятная новость.

Зузана ничего не ответила. Отодвинула стул, натянула сапоги,

притопнув обеими ногами, и наверняка ушла бы навсегда, если бы в это мгновение что-то не застучало в балконную дверь.

Забыв о ранах, Кэроу вскрикнула, вскочила с кровати и устремилась к балкону. Это был Кишмиш.

Кишмиш, объятый огнем.

Он умер у нее на глазах. Она сбила пламя и держала обугленное тельце, бешеное сердцебиение прерывалось долгими паузами, а она, склонившись над ним, повторяла:

– Нет, нет, нет, нет, нет...

Раздвоенный язык то и дело высовывался из клюва, неистовый щебет стих вместе с ударами сердца.

– Нет, нет, нет, Кишмиш, пожалуйста...

Он умер. Кэроу, ссутулившись, держала его в руках. Ее бесконечные «нет» превратились в шепот, однако остановил ее только тихий голос Зузаны:

– Кэроу?

Кэроу подняла глаза.

– Что это?.. – Дрожащей рукой Зузана указала на безжизненное тельце Кишмиша. – Это... похоже на...

Кэроу молчала. Вновь опустив взгляд, она попыталась осознать, что значит эта внезапная смерть. «Он прилетел, охваченный огнем, – думала она. – Прилетел ко мне».

Что-то было привязано к его ноге: обугленный клочок плотной почтовой бумаги, который рассыпался от прикосновения, и... что-то еще. Пальцы дрогнули, когда она, отвязав вещицу, взяла ее в руки. Сердце подпрыгнуло от внезапного приступа страха: Кэроу с детства запрещалось трогать ее.

Это была «счастливая косточка» Бримстоуна.

Ее принес Кишмиш. Охваченный пламенем.

Где-то далеко взывала сирена, и Кэроу наконец уловила связь, которую не мог установить разум. Огонь. Выжженный отпечаток руки. Портал. Кэроу бросилась в квартиру, натянула сапоги и куртку. Зузана вертелась рядом, не переставая задавать вопросы:

– Кэроу, что случилось? Что?..

Но Кэроу словно не слышала.

Она выскочила в подъезд и припустила вниз по лестнице, сжимая в руках Кишмиша и косточку. Зузана не отставала. Они добежали до маленькой дверцы в квартале Йозефов, служащей порталом Бримстоуна в Праге.

Бело-голубое пламя не гасло под струями пожарных брандспойтов.

В то же самое время, хоть Кэроу и не знала этого, по всему миру помеченные черными отпечатками двери были объаты яростным огнем. Пламя не утихало, но и не распространялось. Уничтожив двери, а с ними и колдовство, оно сходило на нет, оставляя обугленные дыры в десятках зданий. Металлические двери плавилась, а у наблюдавших за пожаром зевак еще долго мерцали перед глазами силуэты огненных крыльев.

Кэроу тоже увидела эти силуэты и поняла: путь в другой мир уничтожен, а она брошена на произвол судьбы.

Жила-была маленькая девочка, которую воспитывали монстры.

Но ангелы уничтожили вход в их мир, и девочка осталась одна-одинешенька.

21. В надежде есть свое волшебство

Однажды в детстве Кэроу потратила целую пригоршню скаппи, чтобы разгладить рисунок, на который случайно села Ясри. Складочка за складочкой, желание за желанием – Кэроу трудилась усердно и сосредоточенно, изо рта то и дело высовывался кончик языка.

– Готово! – Она гордо подняла вверх свою работу.

Бримстоун издал звук, похожий на рычание недовольного медведя.

– Что? – требовательно спросила восьмилетняя Кэроу, темноволосая, темноглазая и худенькая, как тень от саженца. – Жалко ведь, хороший рисунок.

Рисунок действительно был хороший. Она изобразила себя в виде химеры, с крыльями летучей мыши и хвостом лисицы.

Исса восторженно захлопала в ладоши.

– А тебе пойдет лисий хвост! Бримстоун, можешь дать ей хвост, хотя бы на сегодня?

Кэроу предпочла бы крылья, хотя знала, что ей не достанется ни того, ни другого.

– Нет, – устало вздохнул Продавец желаний.

Исса настаивать не стала. Обняла Кэроу, поцеловала в лоб и повесила рисунок на видное место. Но Кэроу мысль понравилась, и она спросила:

– Почему нет? Всего лишь один лакнау...

– Всего лишь? – рассердился Бримстоун. – Что ты знаешь о том, чего стоят желания?

Она с готовностью перечислила все монеты желаний по порядку:

– Скаппи, шинг, лакнау, гавриэль, бруксис!

Однако, похоже, он имел в виду не это. Снова рыкнув по-медвежьи, через нос, он сказал:

– Желания не тратят на глупости, дитя.

– А на что тратишь их ты?

– Ни на что. Я не загадываю желаний, – ответил он.

– Никогда? – поразила ее. – Ты можешь загадать все, что угодно...

– Не все. Есть кое-что побольше любого желания.

– Например?

– Большинство важных вещей.

– Но бруксис...

– И у бруксиса есть пределы.

Колибри с крылышками мотылька рванула на свет. Кишмиш сорвался с рога Бримстоуна, поймал птичку на лету и проглотил, словно ее и не было. У Кэроу все внутри перевернулось – как же легко можно исчезнуть!

Глядя на нее, Бримстоун сказал:

– Я не загадываю желаний, дитя. Я *надеюсь*. Это совсем другое.

Она обдумала его слова и решила впечатлить его своим пониманием разницы. Одна мысль пришла ей в голову, и она попыталась выразить ее в словах:

– Потому что надежда происходит из самого тебя, а желания – простое волшебство.

– Желания обманчивы. Надежда правдива. В надежде есть свое волшебство.

Кэроу покивала головой, но ни тогда, ни сейчас, через три месяца после того, как сгорели порталы и ушла в небытие часть ее жизни, так и не смогла понять. Несколько раз она приходила к двери в квартале Йозефов. Дверь заменили, и теперь она казалась слишком чистой и новой для окружающей обстановки. Кэроу стучала и надеялась. Изо всех сил. Снова и снова. Все впустую.

Даже если в надежде и было волшебство, оно не шло ни в какое сравнение с хорошим, веским желанием.

Сейчас Кэроу стояла перед другой дверью, у охотничьей хижины в глуши штата Айдахо, и стучать не собиралась. Просто открыла ее пинком.

– Здравсьте, – живо произнесла она и уверенно улыбнулась. – Сколько лет, сколько зим!

Сидя у низенького столика без рубахи, в одних штанах, зверобой Бейн чистил ружье. Он поднял на Кэроу удивленный взгляд и мигом вскочил.

– Ты?! Чего надо?

Жирное белое брюхо колыхалось во все стороны, плечи скрывались под слипшимися пучками огромной бороды, от которой по всей комнате несло кислятиной, как из мышинового гнезда.

Не спрашивая разрешения, она шагнула в комнату. Одетая она была во все черное: облегающие шерстяные брюки, сапоги, классический кожаный тренч с поясом. Через плечо перекинута сумка, волосы приглажены и заплетены в косу. Без макияжа лицо казалось уставшим. Она и в самом деле устала.

– Удачно поохотился?

– Ты что-то знаешь? – прищурился Бейн. – Двери снова открылись, да?

– О нет. Ничего подобного. – Кэроу старалась говорить непринужденно, словно пришла с дружеским визитом. Разумеется, она

ломала комедию. Даже во времена, когда она выполняла поручения Бримстоуна, ей ни разу не довелось заглянуть сюда. Бейн всегда являлся в лавку сам.

– Не так-то просто тебя найти, – сказала она.

Бейн жил вдали от цивилизации: сколько ни пыталась Кэроу вычислить его через Интернет – все без толку. Пришлось потратить несколько мелких желаний, добытых у других торговцев.

Она оглядела помещение. Кушетка с клетчатой обивкой, несколько оленьих голов со стеклянными глазами на стенах и допотопное дерматиновое кресло, обмотанное изолентой в местах креплений. За окном гудел генератор, комнату освещала тусклая лампочка.

Кэроу покачала головой.

– Ну и ну! Владелец гавриэлей живет в такой помойке.

– Чего тебе надо? – настороженно спросил Бейн. – За зубами пришла?

– За зубами? Нет. – Она присела на край кресла. – Мне нужны не зубы.

– Что тогда?

Улыбка исчезла с лица Кэроу, словно кто-то щелкнул выключателем.

– Думаю, ты знаешь.

Помолчав, Бейн произнес:

– У меня их нет. Я истратил.

– По-твоему, я поверю тебе на слово?

Он обвел рукой комнату.

– Смотри сама. Хоть вверх дном тут все переверни.

– Понимаешь ли, дело в том... Я в курсе, где ты их хранишь.

Зверобой застыл, и Кэроу бросила взгляд на ружье. Разобрано – значит, неопасно.

Но вот вопрос – а вдруг у него под рукой есть другое оружие? Вероятно. Бейн не из тех, кто довольствуется одной пушкой.

Его пальцы едва заметно дрогнули.

Кэроу почувствовала пульсацию в кистях рук.

Бейн бросился к кушетке, Кэроу за ним. Плавно, как в танце, она перепрыгнула через столик и с размаху приложила зверобоя головой о стену. Крякнув, он рухнул, принялся обеими руками бешено рыться в подушках – и нашел, что искал.

А затем повернулся и поднял пистолет. Кэроу схватила его за запястье одной рукой, а другой сгребла в охапку бороду. Щелчок – и над головой просвистела пуля. Упершись ногой в кушетку, Кэроу дернула его за бороду и швырнула на пол. Столик перевернулся, части ружья раскатились по полу. Не отпуская запястья и отведя в сторону пистолет, она прижала его

руку коленом. Затрещали кости. Бейн взвизгнул и выпустил оружие, его тут же подхватила Кэроу и направила дуло в глаз зверобою.

– Это я тебе прощу, – выговорила она. – Прекрасно понимаю, как ты обломился. Но меня не разжалобишь.

Бейн тяжело дышал и буравил ее убийственным взглядом. Вблизи от него нестерпимо разило тухлятиной. Не отводя дуло, Кэроу запустила руку в сальную бороду и тут же нащупала металл. Он и в самом деле хранил монеты в бороде.

Она вынула из сапога нож и принялась одну за другой срезать монеты желаний, нанизанные через высверленные отверстия прямо на грязные волосы.

– Знаешь, кто мне сказал? – спросила она. – Помнишь Авигет? Вот кому не позавидуешь. Ей приходилось обвивать твою вонючую шею. Думал, она не расскажет Иссе о том, что ты прячешь в своих омерзительных зарослях?

Сердце екнуло от воспоминания о вечерах в лавке, когда она сидела на полу, скрестив ноги, рисовала и болтала с Иссой под мерное жужжание Твигиных инструментов, а Бримстоун тем временем связывал бесконечные ожерелья из зубов. Что теперь там происходит?

Что?

У Бейна были в основном шинги. Впрочем, среди них оказалось несколько лакнау и – самое главное – два увесистых гавриэля. Кстати. Как нельзя кстати. У других поставщиков удалось реквизировать лишь лакнау и шинги.

– Я надеялась, что ты не успел их потратить. Спасибо. От всего сердца – спасибо. Не представляешь, что они для меня значат.

– Гадина, – пробормотал он.

– Что ж, довольно смело, – произнесла она как ни в чем не бывало. – Я имею в виду, заявлять такое девушке, направившей дуло пистолета тебе в глаз.

И снова принялась срезать пучки бороды. Бейн, хоть весу в нем было раза в два больше, чем в ней, лежал смирно. Дикий огонь в ее глазах пригвоздил его к кушетке. К тому же слухи о происшествии в Санкт-Петербурге дошли и до него, и он знал – ей ничего не стоит пустить в ход нож.

Опустошив заначку, она отодвинула стволом пистолета его нижнюю губу и сморщилась, увидев зубы. Кривые и черные от табака. Но не вставные. Значит, надежды на бруксис нет.

– А ведь ты пятый из поставщиков Бримстоуна, которых я выследила.

И единственный, у кого свои зубы.

– Да, я люблю мясо.

– Любишь мясо? Ну-ну.

Все остальные поставщики, которым она нанесла «дружеские визиты», успели приобрести бруксисы и уже их истратили. Как правило, загадывали долгую жизнь. Одна из них – старая ведьма, предводительница банды браконьеров из Пакистана, – забыла включить в желание молодость и здоровье и превратилась в ходячий мешок разлагающейся плоти. Наглядное подтверждение слов Бримстоуна о том, что и у бруксиса есть пределы.

Да, бруксис, безусловно, стал бы знатной добычей, но пара гавриэлей – как раз то, что искала Кэроу. Она сгребла в сумку все монеты вместе с запутавшимися в них грязными волосами из бороды, а один шинг зажала в кулаке – он пригодится, чтобы выбраться отсюда.

– По-твоему, это сойдет тебе с рук? – пробурчал Бейн. – Ты разозлила охотника. Теперь, девчонка, ты будешь всю жизнь трястись от страха, что кто-то идет по твоему следу.

Кэроу сделала вид, что задумалась.

– Хм. Сейчас мы это исправим, – и наставила на него дуло.

Он испуганно вытаращил глаза, а затем зажмурился.

– Пиф-паф! – по-мальчишески весело крикнула она и опустила пистолет. – Идиот! К счастью для тебя, я не такая.

Она положила оружие на диван, а когда Бейн начал подниматься, пожелала, чтобы он заснул. Голова зверобоя глухо ударилась об пол, и шинг улетучился. Кэроу не обернулась. Тяжелыми шагами прошла сначала по крыльцу хижины, затем по гравийной дорожке к почтовым ящикам, у которых оставила такси.

Такси исчезло.

Наверное, водитель услышал выстрел и был таков. Кэроу вздохнула. Вряд ли она могла винить его. Сцена напоминала эпизод из фильма нуар: девушка отдает шоферу невероятную сумму за то, чтобы он отвез ее в глухомань, исчезает в охотничьей хибаре, откуда доносится выстрел. Кто в здравом уме станет ждать, чем все это закончится?

Еще раз вздохнув, она закрыла глаза, собралась потерять их, но вспомнила, что рылась в грязной бороде Бейна, и передумала. Рассудив, что одного лакнау вполне достаточно, чтобы вернуть такси, уставшая Кэроу полезла в сумку и чуть было не загадала желание...

– О чем я только думаю? – произнесла она, и на щеке появилась ямочка от улыбки.

Кэроу достала гавриэль.

– Ну, здравствуй! – прошептала она, взвесила его в ладони, закинула
кверху голову и взглянула на небо.

22. Карамелька без начинки

Три месяца.

Уже прошло целых три месяца с того дня, когда исчезли порталы, а Кэроу за это время не получила ни весточки. Как часто она мысленно возвращалась к истлевшей записке, зажатой в когтях Кишмиша... Что в ней было? О чем Бримстоун хотел сообщить, когда горели порталы?

Что было в записке?

Счастливую косточку она теперь носила на шее, как когда-то Бримстоун. Разумеется, Кэроу казалось, что косточка – тоже желание, еще более мощное, чем бруксис. Взяв ее в руку, она загадывала, чтобы открылся портал в другой мир, однако ничего не происходило. Впрочем, было что-то успокаивающее в этой косточке. Хрупкие отростки удобно ложились между пальцами, словно им там и место. Кэроу никак не могла понять, что она все-таки собой представляет и зачем Бримстоун передал косточку ей. И боялась, что никогда этого не узнает. Вопросы без ответов терзали ее, и появлялись новые страхи, дикие и необъяснимые.

С ней творилось что-то странное.

Иногда, глядя в зеркало, она испытывала непонятное чувство, словно встречалась взглядом с незнакомым человеком. Услышав свое имя, она не всегда сразу соображала, что обращаются к ней. И даже собственная тень порой казалась чужой. Недавно Кэроу поймала себя на том, что быстро машет руками, проверяя, ей ли принадлежит тень. Такое поведение явно не вписывалось в обычные рамки.

Зузана не соглашалась.

– Скорее всего, это последствия стресса, – объясняла она. – Странно было бы, если бы ты чувствовала себя прекрасно. Потеряв семью, я имею в виду.

Кэроу до сих пор удивлялась, как ее подружка поверила в эту невероятную историю. Вообще-то, Зузана была не из тех, кто легко принимает все на веру, но, увидев Кишмиша и собственными глазами убедившись в действии скаппи, она приняла и остальное. И это здорово. Кэроу нуждалась в ней. Зузана была якорем в ее обычной жизни. Во всяком случае, в том, что от этой жизни осталось.

Кэроу все еще посещала лицей, но лишь формально. После пожара, устроенного ангелом, у нее ушла неделя на то, чтобы подлечить раны. К тому времени синяки стали желто-зелеными, и их можно было

замаскировать тональным кремом. Пару дней она ходила в класс, но без особой пользы. Сосредоточиться не удавалось, а рука, сжимающая карандаш или кисть, казалась деревянной. В Кэроу кипела неукротимая энергия, и больше чем когда-либо ее терзало призрачное чувство, что она занимается не тем.

Не тем. Не тем. Не тем.

Она связалась с Эстер и другими более-менее приличными компаньонами Бримстоуна и убедилась, что порталы исчезли, все до единого.

Попутно обнаружилось еще кое-что совершенно неожиданное: она была богата. Бримстоун открывал на ее имя счета в банках. Соблазнительные банковские счета с массой нулей. В ее распоряжении оказалась и недвижимость – здания, в которых до недавнего времени располагались порталы. И земля. Болото, как это ни удивительно. Средневековый город, погребенный под лавой Этны. Склон горы в Андах – один палеонтолог-любитель заявил (на потеху всей ученой публике), что обнаружил там тайник со «скелетами чудовищ».

Бримстоун позаботился о том, чтобы Кэроу не нуждалась в деньгах, и это было как нельзя более кстати, ведь для «дружеских визитов» ей теперь требовалось то же, что и простым смертным: самолеты, паспорт и прочее.

Под предлогом семейных проблем она то и дело пропускала занятия. Если бы не дополнительная работа, которую она делала, и постоянное рисование в новом альбоме – девяносто третьем, который начался с того момента, где так внезапно оборвался девяносто второй, оставленный в лавке Бримстоуна, – она бы уже давно вылетела из лица. Сейчас ее судьба висела на волоске.

В последний раз мадам Фиала, листая альбом, недовольно хмурила брови. Она остановилась на рисунке, где был изображен ангел в Марракеше. Кэроу рисовала его по памяти, после первой встречи в переулке.

– Мы рисуем живую натуру, Кэроу, а не фантастических персонажей.

– Фантастических? – удивленно переспросила Кэроу и посмотрела в альбом. Она точно помнила, что крыльев на рисунке нет.

– Таких совершенных людей не бывает, – сказала учительница, презрительно оглядев страничку.

Спорить Кэроу не стала, но позже заявила Зузане:

– Самое смешное, что в действительности он еще красивее. Эти глаза... Красками их еще можно передать, но не карандашом.

– Так, понятно, – произнесла Зузана. – До жути красивый мерзавец,

вот кто он такой.

– Видела бы ты его.

– Хм. Надеюсь, этого не случится.

– Я тоже, – сказала Кэроу, которая больше не выходила из дому без оружия.

С досадой она вспоминала, как вынуждена была ретироваться в прошлой битве. Если придется вступить в схватку с ангелом вновь, она сумеет отстоять свои позиции.

Что же до учебы, тут отстаивать было нечего. Проект на семестр не придуман, на альбом и сделанные в последнюю минуту лихорадочные зарисовки нечего и надеяться. Выкинуть все это из головы ужасно трудно, однако ее ждали куда более важные дела.

После пожаров Кэроу сразу поехала в Марракеш. То и дело вспоминала брошенные Изилом слова: «Найди Бримстоуна! Скажи ему: серафимы здесь. Они вернулись. Ты должна его предупредить!»

Он что-то знал. Знания – на них потратил он свой бруксис. Кэроу всегда разбирало любопытство, что же такое ему известно, но теперь было просто необходимо это выяснить. Она отправилась на поиски, но, к своему великому сожалению, узнала лишь, что он бросился с минарета мечети Кутубия в тот самый вечер, когда они виделись в последний раз. «Бросился с минарета? *Вряд ли*», – подумала она. Воображение живо рисовало холодный взгляд ангельских глаз, удар меча, шрамы, оставленные ей на память.

Зузана на лицейском прессе отпечатаала ей надпись на футболке: «В МАРОККО Я ВСТРЕТИЛА АНГЕЛА, ОСТАЛИСЬ ЖУТКИЕ ШРАМЫ» и еще одну: «Я ВИДЕЛА АНГЕЛА, А ВЫ НЕТ! ТАК ВАМ И НАДО!» – в ответ на разгоревшиеся во всем мире страсти после появления ангелов. Хотя вначале к словам очевидцев не отнеслись серьезно – их посчитали пьяным бредом и игрой детского воображения, затем появились свидетельства, которые трудно было проигнорировать. В Сеть выложили расплывчатое видео и несколько фотографий, а вслед за этим их показали по всем основным телеканалам в лучшее эфирное время. Торговцу коврами удалось сделать самую интересную запись: нападение на Кэроу (к счастью, размытый силуэт закрывали пылающие жаром крылья ангела).

Насколько она знала, ангелы лишь однажды обнаружили крылья, но люди утверждали, что видели их в полете, ну или, по крайней мере, заметили тени от крыльев. Толпы паломников приезжали за благословением к индийской монашке, на ладони которой остался ожог в форме пера. Многочисленные сектанты в бдениях ожидали конца света. На

форумах в Интернете ежедневно появлялись новые сообщения о пришествии ангелов, хотя ни одно из них не показалось Кэроу правдоподобным.

– Враки, – сказала она Зузане. – Просто чокнутые жаждут апокалипсиса.

– Потому что это весело, ведь так? – Зузана потерла руки, притворно ликуя. – Ух ты, апокалипсис!

– Вот именно. Насколько жалкой должна быть жизнь у человека, чтобы радоваться приходу апокалипсиса?

Весь остаток вечера они провели в «Ядовитой кухне» – к ним присоединился скрипач Мик, теперь официальный парень Зузаны, – попивая яблочный чай и играя в новую игру «Насколько жалкой должна быть жизнь, чтобы радоваться приходу апокалипсиса?».

– Настолько, что тапочки в виде кроликов – твои единственные друзья.

– А собака от радости машет хвостом, когда ты уходишь из дому.

– И ты знаешь наизусть все песни Селин Дион.

– И тебе кажется: пусть уж лучше рухнет целый мир, лишь бы не пришлось больше просыпаться в своем убогом доме, кормить грубиянов-детей, ходить на постылую работу, куда кое-кто из коллег приносит пончики явно с одной лишь целью – чтобы твоя задница стала еще толще. Вот такой должна быть жизнь, чтобы радоваться апокалипсису.

Это сказала Зузана – и выиграла.

Ах, Зузана!

В глуши Айдахо Кэроу потратила первый гавриэль на исполнение главного желания всей своей жизни. Гавриэль исчез, она плавно оторвалась от земли. Видела бы это Зузана!

Кэроу поплыла. Издав восторженный возглас, раскинула руки для равновесия, стала грести ими, словно в море, но... вокруг было совсем не море. А воздух. Она летела. Ну, может, не совсем летела – пока, – а плыла в пугающе огромном небе. Которое обнимает пугающе огромный мир. Над ней простиралась ночь, полная звезд и восторга, – безграничная, беспредельная сфера.

Теперь сквозь кроны деревьев она видела крышу хижины Бейна. Ветерок, холодный и резвый, что-то нашептывал в уши, словно приглашая ввысь. Кэроу стало весело. Рассмеявшись, она никак не могла остановиться. Хихикала, будто слегка тронулась умом, но кто бы не тронулся на ее месте?

Она летела!

Как хотелось поделиться этим с кем-нибудь!

И вскоре ей предстояло поделиться, только с тем... *существом*... с которым при других обстоятельствах она и не подумала бы чем-то делиться. К несчастью, во всем мире помочь ей мог только Разгут.

При мысли о нем Кэроу содрогнулась, однако ее участь сейчас зависела от него.

В Марракеше, узнав о смерти Изила, Кэроу в одиночестве бродила вокруг мечети. Она была уверена, что Изил объяснит происходящее. Так рассчитывала на него. Прислонившись к стене, Кэроу разрыдалась. То были слезы скорби по бедному, измученному человеку, смешанные с чувством безысходности от краха собственных надежд.

Послышалось злобное фыркание. Под сломанной телегой что-то шевельнулось, и на свет вылез Разгут.

– Привет, милашка, – промурлыкал он, и Кэроу с удивлением обнаружила, что даже рада видеть его.

– Ты не разбился, – воскликнула она.

Однако назвать его невредимым было нельзя. Раскорячившись, он прижимал к груди раздробленную руку, второй рукой волочил по земле собственное тело. А голова – отвратительная, лиловая – сплющилась у виска, покрытого коркой запекшейся крови, из которой все еще торчали обломки камней и стекла.

Он нетерпеливо дернул рукой.

– Мне доводилось падать и с большей высоты.

Кэроу скептически посмотрела вверх. Минарет был самым высоким зданием в городе.

Проследив за ее взглядом, Разгут вновь фыркнул, ехидно и злобно.

– Не туда смотришь, прелестница лазоревая. Тысячу лет назад я упал с небес.

– С каких еще небес?

– Ладно, ладно. Просто с неба, раз ты такая умная. И не то чтобы упал. Неясно выражаюсь, да? Думала, я споткнулся и выпал в ваш мир? Ничего подобного. Меня выбросили. Заставили уйти. Изгнали.

Так Кэроу и узнала о происхождении Разгута. Глядя на него и вспоминая ангела – фантастическое, идеальное создание, – было трудно представить, что они одного племени, однако приглядевшись, Кэроу уловила сходство. Да и обломки крыльевых суставов подтверждали: существо явно принадлежало не этому миру.

Наконец до нее дошло и то, каким извращенным образом воплотилось желание Изила знать все о другом мире: оседлавший его Разгут рассказывал то, чем не желал делиться Бримстоун.

– Что произошло с Изилом? – спросила Кэроу. – Ведь это не самоубийство, так? Ангел...

– Можно, конечно, пенять и на него. На минарет нас затащил он, но глупый горбун сам сиганул вниз, лишь бы тебя защитить.

– Меня?!

– Мой брат серафим искал тебя, красотка. Капризный мальчишка, приставал с расспросами. Интересно, зачем ты ему понадобилась?

– Не знаю. – У Кэроу по спине пробежал холодок. – Изил сказал, где я живу?

– О нет, благородный дурак! Вместо этого он решил станцевать с небом, а небо сбросило его на землю, как гнилую сливу.

– Боже! – Кэроу сползла по стене вниз и обхватила себя руками. – Бедный Изил.

– Бедный Изил? Нашла кого жалеть! Пожалей лучше меня. Я даже попрошайничать не могу.

Разгут выпрямился, здоровой рукой перекинул вперед ноги. Лицо его перекосило от боли, но едва в Кэроу шевельнулась жалость к нему, он злобно ухмыльнулся.

– Ты ведь поможешь мне, правда, милая? – спросил он с улыбкой. Безупречные зубы никак не сочетались с его внешностью. – Покатай меня. В конце концов, это ты во всем виновата.

– Я?! Как бы не так.

– Я поведаю тебе секреты, – вкрадчивым голосом уговаривал он.

– Еще чего, – бросила Кэроу. – Таскать тебя? Ни за что.

– А я тебя согрею. Заплету косы. Ты больше никогда не будешь одинокой.

Одинокой? На мгновение Кэроу ощутила себя беззащитной – существу не составило труда заглянуть ей в душу.

– Вся эта красота – лишь обертка одиночества, – продолжал нашептывать он. – Думаешь, я не почувствовал его на вкус? У тебя внутри пусто. Карамелька без начинки. Но такая лакомая...

Он закинул голову назад и томно вздохнул, прикрыв глаза. Кэроу стало тошно.

– Так бы и лизал твою шейку, милая, – стонал он. – Так бы и лизал...

Кэроу еще не достигла той степени отчаяния, которая позволила бы пойти на такую сделку.

– Приятно было поболтать. Пока, – бросила она и пошла прочь.

– погоди! – закричал ей вслед Разгут. – погоди!

Ей и в голову не могло прийти, что у него получится ее остановить.

Однако он крикнул:

– Хочешь снова увидеть своего Продавца желаний? Я отведу тебя. Я знаю, где находится портал!

Она обернулась и недоверчиво посмотрела на него.

Ехидство исчезло с его лица, на смену пришла единственная искренняя эмоция – тоска. На какое-то мгновение Кэроу почувствовала связь с этим несчастным. Как ее собственной сущностью было одиночество, так сущностью Разгута была тоска.

– Портал, через который меня вытолкали тысячу лет назад. Я знаю, где он. Я покажу, но тебе придется взять меня с собой. – На секунду задержав дыхание, он прошептал: – Я так хочу домой.

Сердце Кэроу забилося от волнения. Еще один портал!

– Так пойдем же, – сказала она. – Прямо сейчас.

Разгут фыркнул.

– Если бы все было так просто, думаешь, я до сих пор оставался бы здесь?

– О чем ты?

– Портал в небе, девочка. Туда можно только долететь.

И теперь – спасибо двум грязным гавриэлям, добытым у охотника, – они долетят. И она, и Разгут.

23. Беспредельное терпение

Сказочный город. С высоты видно, как среди красных крыш петляет темная река, ночью на черном фоне лесистых холмов сверкают ослепительным светом замки, остроконечные готические башни, большие и малые купола. Река ловит огни, играет ими, перекачивает и подбрасывает, а косой хлещущий дождь делает картинку размытой, как во сне.

Такой Акива впервые увидел Прагу. Ведущий сюда портал пометил Азаил – вернувшись в свой мир, он восхищался городом. Город и в самом деле был прекрасен. Акива подумал, что так выглядел и Астрэ в период расцвета, пока его не разрушили чудовища. Столицу серафимов называли Городом сотни шпилей, в нем для каждой божественной звезды была своя башня...

Химеры сорвали все звезды.

Многие города в мире людей тоже порушила война, но Праге посчастливилось. Она осталась прекрасной и восхитительной, потрескавшиеся камни мостовых отполированы ливнями, миллионами ручейков, бегущих во время дождей. Сырость и холод не волновали Акиву. Его согревало собственное тепло. Капли с шипением испарялись на невидимых крыльях, очерчивая в ночи их размытый силуэт, – где уж волшебству справиться с этим, ведь с его помощью не скроешь даже тень от крыльев. Однако здесь, наверху, прятать крылья было не от кого – вокруг ни души.

Он сидел на крыше в Старом городе. Через дорогу, за домами, в одном из которых располагалась квартира Кэроу, словно рога дьявола, возносились ввысь башни Тынского храма. За два дня, прошедшие с тех пор, как Акива нашел квартиру, свет в ней так и не загорелся. Она была пуста.

В кармане лежала первая страничка, вырванная из альбома – девяносто второго, согласно пометке на корешке. На ней была изображена Кэроу со сложенными в мольбе руками, рисунок сопровождала подпись: *«Нашедшего прошу вернуть альбом по адресу: Прага, ул. Краловдворская, 59, кв. 12. Безграничная признательность и денежное вознаграждение гарантируются».*

Акива захватил с собой не весь альбом, а лишь одну страницу с истрепанными краями. Ему не нужны были безграничная признательность и денежное вознаграждение.

Только Кэроу.

С беспредельным терпением он ждал ее возвращения.

24. Летать легко

К своему восторгу, Кэроу обнаружила, что летать легко. Усталость прошла, а вместе с ней и апатия, в которую ее повергли встречи с бримстоуновскими поставщиками зубов. Она взмыла ввысь, дивясь на звезды и чувствуя себя одной из них. Казалось, что небо усыпано сахаром.

Оставив далеко позади хижину, она полетела вдоль дороги в направлении Бойсе. Опускалась вниз и резко поднималась. Беззаботно играла скоростями, хотя при этом из глаз ее брызгали ледяные слезы. Вскоре она догнала такси, водитель которого оставил ее одну в лесных дебрях. Озорные идеи замелькали в голове. Можно подлететь, постучать в окно, погрозить кулаком и снова взмыть в небо.

«Злая девчонка», – подумала она, словно услышав голос Бримстоуна, который счел бы такие проказы безрассудными. Возможно, так оно и есть.

Интересно, что он сказал бы про само желание – способность летать – и про план, частью которого оно было? Что подумал бы, появившись Кэроу у него на пороге с растрепанными ветрами двух миров волосами? Обрадовался бы он ей или вновь яростно зарычал бы и выставил за дверь, как в прошлый раз? Хочет ли он, чтобы она его отыскала, или надеется, что она упорхнет, как бабочка, забыв, что монстры некогда заменяли ей семью?

Если так, то он ее совсем не знает.

Она собиралась в Марокко найти Разгута, под каким бы ворохом мусора или телегой он ни прятался, и вместе – *вместе!* (даже мысленно произносить слово, связывающее их, было тошно) – они пролетят сквозь брешь в небе и окажутся «кое-где».

До нее дошло, что именно это означали слова Бримстоуна «в надежде есть свое волшебство». Просто пожелать, чтобы портал открылся, она не могла, однако страх навсегда потерять химер заставил ее найти путь силой своего стремления, своей надежды. Она гордилась собой и верила, что Бримстоун пусть и не покажет виду, но тоже будет ею гордиться.

По телу пробежал озноб. От холода застучали зубы, ликование от полета сменилось вновь подступившей усталостью. Кэроу легко, словно делала это уже в тысячный раз, приземлилась и стала поджидать такси.

Стоит ли говорить, как озадачен был водитель? По пути в аэропорт он то и дело бросал удивленные взгляды в зеркало заднего вида. Кэроу до того устала, что ей было не до смеха. Закрыв глаза, она дотянулась до висевшей на шее счастливой косточки и осторожно продела ее выступы сквозь

пальцы.

Она почти уснула, когда запиликал телефон. Звонила Зузана.

– Привет, бешеная фея! – поздоровалась Кэроу.

На другом конце фыркнули.

– Не говори глупостей! Если уж кто из нас фея, так это ты!

– Я не фея. Я чудовище. Кстати о феях, у меня для тебя сюрприз. – Кэроу попыталась представить лицо Зузаны, когда та увидит ее в полете. Рассказать ей сейчас или удивить позже? Вот бы притвориться, что она падает с башни... Или это плохая шутка?

– Что за сюрприз? – спросила Зузана. – Ты приготовила мне подарок?

На этот раз фыркнула Кэроу.

– Ты как ребенок, который проверяет родительские карманы: а вдруг они принесли ему кусочек тортика с вечеринки?

– О, тортик! Я бы не отказалась. Только не из кармана. Фу!

– Тортика я не захватила.

– Эх. И что ты за друг после этого? Очень рассеянный друг...

– Именно сейчас я очень усталый друг. Так что, если зевну, не обижайся.

– Где ты?

– В Айдахо, на пути в аэропорт.

– О, аэропорт, здорово! Возвращаешься домой? Значит, не забыла! Я знала, что ты не забудешь.

– Еще бы. Только этого и ждала последние недели. Ты даже не представляешь. В голове только эти мерзкие зверобои и кукольное представление.

– Кстати, как поживают мерзкие зверобои?

– Мерзко. Забудь о них. Как ты? Готова?

– Да. Только потряхивает немного. Кукла получилась великолепная, если уж я сама это говорю. Теперь дело за тобой. Мне нужно твое волшебство. – Она запнулась. – То есть не волшебное волшебство. Обыкновенные способности Кэроу. Когда вернешься?

– Наверное, в пятницу. Надо ненадолго заехать в Париж...

– «Ненадолго заехать в Париж», – передразнила Зузана. – Знаешь, даже еще более миниатюрная душа, чем я, перестала бы с тобой дружить из-за таких заявлений.

– А есть души еще мельче? – парировала Кэроу.

– Эй! Возможно, тело у меня и маленькое, зато душа большая. Поэтому я ношу обувь на платформе – чтобы доставать до верха своей души.

Кэроу расхохоталась. Звонкий смех заставил водителя вновь посмотреть в зеркало.

– А еще чтобы целоваться, – добавила Зузана. – Иначе мне пришлось бы ходить на свидания только с лилипутами.

– Как дела у Мика? О том, что он не лилипут, можешь не рассказывать. Зузанин голос мгновенно стал сентиментальным.

– Он кла-а-ссный, – ответила она, растягивая слово как ириску.

– Алло! Кто это? А ну, отдайте трубку Зузане! Зузана? Тут какая-то слащавая цыпочка притворяется тобой...

– Перестань! – прикрикнула Зузана. – Просто возвращайся, ладно? Ты мне нужна.

– Уже еду.

– И привези мне подарок.

– Хм. Можно подумать, ты заслуживаешь подарка.

С улыбкой на лице Кэроу отключила телефон. Зузана действительно заслуживала подарка, поэтому Кэроу и собиралась заехать в Париж перед возвращением домой, в Прагу.

Дом. Возможно, это понятие для Кэроу все еще оставалось относительным, но часть ее жизни исчезла, а другая часть – обычная – протекала в Праге. Крохотная квартирка, уставленные альбомами полки; Зузана и ее марионетки; лицей, мольберты, обнаженные старики в боа из перьев; «Ядовитая кухня», статуи в противогазах, дымящиеся чашки с гуляшом на крышках гробов; даже бывший парень, этот болван, стерегущий ее за углом в вампирском прикиде.

Обычная часть жизни, да не совсем.

И хотя в душе ей хотелось сию секунду отправиться в Марокко, взять своего отвратительного попутчика и помчаться «кое-куда», мысль о том, чтобы исчезнуть не попрощавшись, была невыносима. Ведь и без того уже так много потеряно. Кэроу намеревалась в последний в обозримом будущем раз окунуться в обычную жизнь.

К тому же пропустить Зузанино кукольное представление она не собиралась.

25. Мира не будет

Поздно вечером в пятницу Кэроу прилетела в Прагу. Она дала водителю такси адрес, но, уже подъезжая к дому, передумала и попросила отвезти ее в Йозефов, к старому еврейскому кладбищу – самому жуткому месту из всех, что знала: с вековыми могильными холмами, покосившимися надгробиями, торчащими беспорядочно тут и там, словно гнилые зубы. Ветви деревьев напоминали скрюченные старушечьи пальцы, а злобные вороны вили на них свои гнезда. Она любила здесь рисовать, но сейчас кладбище было закрыто, и к тому же направлялась она вовсе не сюда. Физически ощущая тяжесть нависшей тишины, Кэроу шла вдоль покосившегося забора к расположенному неподалеку portalу Бримстоуна. К тому месту, где раньше был портал.

Остановившись на другой стороне улицы, она раздумывала, стоит ли рискнуть и постучать. А вдруг?.. Вдруг дверь со скрипом откроется, и Исса с ехидной улыбкой на лице скажет: «У Бримстоуна скверное настроение. Уверена, что хочешь войти?»

Словно все это было какой-то глупой ошибкой. Возможно ли такое?

Она перешла улицу. Сердце гулко билось в груди, продолжая надеяться, когда она подняла руку и постучала: три энергичных удара. В тот же миг надежда достигла пика. Сделав глубокий вдох, Кэроу задержала дыхание и мысленно повторяла: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста». Глаза наполнились слезами. Откроют дверь или нет, она все равно разрыдается. Слезы – разочарования или облегчения – уже были готовы пролиться.

Тишина.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

И... ничего.

Резкий выдох, слезы побежали из глаз. Съежившись от холода, она продолжала ждать, минуту за минутой, но в конце концов сдалась и пошла домой.

В ту ночь Акива наблюдал за ней спящей. Губы слегка приоткрыты, ладошки по-детски сложены под щекой, глубокое дыхание. Она невинна, уверял Изил. Во сне она казалась невинной. Но так ли это на самом деле?

Последние месяцы ее образ преследовал Акиву: испуганное прелестное лицо – она уже и не чаяла избежать смерти. Воспоминание

обжигало. Вновь и вновь он думал о том, что едва не убил ее. Почему же он остановился?

Было в ней нечто, вызывающее в памяти другую девушку, давно ушедшую и давно потерянную. Но что? Точно не глаза. У той были глаза цвета глины, теплые, как земля. У этой – черные, как у лебедя, они контрастировали с молочно-белой кожей. В чертах лица он тоже не улавливал сходства с той, другой, горячо любимой, так давно увиденной им впервые сквозь туман. Оба лица прекрасны – на этом сходство заканчивалось, однако какая-то связь все же ощущалась; она и не позволила нанести решительный удар.

Наконец до него дошло: дело в жестах. В манере по-птичьи вскидывать голову. Это ее спасло. Такая малость.

Глядя на нее через балконное окно, Акива думал: «Что дальше?»

Нахлынули непрошенные воспоминания о том, как в последний раз он наблюдал за спящей. Между ними не было стекла, запотевшего от его дыхания. Лежа рядом с Мадригал, он приподнялся на локте и испытывал себя: проверял, как долго сможет не дотрагиваться до нее.

Не выдержал и минуты. Кончики пальцев ныли, и успокоить их могло только прикосновение к ней.

Тогда на его руках было куда меньше отметин; впрочем, к тому времени он уже стал убийцей. Мадригал перецеловала его пальцы, костяшку за костяшкой, и простила его. «Война – это все, чему нас учили, – шептала она, – но жить можно и иначе. Мы найдем пути, Акива. Мы их создадим. Вот оно, начало». Она положила свою ладонь на его обнаженную грудь – сердце так и подпрыгнуло от ее прикосновения, – а его ладонь к себе на сердце, прижав ее к атласной коже. «Мы и есть начало».

Действительно, первая проведенная с ней ночь казалась началом новой жизни.

Никогда раньше Акива ни до чего не дотрагивался с такой нежностью, как до век Мадригал, представляя, какие сны заставляют их вздрагивать.

Она доверялась ему настолько, что позволяла прикасаться к ней спящей, проводить кончиками пальцев по лицу, изящной шее, стройным, сильным рукам, суставам мощных крыльев. Порой он ощущал, как ее пульс учащается; иногда она бормотала что-то во сне, тянула к нему руки, а проснувшись, нежно прижималась к его груди.

Акива отвернулся от окна. Отчего так резко и ярко всколыхнулись воспоминания о Мадригал?

Зачатки какой-то идеи прорастали в глубине его разума, пытаясь нащупать путь – способ сделать невозможное возможным, – но он запретил

себе думать об этом. Неужели где-то в глубине его души еще жила надежда?..

Что, спрашивал он себя, заставило его ночью покинуть полк, не сказав ни слова ни Азаилу, ни Лираз, и вернуться в этот мир?

Разбить или расплавить окно труда не составит. В считанные секунды он окажется рядом с Кэроу, разбудит ее, зажмет ладонью рот и потребует... Что потребует? Разве она сможет объяснить, что привело его сюда? Кроме того, ему вовсе не хотелось ее напугать. Он шагнул к перилам и взглянул на город.

Азаил и Лираз, наверно, уже догадались, что он ушел. Им пришлось придумывать очередную историю, чтобы его прикрыть.

Азаил был его единокровным братом, а Лираз – их единокровной сестрой. Они родились в гареме императора серафимов, чьим хобби было плодить отпрысков и воспитывать из них солдат для бесконечных войн. «Отец» (услышав это слово, они стискивали зубы) каждую ночь менял наложниц. Женщин предлагали ему в качестве подношения, либо он сам выбирал понравившуюся. Секретари вели учет детей в два столбца: мальчики и девочки. Младенцев добавляли в список, а когда те вырастали и умирали на поле боя, их бесцеремонно вычеркивали.

Акиву, Азаила и Лираз внесли в список в один месяц. Росли они вместе, и в пять лет их отправили учиться. Им удалось остаться неразлучными, они всегда сражались в одном полку, шли добровольцами на одни и те же задания, включая последнее: пометить отпечатками ладоней двери Бримстоуна. Двери затем вспыхнули в одночасье, и порталам колдуна пришел конец.

Уже дважды Акива исчезал без объяснений. В первый раз это случилось очень давно. Он не возвращался так долго, что брат с сестрой решили – он умер.

Какая-то часть его действительно умерла.

Он никогда и никому не рассказывал, где был все те месяцы и что сделало его таким, каким он стал.

Изил назвал его монстром – и поделом. Он представил, что подумала бы Мадригал, если бы увидела его сейчас. Если бы знала, что он сотворил с «новой жизнью», о которой они шептались в давно ушедшие времена, отгородившись крыльями от всего мира.

Сегодня впервые ему не удалось вызвать в воображении лицо Мадригал. Перед глазами назойливо маячило другое лицо – Кэроу. Черные испуганные глаза, в которых отражались огненные всполохи от его крыльев.

Он – монстр. Его деяния ничем не оправдать.

Распахнув крылья, он взмыл в ночное небо и спустился на землю, чтобы найти укрытие для сна. Ему приснилось, что он стоит с другой стороны окна, и Кэроу – не Мадригал, а Кэроу – улыбается ему, прижимает губы к костяшкам пальцев, и с каждым поцелуем линии на его руках стираются.

«Можно жить по-другому», – шептала она.

Он очнулся, и от злобы перехватило горло, потому что он знал – это неправда. Надежды не существует, существуют только месть и топор палача.

Мира тоже нет. Мира не будет никогда.

Прижав ладони к глазам, он застонал от пронзительного чувства безысходности.

Зачем он явился сюда? И почему не может заставить себя уйти?

26. Что-то неладное

В субботу утром Кэроу впервые за несколько недель проснулась в собственной постели. Приняв душ, она сварила кофе, осмотрела буфет в поисках чего-нибудь съедобного, ничего не обнаружила и вышла из квартиры с пакетом, в котором лежали подарки для Зузаны. По дороге послала подруге сообщение: *«Ура! Великий день настал! Несу завтрак»*, – и купила несколько круассанов в пекарне за углом.

Ответ не заставил себя ждать: *«Если не шоколад, то это вовсе не завтрак»*. Кэроу улыбнулась и снова пошла в пекарню за шоколадными колачами^[6].

Именно в это мгновение, развернувшись в противоположную сторону, она почувствовала что-то неладное. Ощущение было едва уловимым, однако Кэроу замедлила шаг и обвела взглядом окрестности. Она вспомнила обещание Бейна и разозлилась. Нож в сапоге давил на лодыжку – неудобство, которое тем не менее придавало ей уверенности.

Купив колачи для Зузаны, она двинулась дальше. По пути несколько раз настороженно оглядывалась, но не заметила ничего необычного. Вскоре показался Карлов мост.

Возведенный в Средневековье пешеходный мост через Влтаву – символ Праги – соединяет Старый город и Малый квартал. С обеих сторон высятся готические мостовые башни, а вдоль пролета выстроились монументальные скульптуры святых. Ранним утром здесь было почти безлюдно, в косых лучах восходящего солнца скульптуры отбрасывали тени, длинные и узкие. С ручными тележками прибывали продавцы и актеры, чтобы застолбить желанное место, а в самом центре, на идеальном фоне Пражского града расположился гигантский кукловод.

– Вот это да! – сказала Кэроу сама себе.

Кукловод – мрачная громадина высотой в десять футов, со свирепым резным лицом и руками, смахивающими на снегоуборочные лопаты, одетый в немыслимых размеров плащ, – сидел в одиночестве. Кэроу заглянула ему за спину – никого.

– Есть здесь кто-нибудь?

Странно, что Зузана оставила свое творение без присмотра.

Однако мгновение спустя изнутри махины донеслось: *«Кэроу!»* – задний шов плаща раскрылся, как молния на палатке, оттуда выпорхнула Зузана и моментально вырвала пакет со сдобой из рук Кэроу.

– Слава богу, – сказала она и набросилась на еду.

– Я тоже рада тебя видеть.

– М-м-м...

Из-за спины Зузаны вынырнул Мик и обнял Кэроу.

– Сейчас переведу, – сказал он. – На языке Зузаны это означает «спасибо».

– Правда? – скептически отозвалась Кэроу. – А мне кажется, она просто чавкает.

– Вот именно.

– Угу, – кивнула Зузана.

– Нервы, – пояснил Мик.

– Совсем плохо?

– Ужасно. – Подойдя к Зузане сзади, он наклонился и обнял ее. – Безнадежно, просто жуть. Она невыносима. Забирай ее. Я больше не могу.

Зузана замахнулась было на него, но взвизгнула, когда он уткнулся лицом в изгиб ее шеи и принялся целовать, причмокивая.

Рыжеволосый, светлокожий Мик носил бакенбарды и бородку клинышком, а его глаза, по форме напоминавшие лезвия ножей, намекали на предков с равнин Средней Азии. Красивый и одаренный, он легко заливался румянцем, запинаясь, подбирая слова, вел себя учтиво, но при этом с ним было интересно – хорошее сочетание. Он на самом деле умел слушать, а не притворялся, поджидая подходящего момента, чтобы вернуть свое, как это делал Каз. И самое главное, он сходил с ума по Зузане, а она – по нему. Очаровательная парочка, они так мило краснели и улыбались, что Кэроу одновременно всем сердцем радовалась за них и чувствовала себя совершенно несчастной. Она представила, как их бабочки, *Papilio stomachus*, танцуют танго новой любви.

Что же до нее самой, все труднее и труднее было представить, что в ней всколыхнется жизнь. Как никогда раньше, она ощущала пустоту внутри, темную, дразнящую тайнами, которые ей не суждено разгадать.

Нет! Кэроу отогнала эту мысль. Она разгадает! Она уже на пути к разгадке.

Когда Мик принялся целовать Зузанину шею, искренняя улыбка Кэроу неожиданно стала деланой, словно приклеенной к лицу, как у мистера Картофельная Голова.

– Совсем забыла, – сказала она, откашлявшись, – я же принесла подарки!

Это сработало.

– Подарки! – возликовала Зузана, вырвалась из объятий, запрыгала и

захлопала в ладоши. – Ура, подарки!

Кэроу вручила ей пакет. В нем лежали три свертка, упакованные в грубую оберточную бумагу и перевязанные бечевкой. Отпечатанный текст на карточке, прикрепленной к самому большому из них, гласил: «МАДАМ В. ВЕЗЕРИЗАК, АРТЕФАКТЫ». Свертки выглядели элегантно и как-то солидно. Пока Зузана вынимала их из пакета, ее бровь изогнулась привычной дугой.

– Что это? – посерьезнев, спросила Зузана. – *Артефакты*? Кэроу, под словом «подарок» лично я подразумеваю что-нибудь вроде матрешки из магазина в аэропорту.

– Открывай! Сначала большой.

Зузана открыла. И расплакалась.

– О боже мой, боже мой! – лепетала она, прижимая к груди облако из тончайшего тюля.

Это был балетный костюм, но не простой.

– В нем Анна Павлова танцевала в Париже в тысяча девятьсот пятом году, – взволнованно рассказывала Кэроу.

Она обожала делать подарки. В детстве ей ни разу не пришлось отметить ни Рождество, ни день рождения, но едва она подросла настолько, что ее стали одну отпускать из лавки, она начала носить гостинцы Иссе и Ясри – цветы, диковинные фрукты, испанские веера.

– Да? Понятия не имею, кто это...

– Как? Это самая знаменитая балерина всех времен!

Бровь дугой.

– Не бери в голову, – вздохнула Кэроу. – Всем известно, она была миниатюрной, так что платье будет тебе в самый раз.

– Оно... оно... оно... как с картины Дега... – бормотала Зузана.

Кэроу усмехнулась.

– Я знаю. Шикарно, правда? На блошином рынке одна женщина продает винтажные балетные штучки...

– Но сколько ты за него отдала? Небось целое состояние...

– Тс-с. Состояния тратили и на более глупые вещи. А кроме того, я богата, ты помнишь? Богата до неприличия.

Оставленное Бримстоуном наследство давало возможность дарить подарки. В Париже она купила подарок и себе – тоже артефакт, хотя и не имеющий отношения к балету. Взглянув на китайские ножи с лезвиями в форме полумесяцев, поблескивающие в стеклянном футляре, она моментально поняла, что должна обладать ими. Ее собственный учебный комплект остался в Гонконге у сэнсэя; она не была там с тех пор, как

сгорели порталы. В любом случае, те ножи не шли с этими ни в какое сравнение.

– Четырнадцатый век... – начала было нахваливать товар мадам Везеризак, но Кэроу не стала и слушать. Торг казался ей неуважением по отношению к ножам, и, не моргнув глазом, она заплатила назначенную цену.

Каждый нож состоял из двух лезвий-полумесяцев, скрепленных между собой. Рукояти располагались посередине, благодаря чему ножи имели множество колющих и режущих поверхностей, а самое главное – точек блокирования. Полумесяцы – оптимальное оружие в бою с несколькими противниками одновременно, особенно с теми, кто дерется на мечях. Будь они у нее в Марокко, ангел не справился бы с ней так легко.

Еще она купила Зузане пару старинных пуантов и прелестный головной убор из выцветших розовых бутонов, тоже с парижских подмостков начала прошлого века.

– Пойдем одеваться? – спросила Кэроу, и очарованная Зузана сподобилась лишь кивнуть в ответ.

Они залезли внутрь кукловода и отбросили в сторону другой, ничем не примечательный костюм.

Час спустя по мосту в поисках замка уже прохаживались толпы туристов с путеводителями, и немалая их часть в ожидании стояла полукругом перед гигантским кукловодом. Внутри Кэроу и Зузана заканчивали последние приготовления.

– Не вертись. – Рука Кэроу с кисточкой для макияжа замерла в воздухе, пока Зузана в неподобающей леди манере что-то поправляла под балетной пачкой.

– Колготки перекрутились, – пожаловалась она.

– Хочешь, чтобы и щеки скособочились? Стой смирно!

– Ладно.

Зузана застыла, а Кэроу розовыми румянами вывела на ее щеках идеальные круги. Лицо подруги она покрыла белой пудрой, губы превратила в крохотный лук Купидона, а из уголков рта провела две тонкие черные линии, изображающие шарнирную челюсть марионетки. Темные глаза окаймляли накладные ресницы. Балетная пачка пришлась Зузане в самую пору. В выдавших виды пуантах, белых колготках со спущенными петлями и заплатами на коленках, с лопнувшей, свисающей с корсета завязкой и венком из полинялых роз на голове она выглядела как кукла, долгие годы пролежавшая в сундуке.

Рядом действительно стоял сундук, готовый принять ее, как только

будет приведен в порядок костюм.

– Готово! – сказала Кэроу и всплеснула руками, как это делала Исса, прилаживая ей рога из пастернака или хвостик из перьевой метелки. – Отлично! Выглядишь восхитительно, сердце сжимается от умиления. Кто-нибудь из туристов точно попытается забрать тебя домой как сувенир.

– И пожалеет об этом, – мрачно ответила Зузана, задрала подол и вновь принялась за колготки.

– Оставь ты их в покое!

– Ненавижу колготки.

– Минуточку, сейчас добавлю в список. Сегодня с утра ты ненавидишь: мужчин в шляпах, такс...

– Не такс, а их владельцев, – поправила Зузана. – Чтобы ненавидеть такс, вместо души нужно иметь чечевичное зернышко.

– Значит, владельцев такс, лак для волос, накладные ресницы, а теперь еще и колготки. Все, я надеюсь?

Зузана на мгновение замерла, словно снимала показания с некоего внутреннего прибора.

– Да, кажется. По крайней мере, пока.

Мик просунул голову в проем.

– Набежала целая толпа! – восторженно сообщил он.

Идея показать учебный проект Зузаны народу принадлежала ему. Сам он иногда выходил на улицу со скрипкой, надев для пущей «романтичности» повязку на совершенно здоровый левый глаз. Мик пообещал Зузана, что за утро она соберет несколько тысяч крон. Сейчас со своей повязкой он выглядел одновременно жуликовато и мило.

– Боже, как ты прелестна! – воскликнул он, глядя на Зузану одним глазом.

При других обстоятельствах слово «прелестна» вряд ли пришлось бы Зузана по вкусу. «Прелестными бывают только дети», – вздыбилась бы она в ответ. Однако там, где дело касалось Мика, все было по-другому. Зузана покраснела.

– У меня появляются дикие мысли, – сказал он, протискиваясь в и без того уже переполненное пространство. – Не правда ли, странно, что я тащусь от марионетки?

– Да, – ответила Зузана. – Очень странно. Но это объясняет, почему ты работаешь в кукольном театре.

– Не от всех марионеток. Только от тебя.

Он обвил руками ее талию, и Зузана взвизгнула.

– Осторожнее! – вмешалась Кэроу. – У нее грим!

Но Мик не слушал. Он медленно и страстно поцеловал Зузану, размазал красную помаду по белому кукольному лицу и перепачкался сам. Смеясь, Зузана вытерла ему губы. Кэроу хотела подправить макияж, но передумала: размазанный рот как нельзя более подходил к образу.

Поцелуй чудесным образом наполнил Зузану решимостью.

– Вперед! – задорно объявила она.

– Отлично! – ответила Кэроу. – Полезай в ящик.

И представление началось.

Это была невероятно трогательная история старой марионетки, которую вынули из сундука, чтобы она исполнила свой последний танец. Сначала Зузана двигалась нескладно, порывисто, несколько раз заваливалась в ворох тюля. Глядя на восхищенные лица зрителей, Кэроу понимала, как им хочется шагнуть вперед и помочь маленькой танцовщице встать на ноги.

Над ней угрожающе навис жуткий кукловод, от каждого движения Зузаны его руки и пальцы дрожали и подпрыгивали, словно это он управлял ею, а вовсе не наоборот. Хитроумная конструкция не привлекала к себе внимания, так что иллюзия была безупречной. В какое-то мгновение кукла начала обретать былое изящество: Зузана медленно, словно ее тянули вверх за веревочку, поднялась на одном пуанте, лицо просияло. Звуки сонаты Сметаны^[7], невероятно мелодичные, сорвались со струн Миковой скрипки, и в это мгновение уличный спектакль превратился в нечто большее.

Кэроу почувствовала, как слезы щиплют глаза. Внутри отдавалась эхом пустота.

Под конец кукловод загнал Зузану обратно в сундук, она бросила на зрителей полный тоски взгляд и протянула с мольбой руку перед тем, как подчиниться воле хозяина. Крышка захлопнулась, музыка резко оборвалась.

Толпа была в восторге. Футляр из-под Миковой скрипки мгновенно наполнился банкнотами и монетами, Зузана долго кланялась, позировала для фото, а потом вместе с Миком убежала под плащ кукловода. Кэроу не сомневалась: там они принялись наносить непоправимый вред плодам ее работы гримера. Она уселась на сундук и стала ждать.

И здесь, на Карловом мосту, среди скопища туристов на нее вновь нахлынуло давешнее тревожное ощущение, словно набежала тень от заслонившей солнце тучи.

27. Не страх, а сила

Всю жизнь ты будешь трястись от страха, девчонка.

Слова Бейна звенели в ушах. Кэроу всматривалась в лица людей в окружающей толпе. Чувствуя себя беззащитной посреди моста, она окинула взглядом крыши окрестных домов. Ей всюду чудился зверобой, наблюдающий за ней в прицел.

Кэроу отогнала эти мысли. Ощущение исчезло, она поспешила убедить себя, что это бред, однако в течение дня оно возвращалось к ней не раз. Зузана тем временем танцевала свой танец, с каждым представлением обретая все большую уверенность. Футляр от скрипки наполнялся снова и снова, сборы превзошли все ожидания.

Мик и Зузана уговаривали Кэроу поужинать с ними, но она отказалась, сославшись на усталость из-за смены часовых поясов, что не было ложью, но не являлось и главной причиной отказа.

Она чувствовала, что за ней следят.

Кончики пальцев затрепетали, руки покалывало.

Войдя в лабиринт мощеных улочек Старого города, Кэроу знала точно – кто-то идет следом. Она опустилась на колено, сделала вид, что поправляет сапог, а сама тем временем вынула нож – обычный, новые ножи-полумесяцы лежали в футляре дома – и спрятала его в рукаве, попутно окинув взглядом улицу впереди и сзади.

Никого не увидела и двинулась дальше.

Впервые приехав в Прагу, она заплутала в этих улочках. Через несколько кварталов после художественной галереи повернула, чтобы пройти обратно тем же путем... но город словно его проглотил. Обманчивая путаница переулков создавала впечатление карты, которая смещалась за спиной, горгульи на цыпочках ускользали прочь, а камни, подобно стеклышкам в калейдоскопе, менялись местами. Прага очаровывала, влекла, как сказочная колдунья, заманивающая путников в лесные дебри, откуда невозможно выбраться. Блуждание по ее переулкам среди магазинов марионеток – приятное приключение, ведь единственные существа, готовые напасть из-за угла, – это Каз и его подручные в вампирских нарядах.

Так было раньше.

Сегодня вечером Кэроу почувствовала реальную угрозу. Спокойная и невозмутимая, она желала, чтобы угроза проявилась. *Хотелось драться.*

Тело напряглось, как пружина. Ее часто терзало чувство, что она занимается чем-то не тем, однако сейчас она была уверена – в призрачной жизни в это мгновение ей пришлось бы *сразаться*.

– Давай же, – шептала она невидимому преследователю, ускоряя шаг. – Я тебя удивлю.

На Карловой улице, главной пешеходной артерии города, соединяющей мост со Староместской площадью, в плотной массе туристов Кэроу бросала взгляды через плечо, скорее чтобы изобразить испуг, чем в надежде увидеть своего преследователя. На перекрестке она резко свернула влево, стараясь держаться ближе к стене. Этот район она знала как свои пять пальцев. Тут было полно подходящих мест для Казовых вампирских экскурсий. Чуть впереди стояла средневековая ратуша с потайной нишей – в ней Кэроу не раз пряталась в костюме привидения.

Туда она и нырнула сейчас, чтобы скрыться в тени.

– Эй! – из темноты раздался резкий голос.

Кэроу отпрянула, ноги подкосились.

– Фу ты! Вот так встреча...

Перед ней с выражением скупающего превосходства, скрестив на груди руки, стояла вампирша.

Светла.

Кэроу сжала зубы. Высокая и стройная, как модель, Светла обладала той режущей глаз красотой, которая с возрастом непременно станет пугающей. В белом гриме, с готской подводкой, фальшивыми клыками и каплями крови, сочащимися из уголков ярко-красных губ, она идеально подходила на роль сексапильной вампириши в черном плаще.

«Дура», – упрекнула себя Кэроу. Как раз в это время Каз и проводил свои вампирские экскурсии, и естественно, все укрытия сейчас заняты актерами. Во время вечерних прогулок по Старому городу ее часто смешили привидения, подпирающие спинами стены, от скуки набирающие эсэмэски в ожидании очередной группы туристов.

– Чего надо? – Светла скривила губы, словно что-то унюхала. Она относилась к тем красавицам, которые легко превращаются в уродин.

Кэроу глянула назад на Карлову улицу, затем посмотрела вперед на следующий поворот переулка, где можно было найти другое укрытие. Слишком далеко. Она почти ощущала, как приближается ее преследователь.

– Если ищешь Каза, можешь не беспокоиться, – растягивая слова, выговорила Светла. – Он мне все про тебя рассказал.

«Боже, – подумала Кэроу, – какое это теперь имеет значение?»

– Светла, закрой рот! – выдавила она и втиснулась в нишу, прижав Светлу к стене.

У той от изумления отвисла челюсть.

– Что ты делаешь, идиотка? – Светла попыталась вытолкнуть ее обратно.

– Сказано тебе, уймись, – прошипела Кэроу и вынула из рукава нож.

Закругленное на кончике, словно кошачий коготь, острие блеснуло в луче света. Светла ахнула и умолкла, но ненадолго.

– Я так и знала. Собираешься меня прикончить...

– Послушай, – тихо произнесла Кэроу. – Просто помолчи, и я исправлю твои дурацкие брови.

– Что?! – раздалось через минуту ошарашенного молчания.

Светла носила длинную, густую челку, наполовину закрывавшую глаза и так щедро залитую лаком, что волосы почти не шевелились, – все для того, чтобы спрятать брови, на которые Кэроу в приступе гнева истратила шинг. Черные и кустистые, брови вряд ли помогли бы ей в карьере модели.

На лице Светлы одновременно отразились смущение и ярость. Откуда Кэроу известно о бровях, ведь она так тщательно их скрывала? Шпионила, наверное!

Кэроу не было дела до того, что подумала Светла. Она нуждалась лишь в тишине.

– Честно, исправлю, – выдохнула она. – Конечно, если останусь жива. Так что заткнись.

С Карловой улицы доносились голоса, звуки музыки из близлежащих кафе и гул моторов. И никаких шагов, хотя это ни о чем не говорило. Охотники знают толк в уловках.

Лицо Светлы перекосилось от ужаса, но она хотя бы замолчала. Кэроу напряженно вслушивалась.

Кто-то шел в их сторону. Раздались едва уловимые шаги. В переулке возникла тень. Кэроу наблюдала, как тень удлинялась, ее хозяин подходил все ближе и ближе. В кистях рук появилась пульсация. Она крепче сжала нож и внимательно рассматривала тень, пытаясь понять, кому она принадлежит.

Кэроу моргнула, и в голове пронеслись слова. Слова не Бейна, а Разгута.

«Мой брат серафим искал тебя, красотка».

У тени были крылья.

Боже, это ангел! Пульс стал прерывистым. Она мгновенно забыла о Бейне и осознала то, что было так очевидно с самого начала: ее ладони

пульсировали. Хамсы горели. Как она не поняла этого раньше? Свирепо взглянув на Светлу, Кэроу беззвучно, одними губами прошептала: «Тихо!» Злость окончательно сошла с лица Светлы, остался лишь испуг.

Тень надвигалась, следом за нею – ангел. Он напряженно вглядывался вдаль. Волшебство сделало крылья невидимыми, глаза сверкали в сумраке, и Кэроу четко рассмотрела его в профиль. Потрясающе красивый, как и во время первой их встречи. «Видели бы вы его, мадам Фиала», – мысленно обратилась Кэроу к своей преподавательнице.

Хотя за спиной висели два меча в ножнах, руки его были свободны, кисти чуть приподняты – он словно хотел показать, что не опасен.

«Молодец! – подумала Кэроу, крепче ухватившись за рукоятку ножа. – Зато я опасна».

Он поравнялся с нишей.

Кэроу собралась с духом...

...и выскочила из укрытия.

Пришлось подпрыгнуть, чтобы ухватить его за шею, – росту в нем было шесть с лишним футов. Вцепившись в него, она тотчас ощутила жар и тяжесть крыльев, невидимых, но реальных. Еще она чувствовала тепло, широкие плечи и сильные руки, и прекрасно осознавала, что он очень живуч, когда приставила нож к его горлу.

– Меня ищешь?

– погоди... – сказал он, не предпринимая попыток сбросить ее.

– «Погоди!», – передразнила Кэроу и внезапно прижала чернильный глаз другой ладони к шее ангела.

Как и в Марокко, когда она впервые направила на него неведомые чары своих оберегов, что-то произошло. В прошлый раз его отбросило воздушной волной. Сейчас его не ударила и не сбила с ног их страшная сила – она проникла в него. Дрожь, охватившая его тело, отдалась ей в руку, прошла сквозь нее, достав до корней зубов. Это было душераздирающе. Ужасно. Для нее.

Для него все обстояло еще хуже. Мощное тело искорежили судороги, угрожая стряхнуть Кэроу на землю, но она держалась крепко. Он задохнулся. Чары поразили его. Лихорадочно трясясь, он попробовал отбросить ее руку, но пальцы не слушались. Под ладонью Кэроу его гладкая кожа была ужасно горячей и нагревалась все больше. Крылья тоже пылали неистовым огнем.

Пожар, невидимый пожар.

Кэроу больше не могла терпеть. Ладонь оторвалась от его шеи. В то же мгновение ангел овладел собой, схватил ее за запястье и стряхнул с себя.

Она грациозно приземлилась и повернулась к нему лицом.

Ссутулившись, прижав одну руку к шее, он тяжело дышал и пристально смотрел на нее тигриными глазами. Ее точно пригвоздили к месту, долгие секунды она лишь таращилась на него в ответ. Вид у него был страдальческий. Одна из бровей недоуменно изогнулась, словно перед ним открылась тайна.

И тайной этой была *она*.

Затем он шевельнулся, и замешательство прошло. Пытаясь ее успокоить, он поднял руки. Его близость давила на Кэроу. Хамсы пульсировали. Сердце колотилось, трепетали кончики пальцев, мелькали картинки из памяти: сокрушительные удары меча, объятый огнем Кишмиш, сгоревшие порталы, последняя встреча с Изилом, его крик: «Малак!»

Она тоже подняла руки – но не с мирными намерениями. Одна рука сжимала нож, вторая обнажила свой глаз.

Серафим вздрогнул, и хамса отбросила его на несколько шагов назад.

– погоди, – взмолился он, скрючившись от боли. – Я тебя не трону.

Кэроу усмехнулась. Кто из них двоих в опасности – еще вопрос. Она наполнилась силой. Призрачная жизнь больше не дразнила, а проникла сквозь кожу и овладела ею.

Она бросилась на него, он попятился. Она нападала, он отступал. Ни в одном из тренировочных боев за долгие годы обучения Кэроу не боролась в полную силу. Но сегодня был иной случай. Она дала себе волю и исполняла вращательные ката, нанося удары по его груди, ногам и даже по поднятым вверх в знак примирения рукам. При каждом контакте она осязала его материальность, его физическое присутствие. Ангел ли, нет ли – ничего эфирного в нем не было. Он состоял из плоти.

– Ты зачем меня преследуешь? – прорычала она по-химерски.

– Не знаю, – ответил он.

Кэроу расхохоталась. Она чувствовала себя легкой, как воздух, и стремительной, как гроза. Нападала дерзко и яростно, а он и не думал защищаться, лишь отражал ножевые удары да уклонялся от выставленной вперед хамсы.

– Дерись! – прошипела она, когда очередной удар достиг цели, а он лишь бесстрастно принял его.

Драться он не собирался. Наоборот, когда она в следующий раз атаковала, он взлетел с мостовой и оказался вне пределов досягаемости.

– Я просто хочу поговорить с тобой, – произнес он, нависнув над ней.

Она закинула голову и посмотрела вверх. Ветер от взмахов крыльев трепал синие волосы.

Она вызывающе улыбнулась, присела на корточки и сгруппировалась.
– Так говори! – сказала она и взмыла к нему в небо.

28. В позе молящейся

Вампирша Светла вмиг разучилась дышать.

На пересечении переулка с Карловой улицей группка туристов застыла в изумлении. Из открытых ртов выпадали жвачки. Каз, в цилиндре, с зажатой под мышкой тростью, вдруг узрел, что его бывшая девушка висит в воздухе.

По правде говоря, особо он не удивился. В Кэроу было нечто, порождающее исключительное легкоеверие. Вещи, которые казались абсолютно невероятными, когда речь шла о других людях, в отношении Кэроу были не такими уж противоестественными. Она летает? Почему бы и нет!

Каз почувствовал не удивление, а ревность. Да, Кэроу летала, но не одна. Она была с мужчиной, невероятную красоту которого вынужден был признать даже Каз – он всегда заявлял, что привлекательность другого мужчины признают только «голубые». А здесь с красотой определенно перестарались.

«Отвратительно», – мысленно вынес вердикт Каз, скрестив на груди руки.

То, что делали эти двое, трудно было назвать полетом. Повиснув на уровне крыши дома, они медленно двигались по кругу и сверлили друг друга глазами. Между ними явственно ощущалось напряжение.

Затем Кэроу набросилась на парня, и настроение у Каза улучшилось.

Позже он заявит, что воздушное шоу входило в его программу, и сделает рекордные сборы. Назвав Кэроу своей девушкой, он приведет в бешенство Светлу, которая гордо удалится домой, чтобы взглянуть в зеркало на брови – все еще толстые, как гусеницы. А пока они, разинув рты, глазели на двух прекрасных созданий, завязавших драку в воздухе между пражских крыш.

По крайней мере, Кэроу точно дралась. Ее противник только уворачивался, ловко и грациозно, проявляя при этом нечто вроде... кротости?.. Он уклонялся от нее и вздрагивал словно от удара даже в те мгновения, когда она и не прикасалась к нему.

Так продолжалось несколько минут, толпа зевак росла. Когда Кэроу в очередной раз пошла в наступление, парень умудрился ухватить ее за руки, и она выронила нож, который после довольно долгого полета вонзился острием в щель между булыжниками мостовой. Все это выглядело странно:

парень прижал ее ладони друг к другу. Она сопротивлялась, но он, несомненно, был намного сильнее и без труда удерживал ее руки, как бы принуждая возносить молитву.

Он говорил ей что-то, и его речь, обрывки которой доносились до наблюдателей, казалась чужестранной и богатой интонациями, грубой и как будто... звериной. Слушая его, она мало-помалу успокоилась. На Староместской площади колокола Тынского храма отзвонили девять, и, когда последний удар отозвался эхом в тишине, он отпустил ее и отпрянул назад, напряженный и сосредоточенный, словно только что освободил из клетки дикого зверя и не знает, кинется ли тот на него.

Кэроу не кинулась. Она полетела прочь. Медленно перемещалась в воздухе, подогнув стройные ноги, взмахивала руками, будто стараясь удержаться на плаву. Ее движение было таким легким, таким... возможным, что кое-кто из туристов осторожно попробовал воздух руками – а вдруг они попали в какое-то место, где у людей появляется способность летать?

А затем, едва зеваки начали привыкать к невиданному зрелищу – парящим в небе синеволосой девушке и черноволосому мужчине, словно исполняющим блистательный танец, – как девушка сделала неожиданный выпад. Мужчина прогнулся и начал падать, тщетно стараясь удержаться в воздухе.

Наконец он обмяк, голова откинулась назад, и в россыпи искр, похожих на хвост кометы, его понесло к земле.

29. Звездный свет

Когда ангел решил улизнуть, просто оторвавшись на десять футов от земли, Кэроу испытала дьявольское удовольствие от того, что в силах удивить его. Но если он и удивился, то не подал виду. Он *смотрел* на нее. Всего лишь смотрел. Взгляд обжигал щеки, губы. Словно *касался* их. Манящие глаза, черные бархатные брови. Медь и тень, сладость и угроза, скулы, точеные как лезвие, и мысок на лбу как острие кинжала. Плюс ко всему приглушенный треск невидимого огня, – глядя на него, очарованная Кэроу внезапно ощутила, как кровь шумит в ушах.

В животе внезапно проснулись и затрепетали крыльями маленькие существа.

Щеки вспыхнули румянцем. Только бабочек ей не хватало! Как могла она, глупая, не устоять перед этой красотой?

«Красота... – как-то раз язвительно произнес Бримстоун. – Люди сходят от нее с ума. Беспомощные, как летящие на пламя мотыльки».

Быть мотыльком Кэроу не желала. Двигаясь в воздухе по кругу, лицом к лицу с врагом, она без устали напоминала себе, что хотя сейчас серафим не вступает в поединок, однажды он уже пролил ее кровь. И оставил шрамы на ее теле. Хуже того, он сжег порталы, из-за него она теперь осталась одна.

Распалаясь, Кэроу нападала снова, и едва не убедила себя, что она – достойный ему противник и может... Что? Убить его? Она даже не пыталась воспользоваться ножом. Убивать она не хотела.

Чего же тогда она добивалась? И чего добивался он?

А затем он схватил ее за руки, одним ловким движением обезоружил и лишил надежды на победу, которую она, возможно, питала. Он сжал ее ладони, и она больше не могла направить на него хамсы. Он приблизился настолько, что она рассмотрела белое пятно на шее, в том месте, где касалась его. Вырваться не получалось. Сильные, теплые руки обхватили ее кисти. Он поймал в ловушку ее чары – прижатые друг к другу татуировки обжигали ладони, нож полетел вниз. Она попалась. Кэроу с содроганием вспомнила, как в Марокко он смотрел на нее безжизненным взором.

Сейчас его взгляд был далеко не безжизненным. Словно перед ней предстал кто-то совсем другой, – тот, кого переполняли чувства. Какие чувства? Боль. Глаза горели лихорадочным огнем. Лицо несло печать затянувшегося страдания, дыхание сбилось. Наклонившись к Кэроу в

воздухе, он напряженно вглядывался в ее лицо.

Его прикосновение, исходящий от него жар, его взгляд словно захлестнули ее, и бабочки вмиг пропали.

Между ними возникло нечто совершенно новое, связанное... со звездами. Нечто, что изменило форму пространства и проникло в нее, – оно согревало и успокаивало, – и в то мгновение, когда ее ладони были в его руках, Кэроу почувствовала себя беспомощной, как звездный свет, притягиваемый к солнцу в огромном, странным образом видоизмененном пространстве.

Низким хриплым голосом ангел произнес:

– Я не причиню тебе зла. Сожалею о том, что произошло раньше. Прощу, поверь мне, Кэроу. Я пришел не затем, чтобы навредить тебе.

Услышав свое имя, она вздрогнула и перестала сопротивляться.

– Тогда зачем?

Он посмотрел на нее беспомощным взглядом.

– Не знаю.

На этот раз его ответ не показался ей смешным.

– Просто... поговорить, – продолжал он. – Хочу понять...

Он смолк, безуспешно пытаясь подобрать слова, и Кэроу подумала, что знает, о чем он, потому что тоже хотела это понять.

– Я больше не выдержу твоей магии, – сказал он.

Она на самом деле серьезно его ранила. «По-другому не получится», – подумала она. Он – враг. Доказательство тому – горящие ладони. И шрамы, и разорванная на части жизнь. Однако тело не слушало. Тело сосредоточилось на прикосновении его рук.

– Но я тебя не держу, – добавил он. – Хочешь – ударь, я этого вполне заслуживаю.

Он разжал руки. Жар схлынул, в пространство между ними ворвался холодный ночной воздух.

Спрятав хамсы в кулаках, Кэроу подалась назад, почти не осознавая, что все еще парит в воздухе.

Ну и ну! Что это?

Она понимала, что летает на виду у толпы людей, и вокруг собирается все больше и больше зевак, будто туристский маршрут с Карловой улицы отклонился в этот переулок. Она чувствовала, как в нее удивленно тычут пальцами, видела вспышки камер, слышала крики, – но все это было далеко, как на экране телевизора, менее реально, чем мгновение, которым она сейчас жила.

Пока серафим прикасался к ней, ее словно чем-то наполнили. Он

отдалился, и пустота вернулась и пульсировала в ней, холодная и ноющая, гулкая и нетерпеливая. Отчаявшаяся часть ее существа так и рвалась вновь схватить его за руку. Кэроу отнеслась настороженно к столь странному, необъяснимому стремлению и заставила себя остановиться. Однако сопротивляться было невероятно трудно – ее словно затягивало в пучину.

Кэроу не на шутку испугалась.

Ангел сделал движение в ее сторону, и она протянула к нему руки, обе сразу. Его глаза расширились, он качнулся, утратив изящество. У Кэроу сбилось дыхание. Он попытался восстановить равновесие, ухватившись за оконную перемычку на четвертом этаже, и не смог.

Ангел закатил глаза и опустил на несколько футов, взметая вверх искры. Неужели потерял сознание?

– Что с тобой?

Он не ответил. Упал.

Акива смутно понимал, что он уже не в воздухе. Под ним камень. Перед глазами мелькали лица. Сознание то покидало его, то возвращалось. Слышались голоса, люди говорили на неизвестных ему языках. Краем глаза он заметил синеву: Кэроу здесь! Шум в ушах усилился, и он заставил себя сесть. Шум оказался аплодисментами.

Кэроу – она стояла к нему спиной – сделала реверанс. Потом торжественно выдернула нож из щели между камней и вложила в сапог. Бросив на Акиву взгляд через плечо, она явно обрадовалась тому, что он пришел в сознание, а затем шагнула к нему... и взяла за руку. Осторожно, лишь кончиками пальцев, чтобы ее отметины его не обожгли. Помогла ему встать и прошептала на ухо:

– Поклонись.

– Что?

– Просто поклонись, ладно? Они подумают, что это представление. Будет проще скрыться. Пусть гадают потом, как мы это сделали.

Он кое-как поклонился, и вновь грянули аплодисменты.

– Можешь идти? – спросила Кэроу.

Он кивнул.

Выбраться из толпы было нелегкой задачей. Люди загораживали им путь, задавали вопросы. Отвечала Кэроу; языка он не понимал, но ее ответы были отрывистыми. Зрители выражали глубокое почтение и восторг – все, кроме одного молодого человека в высокой шляпе, который, свирепо уставившись на Акиву, пытался увести Кэроу под локоток. Такое собственническое поведение возмутило Акиву, ему захотелось немедленно

швырнуть человека об стену, однако Кэроу не потребовалась его помощь. Она отмахнулась от юноши и повела Акиву прочь. Ее пальцы все еще касались его ладони, маленькие и прохладные, и он испытал сожаление, когда, повернув на безлюдную рыночную площадь с пустыми прилавками, она убрала руку.

– С тобой все нормально? – спросила она, словно устанавливая дистанцию.

Он оперся о стену под навесом.

– Не то чтобы я этого не заслужил, – произнес он, – но по мне словно армия прошла.

Она подошла ближе, ее явно что-то тревожило.

– Разгут сказал, что ты ищешь меня. Зачем?

– Разгут? – изумился Акива. – Он разве не...

– Он выжил. А вот Изил – нет.

Акива опустил глаза.

– Не думал, что он прыгнет.

– А он все-таки прыгнул. Так зачем ты искал меня?

Снова беспомощность. Он подбирал слова.

– Я не понимаю, кто ты, человек, помеченный глазами дьявола.

Кэроу посмотрела на свои ладони, затем перевела растерянный взгляд на него.

– Почему они... так действуют? На тебя?

Он прищурил глаза. Разве она не знает?

Татуировки в виде глаз – лишь один пример бримстоуновской черной магии. Чары действовали как сильнейшая струя воздуха, отнимающая силы. Акива учился сопротивляться им – как и все серафимы-воины. В бою он успел бы отрубить руки врагу, прежде чем тот направит на него пагубную энергию. Но Кэроу... меньше всего на свете он хотел бы снова причинить ей боль, поэтому терпел сколько мог.

После ее прикосновения шею жгло словно кислотой, тело терзала тупая, ноющая боль от безжалостных ударов. Он чувствовал слабость и боялся упасть.

– Это знаки фантомов, – сказал он осторожно. – Ты должна знать.

– Фантомов?

Он внимательно посмотрел на нее.

– Ты в самом деле не знаешь?

– Чего не знаю? Что такое фантом? Разве это не призрак?

– Это химерский воин, – сказал он, и это было лишь наполовину правдой. – Хамсы предназначены для них. – Он помолчал. – И только для

них.

Она резко сжала кулаки.

– Видимо, не только.

Он не ответил.

Знакомые чувства нахлынули на него, когда они противостояли друг другу над крышами. Рядом с ней он словно балансировал на краю раскачивающегося мира, пытаясь удержаться на ногах, а земля так и старалась стряхнуть его, закрутить вихрем, от которого нет спасения, только удар, долгожданный удар, сладкое и манящее столкновение.

Такое он уже испытал и не хотел повторения. От этого лишь еще больше сотрется память о Мадригал. Он опять не смог представить ее лицо: словно вспоминал мелодию во время исполнения другой песни. И видел только лицо Кэроу. Сияющие глаза, гладкие щеки, изгиб мягких, плотно сжатых губ.

Он отсекал чувства. Он не должен был позволять себе такое – это волнение в крови, сумбур в голове. И за всем этим – обрывок мысли о том, что где-то в потемках его души все еще таится надежда. Очень маленькая надежда. Связанная с Кэроу.

Она шла на расстоянии взмаха крыльев. Они пытались сохранить равновесие на краю непреодолимого влечения, боясь приблизиться друг к другу.

– Зачем ты сжег порталы? – спросила она.

Он глубоко вздохнул. Что он мог сказать? Чтобы отомстить? Чтобы добиться мира? И то и другое было в какой-то мере правдой.

– Чтобы закончить войну, – осторожно ответил он.

– Войну? Разве идет война?

– Да, Кэроу. Война повсюду.

Она вновь смутилась, услышав свое имя.

– Бримстоун и остальные... что с ними? – Она едва дышала, и Акива понял – ей страшно. Она боится услышать ответ.

– Они прятались в черной крепости, – сказал он.

– В крепости... – В голосе прозвучала надежда. – С решетками. Я была там в ту ночь, когда ты напал на меня.

Акива отвел глаза. Накатила волна тошноты. В голове стучало так, что он не мог сосредоточиться на прошлом; лишь однажды он получил такую же сильную травму от дьявольских отметин, после которой не надеялся выжить, и до сих пор не понимал, как это ему удалось. Трудно было открыть веки, а тело казалось якорем, тянущим его ко дну.

Голоса.

Кэроу резко обернулась. Акива проследил за ее взглядом. Некоторые из зевак увязались за ними и сейчас показывали пальцами в их сторону.

– За мной, – сказала Кэроу.

Будто у него был выбор.

30. Ты

Она вела его домой и по дороге думала: «Глупая, глупая, что ты делаешь?»

«Ответы. Мне нужны ответы», – тут же объясняла она самой себе.

У лифта засомневалась, стоит ли входить в такое маленькое пространство вместе с серафимом, но он был не в состоянии подниматься по лестнице, и она нажала кнопку. Судя по всему, он не знал, что такое лифт, и, войдя за Кэроу в кабину, слегка вздрогнул, когда механизм заработал.

Дома она бросила ключи в стоящую у двери корзинку и огляделась вокруг. На стене крылья Угасшего ангела, поразительно схожие с его крыльями. Если он и заметил это, то не подал виду. Комната была слишком маленькой, чтобы полностью их расправить, и они висели, как балдахин над кроватью – низким тиковым помостом, на котором, как в сказке про принцессу на горошине, лежала гора перин. На незастланной постели – ворох старых альбомов. Пройшей ночью Кэроу просматривала их – только так ей теперь удавалось побыть с семьей.

Один из альбомов был открыт на странице с портретом Бримстоуна. Заметив, как при виде его ангел стиснул зубы, Кэроу быстро схватила альбом и прижала к груди. Он отошел к окну и посмотрел на улицу.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Акива.

– Откуда ты знаешь мое имя?

Долга пауза.

– Старик...

Изил. Конечно! Но... ведь Разгут сказал, что Изил погиб, защищая ее.

– Как ты меня нашел?

Янтарные глаза Акивы отражались в темном оконном стекле.

– Это было нетрудно.

Кэроу хотела расспросить подробнее, но он прикрыл глаза и прижался лбом к стеклу. Она указала рукой на глубокое, обитое зеленым бархатом кресло.

– Можешь присесть, только не подожги ничего.

На его лице появилась унылая гримаса – мрачное подобие улыбки.

– Не подожгу.

Он расстегнул пряжку на ремнях, крест-накрест стягивающих грудь, и

мечи, висевшие между лопатками, с грохотом упали на пол. «Вряд ли соседи снизу обрадуются», – подумала Кэроу. Акива сел – или, скорее, рухнул – в кресло. Кэроу отодвинула альбомы и устроилась лицом к нему на кровати, в позе лотоса.

В крошечной квартирке места хватало лишь для кровати, стула да задвигающихся друг под друга резных столиков. На полу гордость Кэроу – персидский ковер, который она сторговала прямо с ткацкого станка в Тебризе. Одну из стен – напротив окон – полностью закрывали книжные полки, а из прихожей двери вели в миниатюрную кухню, еще более миниатюрную кладовую и ванную размером с душевую кабину. Высота потолков при этом, как ни странно, была двенадцать футов, отчего комната казалась вытянутой вверх. Поэтому Кэроу устроила над книжными полками верхний этаж, чтобы отдохнуть там, развалившись на турецких подушках, и любоваться видом на крыши Старого города и замок.

Она посмотрела на Акиву. Тот в изнеможении откинул голову назад и закрыл глаза. Осторожно пошевелив одним плечом, сморщился от боли. Кэроу раздумывала, не предложить ли ему чаю – она бы тоже выпила с удовольствием, – однако не захотела так явно проявлять гостеприимство, ведь они были врагами.

Она изучала его лицо, мысленно поправляя рисунки, которые делала по памяти. Пальцы так и чесались от желания взять карандаш и сделать набросок с натуры. Глупые пальцы.

Акива открыл глаза и поймал ее взгляд. От смущения щеки Кэроу вспыхнули румянцем.

– Не слишком-то расслабляйся, – буркнула она.

Он с трудом выпрямил спину.

– Прости. Так всегда бывает после битвы.

После *битвы*. Он настороженно наблюдал, как она пытается осознать услышанное.

– После битвы с химерами? Потому что вы – враги?

Он кивнул.

– Почему?

– Почему? – удивленно переспросил он, словно понятие «враги» не требовало пояснений.

– Да. Почему вы – враги?

– Мы всегда ими были. Война продолжается уже тысячу лет...

– Это не объяснение. Два племени не могут изначально родиться врагами. У вражды должны быть причины.

Медленный кивок.

– Да. Они есть. – Он потер лицо руками. – Что ты знаешь о химерах?
Что она знала? Пришлось признаваться:

– Немного. До того вечера, когда ты напал на меня, я думала, их всего четверо. И они – единственные представители своего племени.

Он помотал головой.

– Они – не одно племя. Племен много, они союзники.

«В этом есть смысл, – подумала Кэроу, – ведь все четверо так не похожи друг на друга».

– Значит, есть и другие, похожие на Иссу, на Бримстоуна?

Акива кивнул.

Реальность, о которой Кэроу имела лишь смутное представление, заиграла новыми красками. Воображение нарисовало разбросанные по миру племена, целые деревни исс, семьи бримстоунов. Она хотела их увидеть. Почему ей об этом ничего не рассказывали?

– Не понимаю, как ты жила, – сказал Акива. – Бримстоун тебя пускал только в лавку, но не в саму крепость?

– До того вечера я не знала, куда ведет задняя дверь.

– Значит, он все-таки пустил тебя туда?

Вспомнив, в какую ярость пришел Бримстоун, Кэроу поджала губы.

– Ну да. Можно и так сказать.

– И что ты там увидела?

– С чего я стану рассказывать? Вы враги, а значит – ты и мой враг тоже.

– Я тебе не враг, Кэроу.

– Они – моя семья. Их враги – мои враги.

– Семья, – повторил Акива, качая головой. – Откуда ты родом? Кто ты?

– Почему каждый считает своим долгом спросить меня об этом? – Кэроу вспыхнула от гнева, хотя этим вопросом она и сама стала задаваться, как только поняла всю странность своего положения. – Я – это я. А ты кто?

Вопрос был риторическим, но он воспринял его всерьез.

– Я – воин.

– И что ты тут делаешь? Твоя война идет в другом месте. Зачем ты явился сюда?

Он сделал глубокий вдох и снова откинулся в кресле.

– Мне кое-что... было нужно, – ответил он. – Я воюю уже больше полувека...

– Тебе за пятьдесят?! – изумилась Кэроу.

– В моем мире живут долго.

– Везет, – не удержалась Кэроу. – У нас, если хочешь долго жить,

придется вырвать себе щипцами все зубы.

При упоминании о зубах глаза его грозно вспыхнули, но он ответил лишь:

– Долгая и несчастная жизнь – тяжкая ноша.

Несчастливая жизнь. Он говорил о себе?

Она спросила.

Он поморгал и закрыл глаза, словно не мог держать их открытыми, и так долго не отвечал, что Кэроу подумала: не уснул ли? И все-таки ей не терпелось получить ответ. Она чувствовала – он имеет в виду себя. Вспомнила, как он выглядел в Марракеше, его лишённые жизни глаза.

Ей вновь захотелось проявить заботу о нем, предложить что-нибудь, но она подавила этот импульс. Просто сидела и рассматривала его: резкие черты лица, угольно-чёрные брови и ресницы, полосы на руках, вытянутых на подлокотниках кресла. На шее виднелся рубец, чуть выше размеренно пульсировала вена.

Она опять изумилась его физическому присутствию, тому, что он – реальное существо, хотя и не похожее на тех, кого ей доводилось встречать раньше. В нем слились воедино две стихии – огонь и земля. Вопреки ожиданиям, ангел не был чем-то эфемерным. Напротив, он воплощал в себе материю: сильную, прочную, живую.

Его глаза открылись, и она подскочила от неожиданности: снова ее застали врасплох. Сколько же можно краснеть?

– Прости, – тихо сказал он. – По-моему, я заснул.

– Гм, – не удержалась она, – принести воды?

– Да, пожалуйста.

Благодарность, прозвучавшая в его голосе, заставила ее устыдиться, что не предложила раньше.

Воду он осушил одним глотком.

– Спасибо, – тепло поблагодарил он, словно она дала ему нечто большее, чем просто стакан воды.

– Угу, – смущенно ответила она.

В тесной комнате некуда было присесть, кроме кровати, и она поспешно заняла прежнее место. Хотелось снять обувь, однако она не была уверена, что не придется убегать или драться. Впрочем, судя по вялому виду Акивы, это ей не грозило. Если ей и следовало чего-то опасаться, то лишь неприятного запаха от ног.

Поэтому сапоги она решила оставить.

– Все-таки не понимаю, зачем ты сжег порталы? Как это поможет закончить войну?

Руки Акивы крепче сжали пустой стакан.

– Оттуда исходила магия. Черная магия.

– Оттуда? Не было там никакой магии.

– ...сказала летающая девушка.

– Да, но летающая только благодаря монете желания, которую я получила в вашем мире...

– От Бримстоуна.

Она кивнула.

– Ты в курсе, что он колдун?

– Я... Э-э-э. Да.

Она никогда не думала о Бримстоуне как о колдуне. Неужели он не только изготавливал монеты желаний? Что она знала о нем? И сколько всего не знала? словно находилась в полной тьме, которая могла оказаться и крохотным чуланом, и безбрежной ночной ширью.

Калейдоскоп образов завертелся в голове. Искрящееся волшебство на пороге лавки. Множество зубов и самоцветов, каменные столы в подземном храме, на которых лежали мертвецы... что оказались живыми, – это Кэроу довелось испытать на себе. Она вспомнила, как Исса просила не усложнять Бримстоуну «безрадостную» жизнь, которая заключалась в «неутомимой» работе. Что это за работа?

Она взяла первый попавшийся альбом, быстро пролистала, на рисунках замелькали химеры.

– Что это за магия? – спросила она Акиву. – Черная магия?

Не дождавшись ответа, она подумала, что Акива вновь уснул, однако, подняв на него взгляд, обнаружила, что он смотрит на рисунки. Она захлопнула альбом, и он перевел глаза на нее. И вновь принялся внимательно ее разглядывать.

– Что? – смущенно спросила она.

– Кэроу, – произнес он. – *Надежда*.

Она подняла брови, будто спрашивая: ну и что?

– Почему тебе дали это имя?

Она пожала плечами. Полная неосведомленность уже начинала утомлять.

– А почему тебя родители называли Акивой?

При упоминании родителей лицо Акивы застыло, чуткую настороженность взгляда сменило равнодушие.

– Это сделал секретарь. Просто выбрал имя из списка – другого Акиву убили в бою, и имя освободилось.

– О, – только и смогла произнести Кэроу. Она хотя бы росла в тепле и

любви.

– Из меня воспитывали воина, – мрачно откликнулся он и снова закрыл глаза, на этот раз зажмурившись крепко, словно от боли. Долго молчал, а когда заговорил, то сказал гораздо больше, чем она ожидала.

– Меня забрали от матери в пять лет. Лица ее я не помню. Помню только, что она не бросилась на защиту, когда за мной пришли. Первое воспоминание детства. Я был такой маленький, что видел только ноги окруживших меня солдат из дворцовой стражи. В серебряных щитках на их ногах отражалось мое перекошенное от ужаса лицо. Так я оказался в учебном лагере среди множества таких же испуганных детей. – Он сглотнул. – Там наказывали за страх и учили его скрывать. Этим я и занимался до тех пор, пока не перестал испытывать страх, а с ним и все остальные чувства.

Кэроу не смогла удержаться, чтобы не представить его ребенком, напуганным и преданным матерью. От жалости на глаза навернулись слезы.

Тихим голосом он произнес:

– Война – вот единственная причина моего существования. Она началась тысячу лет назад с расправы над моим народом, расправы, в которой не щадили ни детей, ни стариков. В Астрэ, столице Империи, химеры восстали против серафимов. Мы враги, потому что химеры – монстры. В моей жизни было много крови, потому что мой мир населяют чудовища.

– А потом я пришел сюда и увидел, как люди... – продолжал он, и в его тоне появилась нотка восхищения, – безоружные люди свободно гуляют по улицам, собираются вместе под открытым небом, ходят на рынки, смеются, растят детей. И я встретил девушку... черноглазую девушку с переливающимися как самоцветы волосами и печалью в глазах. И все же, как глубока ни была печаль, в любое мгновение лицо ее могло преобразиться и засиять радостью. Впервые увидев ее улыбку, я задался вопросом: что нужно сделать, чтобы заставить ее улыбнуться? И подумал... подумал, что тогда мне откроется секрет улыбки. Она была связана с врагом. И хотя мне хотелось лишь взглянуть на нее, я сделал то, чему меня учили, – ранил ее. Вернувшись домой, я думал о тебе и радовался, что ты сумела постоять за себя. Что не дала мне убить тебя.

Ты. От Кэроу не ускользнуло, что теперь он обращается к ней. Она сидела, не моргая, чуть дыша.

– Я вернулся, чтобы найти тебя. Зачем – не знаю. Кэроу, Кэроу. Я не знаю... – Голос стал таким тихим, что она едва могла различить слова. –

Чтобы найти тебя и быть в одном мире с тобой...

Больше он ничего не сказал, а затем... в окружающем его пространстве что-то произошло...

Появилась мерцающая аура, которая становилась все ярче, и вдруг возникли крылья. Они распахнулись и вздыбились над креслом, снизу они касались ковра и рассыпали причудливые искры. Кэроу в изумлении открыла рот. Однако пламя не разрасталось и не давало дыма. Едва уловимые колыхания огненных перьев зачаровывали, и Кэроу, набрав полную грудь воздуха, долго рассматривала их, а лицо Акивы тем временем расслабилось – он погрузился в глубокий сон.

Кэроу встала и взяла стакан из его рук. Выключила свет – крылья освещали комнату так ярко, что можно было даже рисовать. Она достала альбом и карандаш и нарисовала спящего Акиву в окружении гигантских крыльев, а затем – по памяти – его глаза. Она старалась как можно точнее передать их форму; углем вывела черный контур, который делал их такими необычными, и не смогла оставить бесцветными огненные радужки: достала коробку с акварелью и принялась раскрашивать. Она долго рисовала, а он сидел неподвижно, лишь мягко вздымалась грудь, да подрагивали крылья, озарявшие комнату ярким светом.

Кэроу не собиралась спать, однако через некоторое время после полуночи прилегла на все еще не разобранный ворох альбомов, на минутку, чтобы дать отдых глазам. Она забылась сном, а когда проснулась перед самым рассветом – ее разбудил какой-то резкий звук, – комната на мгновение показалась совершенно незнакомой. Она узнала лишь крылья на стене и с облегчением вздохнула. Потом облегчение улетучилось, и с ним улетучился сон. Конечно, она у себя дома, на своей кровати. А разбудил ее Акива.

Он стоял над ней: широко распахнутые глаза словно расплавлены огнем, в каждой руке – по ножу-полумесяцу.

31. Совершенство

Он неожиданности Кэроу подскочила, альбомы съехали с кровати на пол. Она все еще держала карандаш, и в голове мелькнула мысль: чуть дело касается ангела, в руках оказывается какое-то нелепое оружие. Едва она покрепче сжала его и приготовилась нанести удар, Акива опустил ножи, отошел и положил их на место – в футляр на столике. Когда он проснулся, они оказались практически у него перед носом.

– Прости, – сказал он, – не хотел тебя напугать.

В это самое мгновение его образ в мерцании света от крыльев показался таким... правильным, таким *совершенным*. Это чувство полностью завладело Кэроу, оно было ласковым, как упавший на блестящий пол солнечный лучик, и ей захотелось уютно свернуться в клубочек в его свете.

Она постаралась сделать вид, что и не думала использовать карандаш как оружие.

– Знаешь, – сказала она, потянувшись и выронив карандаш, – я не в курсе твоих привычек, но у нас не принято нависать с ножами в руках над спящими людьми, если не хочешь их напугать.

Мелькнула улыбка? Нет. Лишь дернулись уголки сурового рта.

Перед ней лежал раскрытый альбом – свидетельство ночных занятий рисованием. Она быстро захлопнула его, хотя Акива, конечно, успел посмотреть, пока она спала.

Как она могла заснуть в присутствии незнакомца? Как решилась привести его к себе домой?

Но почему-то он не казался ей незнакомцем.

– Они необычные, – заметил Акива, указывая на футляр с ножами.

– Недавно купила. Красивые, правда?

– Красивые, – согласился он, но, говоря о ножах, он пристально смотрел на нее.

Кэроу покраснела, внезапно осознав, в каком она сейчас виде – волосы растрепаны, а изо рта ночью, наверно, текли слюни, – и вдруг разозлилась. Какая разница, как она выглядит? Что вообще здесь происходит? Она встряхнулась, встала с кровати, пытаясь найти в крошечной комнате место, куда не доставала его светящаяся аура. Это оказалось невозможным.

– Сейчас приду, – сказала Кэроу и вышла в переднюю, а оттуда – в ванную.

Оставшись в одиночестве, она вдруг испытала острый приступ страха оттого, что больше не увидит его. Справляя малую нужду, она задумалась, присущи ли серафимам такие приземленные потребности, – хотя, судя по черноте подбородка, в бритве Акива явно нуждался. Затем умылась и почистила зубы. Пока она расчесывала волосы, с каждой секундой ее все больше охватывало беспокойство – вдруг, вернувшись, она обнаружит лишь пустую комнату, открытую балконную дверь и бескрайнее небо – и ни единого намека, в какую сторону он улетел.

Однако он не исчез. Крылья вновь пропали, мечи были водружены на место и казались безобидными в кожаных ножнах с декоративным орнаментом.

– Гм! Ванная там, если тебе нужно... э-э-э...

Он кивнул, прошел мимо нее, неуклюже втиснулся в ванную, пытаясь уместить невидимые крылья в крохотном пространстве, и закрыл дверь.

Кэроу торопливо переоделась и подошла к окну. Еще не рассвело. Часы показывали пять. Она умирала с голоду, а давешние поиски пищи показали, что в кухне не завалялось ничего съедобного.

– Есть хочешь? – спросила она, когда Акива вернулся в комнату.

– Просто умираю.

– Тогда идем за мной.

Она подхватила пальто, ключи и принялась было открывать дверь, но остановилась и пошла в противоположную сторону. Выйдя на балкон, она встала на перила, оглянулась на Акиву и шагнула.

Шесть этажей вниз – и она приземлилась легко, словно играла в «классики». Акива стоял рядом, с серьезным видом – как и всегда. Не получалось даже представить себе улыбку на его мрачном лице. Однако, когда он смотрел на нее, в его взгляде мелькало нечто... Вот оно... едва уловимое. Может, восхищение? Она вспомнила, что он говорил ей ночью, и сейчас, видя проблески чувства на этом суровом лице, ощутила, как сжалось сердце. Что за жизнь он вел, попав в столь юном возрасте на войну? *Война*. Для Кэроу это было абстрактным понятием. Ей не удавалось осмыслить его – даже приблизиться к осмыслению, – но прежний, мертвый взгляд Акивы, по сравнению с тем, какими глазами он смотрел на нее теперь, заставлял думать, что он вернулся к жизни из-за нее. Это было потрясающее чувство, очень глубокое. Когда в следующий раз их глаза встретились, ей пришлось отвернуться.

Булочная за углом еще не открылась, но пекарь продал им через окно две горячих – с пылу с жару – медово-лавандовых буханки, и Кэроу сделала то, что сделал бы любой человек, умеющий летать и оказавшийся на

рассвете на улицах Праги с горячим хлебом в руках.

Махнув Акиве рукой, она устремилась в небо, полетела над рекой, чтобы встретить восход солнца на холодном куполе звонницы.

Акива летел позади нее, наблюдая за развевающимися длинными прядями, яркость которых приглушили рассветные краски. Кэроу ошибалась, решив, что он не удивился ее умению летать. За долгие годы он научился подавлять любые чувства, любые реакции. Или думал, что научился. В присутствии этой девушки ничего нельзя было сказать наверняка.

Изящными движениями она рассекала воздух. Это было волшебство – не скрытые крылья, а просто жажда летать. Желание, как предположил Акива, исполненное Бримстоуном. Бримстоун. Мысль о колдуне, черная на фоне сверкающей белизны Кэроу, стала ложкой дегтя.

Как могло нечто такое легкое и светлое, как грациозный полет Кэроу, родиться от нечистой магии Бримстоуна?

Они летели высоко над рекой, потом повернули в сторону замка и спланировали вниз, к собору – готическому монстру, резному, обветренному, как измученный многолетними штормами утес. Кэроу опустилась на купол звонницы. Удобно расположиться не удалось. Дул ветер, злой и холодный, и Кэроу пришлось придерживать руками волосы, чтобы они не закрывали лицо. Она достала карандаш (тот самый, которым целилась в Акиву?), собрала волосы в узел на затылке и заколола – инструмент на все случаи жизни. Несколько синих прядок выбились и заплясали по бровям, по губам, улыбающимся в наивном, детском восторге.

– Мы на соборе, – сказала она.

Он кивнул.

– Ты не понял. Мы на соборе, – повторила она.

Он подумал, что, наверное, не улавливает чего-то важного, какого-то нюанса, но потом до него дошло: она была потрясена. Потрясена тем, что сидит на вершине собора, высоко на холме, перед ней как на ладони распростерся огромный город. Она прижала к груди теплый хлеб и не отрывала взгляда от города, на лице было написано благоговение. Акива не мог вспомнить, испытывал ли он чувство такой силы, когда впервые полетел. Похоже, нет. Его собственные первые полеты не имели отношения ни к благоговению, ни к удовольствию, – только к дисциплине. Однако ему хотелось разделить с ней мгновение, которое заставило ее лицо так сиять, и он подвинулся ближе и посмотрел на город.

Вид действительно открывался замечательный: на горизонте небо

занималось бледным светом, башни купались в мягком сиянии, сумеречный утренний город переплетали прожекторные лучи.

– Ты была здесь раньше?

Она повернулась к нему.

– О, разумеется. Я всех парней вожу сюда.

– А если они не оправдывают ожиданий, – продолжил он, – их всегда можно столкнуть вниз.

Лучше бы он промолчал. Шутка не удалась – слишком давно он не обменивался остротами. Лицо Кэроу помрачнело. Она явно вспомнила об Изиле.

– Дело в том, – выдержав паузу, произнесла девушка, – что желание летать исполнилось всего лишь несколько дней назад. У меня пока не было возможности насладиться полетом.

Он удивился снова – на этот раз, судя по всему, заметно, потому что Кэроу спросила:

– Что?

Он покачал головой.

– Ты так уверенно летела и не моргнув глазом шагнула с балкона, словно полет – часть тебя.

– Знаешь, а вдруг магия перестанет действовать? Например, в наказание за хвастовство. Хоп! – Она беззаботно рассмеялась и добавила: – Осторожнее нужно быть.

– Разве такое возможно? – спросил он.

Она пожала плечами.

– Не знаю. Вряд ли. Цвет волос у меня остался прежним.

– Это тоже желание? Бримстоун разрешает тратить волшебство на... такое?

Она искоса посмотрела на него, сконфуженно и одновременно вызывающе.

– Ну, он, конечно, не особо обрадовался. Он вообще не позволял мне загадывать настоящие желания. Так, баловство одно. Ой! – Неожиданная мысль пришла ей в голову.

– Что?

– Прошлой ночью я дала обещание и совсем о нем позабыла.

Порывшись в кармане пальто, она извлекла монетку, на которой Акива успел разглядеть изображение Бримстоуна. Она сжала ладонь в кулак, а когда открыла, монетка исчезла.

– Оп-ля!

– Что ты загадала?

– Так, глупости. Чтобы одна девушка – там, внизу, – проснулась сегодня счастливая. Не то чтобы она этого заслуживала, нахалка. – Она по-детски капризно показала язык в сторону города, а затем протянула Акиве один из свертков с хлебом. – Держи. Теперь не умрешь.

Он заметил, что она дрожит, и раскрыл невидимые крылья. Ветер, дуя сквозь них, нагревался, и это помогло. Она свесила ноги через край и болтала ими в воздухе, ела, отламывая кусочек за кусочком от буханки. Он присел рядом.

– Как чувствуешь себя? – спросила она.

– Смотри что ты имеешь в виду, – ответил он, словно подхватив ее капризное настроение.

– О чем ты?

– Тебя волнует мое здоровье? Или ты хочешь, чтобы я остался слабым и беспомощным?

– О, точно! Хочу, чтобы ты остался слабым и беспомощным.

– В таком случае, я чувствую себя ужасно.

– Отлично, – ответила она довольно серьезно.

Акива понял: она думает о том, как бы не направить ненароком на него свои хамсы. Он был тронут – так же, как когда, проснувшись, обнаружил ее спящей. Она лежала такая прелестная и беззащитная – ее доверия, как и доверия Мадригал, он совершенно не заслуживал.

– Мне лучше, – мягко сказал он. – Спасибо.

– Не благодари. Я причинила тебе боль.

Его охватило чувство стыда.

– Не такую, как я тебе.

– Нет, – согласилась Кэроу, – не такую.

Яростно дул ветер. Мятежным порывом он растрепал ей волосы – в одно мгновение они были повсюду, словно стайка духов воздуха пыталась унести их, чтобы отделать свои гнезда синим шелком. Карандаш покатился к краю крыши и улетел вниз, так что Кэроу пришлось удерживать волосы двумя руками.

Акива ждал, когда она решит спуститься, но Кэроу молча наблюдала за рассветом: появившееся из-за холмов солнце загоняло в тень густые остатки ночи – они собирались в укромных уголках вне досягаемости утренних лучей.

Немного погодя она сказала:

– Вчера ты говорил, что самое первое твоё воспоминание – солдаты, которые пришли за тобой...

– Я говорил тебе такое? – поразился он.

– Разве ты не помнишь? – Она повернулась к нему, шоколадного цвета брови удивленно поползли вверх.

Он встряхнулся, пытаясь мысленно вернуться во вчерашний день. Боль от дьявольских отметин затмила память, но ему и в голову не могло прийти, что он рассказывал о детстве и из всех дней выбрал именно этот. Ему показалось, что он вытянул несчастного маленького мальчика из прошлого – словно в минуту слабости вновь стал этим мальчиком.

– Что еще я говорил?

Кэроу вскинула голову. Это движение – мимолетный наклон головы – спасло ее в Марракеше, и вновь сердце Акивы учащенно забилося.

– Ничего особенного, – ответила она после небольшой паузы. – Потом ты заснул.

Она явно лгала. Что еще он рассказал вчерашней ночью?

– И все-таки, – продолжала Кэроу, глядя ему в глаза, – ты заставил меня задуматься о собственном первом воспоминании.

Опершись руками о крышу, она встала на ноги, и ветер вновь принялся трепать ее волосы.

– И что это за воспоминание?

– Бримстоун. – Ее дыхание слегка сбилось, на губах заиграла нежная и бесконечно печальная улыбка. – Это Бримстоун. Я сижу на полу позади него и играю с пушистым кончиком его хвоста.

Играет с кончиком хвоста? Это никак не вязалось с представлением Акивы о колдуне, которое терзало душу, жгло каленым железом.

– Бримстоун, – с горечью повторил он. – Он хорошо к тебе относился?

Бурлящий поток синих волос, страсть в глазах. Ответ Кэроу был резок.

– Всегда! По-твоему, тебе известно все о химерах? Ты не знаешь Бримстоуна!

– А может, Кэроу, – растягивая слова, произнес он, – ты сама его по-настоящему не знаешь?

– Что? – вскинулась она. – Чего именно я не знаю?

– Возьмем, к примеру, магию, – продолжал Акива. – Монеты желаний, которые он давал тебе. Ты в курсе, откуда они берутся?

– Откуда?

– Они не даются даром, Кэроу. У магии есть цена. За каждое желание заплачено болью.

32. Рядом с ним

Боль.

Кэроу стало плохо. Она вспомнила о каждом исполненном пустяковом желании. Почему Бримстоун никогда ей об этом не рассказывал? Знай она правду, поняла бы, почему он бросал на нее сердитые взгляды. И никогда не стала бы загадывать желания.

– Чтобы что-то взять у вселенной, нужно что-то отдать взамен, – сказал Акива.

– Но почему... боль? Разве нельзя отдать что-то другое? Например... радость?

– Здесь важно равновесие. Если ты отдаешь нечто, с чем легко расстаться, теряется весь смысл.

– По-твоему, заплатить радостью легче, чем болью? Что, к примеру, ты испытывал чаще?

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Дельное замечание. Только этот закон придумал не я.

– Кто же?

– Мой народ верит, что это сделали божественные звезды. А у химер каждое племя имеет свою версию.

– Так... а откуда берется боль? – тревожно спросила Кэроу. – Это собственная боль Бримстоуна?

– Нет, Кэроу. Это не его боль. – Отвечая, Акива отчетливо произнес каждое слово, и следующий вопрос повис в воздухе: если это не его боль, тогда чья?

Ей стало дурно. Перед глазами возникла картина: лежащие на столах тела. Нет! Это, должно быть, нечто совсем другое. Она знала Бримстоуна, разве нет? Да, она могла не знать о нем всего. Но ведь она доверяла именно ему, а не этому ангелу.

Сглотнув застрявший в горле ком, она прошептала:

– Я тебе не верю.

– Кэроу, что за поручения ты выполняла для него? – мягко спросил он.

Кэроу собралась было ответить, но не успела: подступила медленная волна понимания. Зубы – одна из самых главных тайн в ее жизни. Трупы, щипцы, смерть. Русские девочки с окровавленными ртами. Она всегда считала, что Бримстоун закупал контрабандный товар для какого-то крайне важного дела, и боль – лишь печальное и отвратительное следствие. А что,

если все это затевалось исключительно для того, чтобы причинить кому-то боль? Что, если таким путем Бримстоун платил за свое могущество, за желания, за все?

– Нет, – сказала она и тряхнула головой, однако уверенность ее пошатнулась.

Немного погодя, когда она снова шагнула с купола собора в воздух, полет больше не доставлял удовольствия. «Чьей болью, – думала она, – за это заплачено?»

От замка по длинной извилистой Нерудовой улице они пришли в чайную. Акива продолжил рассказ о своем мире. Империя и цивилизация, восстания и кровавые битвы, оставленные и завоеванные города, сожженные земли, разрушенные стены, осажденные крепости, в которых первыми умирали от голода дети, хотя родители отдавали им всю еду.

Он рассказывал о массовых убийствах и терроре в стране угасающей красоты. О том, как древние леса пускали на корабли и осадные орудия. Или сжигали, чтобы из них нельзя было построить ни то, ни другое.

Об огромных разграбленных городах, братских могилах, предательствах.

О постоянно прибывающих армиях чудовищ – неистощимых, несокрушимых.

Были и другие события – эпические и грозные, – он не говорил о них, а лишь слегка касался, словно боясь потревожить рану, причинить боль.

Кэроу слушала с широко раскрытыми глазами, ужасаясь зверствам и жалея, что за семнадцать лет Бримстоун так и не счел нужным рассказать ей о том, что происходит «кое-где».

– Как называется твой мир? – неожиданно спросила она.

– Эрец, – ответил Акива, и брови Кэроу поползли вверх.

– На иврите это значит «земля», – сказала она. – Почему наши миры называются одинаково?

– Раньше маги считали, что миры наслаиваются друг на друга, как горные породы. Или как годичные кольца у деревьев.

– Да? – Кэроу вскинула бровь. – Что за маги?

– Серафимские колдуны.

– Ты сказал «раньше». Что они думают сейчас?

– Ничего. Химеры их истребили.

– О.

Кэроу сжала губы. Что тут скажешь? Она задумалась о мирах.

– Может, мы просто позаимствовали у вас слово «Эрец», когда придумывали религии с оглядкой на вас? – Как раз это Бримстоун и

называл «лоскутным одеялом из сказок, которое люди составляли из обрывочных знаний». – Красота – добро, рога и чешуя – зло. Все просто.

– И в данном случае, правильно.

Официантка за стойкой таращила на них глаза. Кэроу хотела ее спросить, что не так, но не стала.

– Значит, в двух словах, – обратилась она к Акиве, пытаясь собрать воедино все, о чем он ей поведал, – серафимы хотят править миром, а химеры не желают терпеть над собой господства, поэтому они – зло.

У Акивы заиграли желваки – упрощение ему явно не понравилось.

– Они были никем – варвары, живущие в грязных деревнях. Мы им дали свет, научили писать, строить...

– И, разумеется, ничего не взяли взамен.

– Ничего непомерного.

– Угу. – Кэроу пожалела, что плохо усвоила в школе уроки мировой истории – сейчас ей было бы намного проще сделать выводы. – Стало быть, тысячу лет назад химеры ни с того ни с сего взбунтовались, перебили хозяев и снова стали управлять своими землями?

– Земля никогда не принадлежала им, – запротестовал он. – У них были небольшие фермерские хозяйства, каменные лачуги. В основном в деревнях. Города выстроила Империя, и не только города. Виадук, порты, дороги...

– Но для них те места – начало начал. Там они рождались и умирали, влюблялись, растили детей, хоронили родителей. Представь, что на этой земле не построили города. Оставалась бы она их землей? Ведь если придерживаться правила, что твоим является только то, что ты можешь защитить, то любой имеет право попробовать отобрать у других все, что вздумается. Вряд ли это называется цивилизацией.

– Ты не понимаешь.

– Да, я не понимаю.

Акива сделал глубокий вдох.

– Мы создали мир, из лучших побуждений. Мы жили с ними бок о бок...

– Как равные? – спросила Кэроу. – Ты называешь их чудовищами, поэтому я спрашиваю.

Он ответил не сразу.

– Скольких из них ты видела, Кэроу? Четверых, кажется, и ни один из них не был воином? Если у тебя на глазах твоих братьев и сестер поднимал на рога минотавр, терзали полульвы-полусобаки, рвали на куски драконы... – Он остановился, во взгляде читалась мучительная боль. –

Если тебя пытали и заставляли наблюдать за насилием... над любимыми... тогда ты имеешь право рассуждать, что такое чудовище.

Над любимыми? Он явно имел в виду не братьев и сестер. Кэроу почувствовала укол... Разумеется, это не ревность! Какая разница, кого он любит или любил? Она сглотнула. Ей нечего было возразить. И все же – пусть она и находилась в полном неведении – верить ему она тоже не обязана.

– Послушать бы, что скажет на это Бримстоун, – тихо произнесла она. И тут в голову пришла великолепная мысль: – Ведь ты можешь отвести меня к нему!

Он в изумлении заморгал, а потом покачал головой:

– Нет. Людям там не место.

– А ангелам здесь место?

– Не сравнивай. Здесь безопасно.

– Неужели? Расскажи моим шрамам, как тут безопасно.

Она отодвинула воротник блузки и показала сморщенный рубец поперек ключицы. Отталкивающий вид шрама – дела его собственных рук – заставил Акиву содрогнуться.

– Кроме того, – продолжала Кэроу, – есть кое-что поважнее безопасности. Например... *любимые*.

Она почувствовала, что это слово – его же собственное – глубоко его взволновало.

– Любимые, – повторил он.

– Я говорила Бримстоуну, что не покину его, и я сдержу слово. Чего бы мне это ни стоило, даже без твоей помощи.

– Как ты собираешься сделать это?

– Есть способы, – уклончиво ответила она. – Но было бы проще, если бы ты взял меня с собой.

Действительно, проще. Акива был куда более предпочтительным попутчиком, чем Разгут.

Однако он сказал:

– Я не могу. Портал охраняется. Тебя тут же убьют.

– Похоже, вы, серафимы, только этим и занимаетесь.

– Монстры сделали нас такими.

– Монстры... – Кэроу вспомнила смеющиеся Иссины глаза, хлопотунью Ясри... Она и сама порой называла их монстрами, но только в шутку, так же, как называла бешеной Зузану. Из уст Акивы, однако, это слово прозвучало отвратительно. – Чудовища, дьяволы, монстры. Если бы ты был знаком с моими химерами, ты бы так о них не говорил.

Он опустил глаза и ничего не ответил, нить разговора затерялась в неловкой тишине. Кэроу обхватила ладонями большую керамическую чашку – чтобы согреть руки после прогулки по крыше собора, а заодно чтобы ненароком не направить причиняющую боль магию на Акиву. Он сидел напротив точно в такой же позе – обхватив свою чашку, и она не могла не заметить его татуировки – множество черных полос на пальцах.

Каждая полоска была слегка выпуклой, как рубец, и Кэроу подумала, что в отличие от ее татуировок эти пометки сделаны путем примитивной процедуры – с помощью надрезов и сажи. Чем дольше она смотрела на них, тем сильнее проявлялось странное ощущение чего-то знакомого или почти знакомого. Она словно лавировала на самом краю осмысления, металась между знанием и незнанием. Это нечто было неуловимым, как крылья пчелы в полете.

Акива заметил ее взгляд и почувствовал себя неловко. Он дернулся и закрыл одну ладонь другой.

– У них тоже есть магические свойства? – спросила Кэроу.

– Нет, – ответил он, как ей показалось, немного резко.

– Что тогда они означают?

Он промолчал. Кэроу протянула руку и провела по татуировкам кончиком пальца. Они были нанесены пятерками: каждые четыре линии по диагонали перечеркивала пятая.

– Это счет, – ответила она сама себе, скользя от одной пятерки к другой на указательном пальце, – пять, десять, пятнадцать, двадцать.

При каждом прикосновении словно вспыхивала искра, неудержимо хотелось переплести свои пальцы с его, и даже – боже, что с ней такое? – поднести его руку к губам и поцеловать метки...

А затем внезапно, неизвестно откуда, пришло прозрение. Кэроу поняла, что за счет велся при помощи отметин, и отдернула руку. Она неотрывно смотрела на него, а он сидел молча, готовый согласиться с любым ее приговором.

– Это убийства, – тихо сказала она. – Убитые химеры.

Он не отрицал. Не собирался защищаться – так же, как и в тот раз, когда она напала на него. Его руки лежали неподвижно, и она поняла, что он борется с желанием спрятать их.

Ее трясло от вида этих отметин – двадцать штук только на одном указательном пальце.

– Так много, – сказала она. – Скольких же ты убил!

– Я воин.

Кэроу представила своих химер мертвыми и в испуге прикрыла рот

рукой. В его рассказе война представлялась чем-то далеким. Но реальный Акива сидел прямо напротив нее, и тот факт, что он – убийца, теперь тоже стал реальным. Как и разбросанные по столу Бримстоуна зубы, эти отметины означали кровь, смерть – только не волков и тигров, а смерть химер.

Она смотрела на него не отводя глаз и... кое-что увидела. Мгновение раскололось, словно яичная скорлупа, и обнажило другое мгновение, почти неразличимое – почти, – а затем прошло. Акива остался таким, каким был, и ничего не изменилось, но этот проблеск...

Кэроу услышала собственный глухой голос, который, должно быть, исходил из яичной скорлупы.

– Теперь их у тебя больше.

– Что? – Акива смотрел на нее растерянным взглядом, а затем – словно вспышка молнии – пришло понимание.

Широко раскрыв сверкающие огнем глаза, он резко наклонился вперед и опрокинул чай.

– Что? – повторил он, на этот раз громче.

Кэроу отпрянула. Акива схватил ее за руку.

– О чем ты? Чего у меня теперь больше?

Она тряхнула головой. Отметины – вот что она имела в виду. В то расколовшееся на две части мгновение ей кое-что открылось. Перед ней сидел реальный Акива, а затем внезапно она увидела невероятное: Акива улыбался. Не мрачной ухмылкой, а лучистой от изумления улыбкой, до того прекрасной, что защемило сердце. Из уголков глаз бежали веселые морщинки. Он абсолютно изменился. Если и без улыбки он был прекрасен, то с ней – просто восхитителен.

Но Кэроу могла поклясться, что он *не* улыбался.

И что у того Акивы, который существовал лишь мгновение, было меньше отметин, а на некоторых пальцах – совсем не было.

Ее ладонь все еще оставалась в его руке, лежащей в луже разлитого чая. Подошедшая официантка стояла в нерешительности. Кэроу высвободила руку, откинулась назад, и официантка принялась вытирать стол, бросая на них взгляды. Закончив, она робко произнесла:

– Мне просто интересно... как вы сделали это?

Кэроу недоуменно посмотрела на нее. Девушка была одного с ней возраста, щекастая и румяная.

– Вчера вечером, – пояснила она. – Вы летали.

Ах, это.

– Вы там были? – спросила Кэроу, удивленная странным совпадением.

– Если бы, – ответила девушка. – Я смотрела по телевизору. Сегодня все утро в новостях передают.

«Ничего себе», – подумала Кэроу. Рука потянулась к телефону, который весь последний час то пиликал, то отрывисто фыркал, и включила экран. Куча пропущенных звонков и сообщений, в основном от Зузаны и Каза. Черт!

– У вас были тросы? – спросила официантка. – Их вроде не обнаружили.

– Никаких тросов. – Кэроу одарила ее своей фирменной ухмылкой. – Мы взаправду летали.

Девушка улыбнулась в ответ, решив, что ее разыгрывают.

– Не хотите говорить, и не надо, – сказала она притворно сердитым тоном и оставила их в покое, не забыв, однако, принести Акиве еще чаю.

Он все еще сидел, откинувшись на спинку стула, и внимательно изучал ее глазами-молниями.

– Что? – спросила она, ощутив неловкость. – Почему ты так на меня смотришь?

Он провел пальцами сквозь густые, коротко стриженные волосы, на мгновение задержав ладонь на лбу, и смущенно ответил:

– Не могу не смотреть.

Кэроу ощутила прилив радости. Этим утром суровость исчезла с его лица. Губы слегка раскрылись, взгляд стал не таким подозрительным, да к тому же она увидела – или вообразила? – мелькнувшую улыбку. Нетрудно было представить, как он улыбается по-настоящему.

Возможно, для нее.

«О боже! Будь кошкой, – напредила она себе. – Кошкой, которая не даст себя погладить и никогда – *ни за что* – не заурчит».

Она вкратце рассказала ему, что узнала от официантки, но не была уверена, понял ли он хоть что-нибудь. Имел ли он представление о телевидении, не говоря уже об Интернете. Или о телефонах, если уж на то пошло.

– Подожди минутку, – сказала она и набрала номер Зузаны, которая ответила после первого же гудка.

– Кэроу! – взорвался ее голос в трубке.

– Это я...

– О господи! С тобой все в порядке? Я видела тебя в новостях. И его тоже! Ну и дела, Кэроу! Ты хоть поняла, что умеешь летать?

– Да, знаю, знаю. Клево, правда?

– Это не клево! Это ужасно! Я думала, ты погибла.

Зузана была на грани истерики, и несколько минут Кэроу успокаивала ее, не отводя взгляда от Акивы и стараясь сохранять кошачью надменность.

– С тобой правда все в порядке? – спросила Зузана. – Он тебе часом нож к горлу не приставил?

Кэроу быстро пересказала Зузане события прошлой ночи, не забыв упомянуть, что он не хотел причинить ей боль, и закончив фразой: «Мы... э-э-э... встречали рассвет на крыше собора».

– Какого черта? Это что, свидание?

– Нет, не свидание. Честно говоря, не знаю, что это было. Понятия не имею, что он делает здесь.

Она взглянула на него, и голос ее дрогнул. Нет, ее смутила не улыбка и не метки на руках. Непонятно откуда, но она знала, что на правом плече у него множество рубцов. Наверное, заметила, как он осторожничает с ними... Однако откуда ей известно, как они выглядят?

И какие они *на ощупь*?

– Кэроу? Алло, Кэроу!

Кэроу зажмурила глаза и откашлялась. Ее собственное имя пролетело мимо, никак не связанное с ней. По тому, как разволновалась Зузана, она поняла, что выключилась из разговора.

– Я здесь.

– Где? Я спрашиваю: где ты?

Кэроу насилу вспомнила:

– М-м-м... В чайной на Нерудовой.

– Оставайся там. Я иду к тебе.

– Не надо...

– Я иду!

– Зузи!

– Кэроу! Не заставляй меня прибегнуть к моим кулачкам!

– Ладно, – смиростивилась Кэроу. – Давай!

Зузана снимала жилье неподалеку, в Градчанах^[8], у тетки-вдовы.

– Буду через десять минут.

– Если б ты могла летать, явилась бы куда быстрее, – не удержалась Кэроу.

– Офигеть! Только попробуй смыться! И его не отпускай. Я вам покажу!

– Думаю, он никуда не уйдет, – сказала Кэроу, пристально глядя в глаза Акиве, и понимала – он действительно не уйдет, но не понимала почему.

Он – не человек. И даже не из ее мира. Он – солдат, ведущий счет жертвам, и враг ее семьи. И все же что-то связывало их, что-то, по силе

превосходящее все эти доводы и дарящее ей чувство такой внутренней гармонии, что любые попытки сопротивляться вели к разладу с собственным «я».

Всю жизнь ее постоянно дразнила иллюзия чего-то недостижимого, но теперь все было иначе. Здесь, в присутствии Акивы, даже когда они говорили о войне и нескончаемой вражде, она чувствовала, как ее обволакивает его тепло. Вопреки всем разумным доводам, она была уверена, что ее место – рядом с ним.

33. Нелепость

– Сейчас сюда явится моя буйная подруга, – барабанила пальцами по столу, сказала Кэроу.

– Которая была на мосту?

Вопрос напомнил о том, как вчера Акива ходил за ней следом. Наверное, видел Зузанино представление.

Кэроу кивнула.

– Она знает о существовании твоего мира. И в курсе, что ты пытался меня убить, так что...

– Мне следует бояться? – спросил Акива, и Кэроу показалось, что он говорит серьезно. Однако это была очередная попытка пошутить с невозмутимым видом, как давеча на крыше собора, когда он удивил ее предложением сталкивать вниз неудавшихся кавалеров.

– Еще как, – ответила она. – Перед ней все дрожат от страха. Сейчас увидишь.

Кэроу сидела, прижав ладони к пустой чашке, – не столько из боязни направить на Акиву их магическую силу, сколько для того, чтобы устоять перед соблазном прикоснуться к его рукам. Вид смертельных меток отталкивал. Но одновременно с отвращением она чувствовала... притяжение.

Она догадывалась, что он тоже борется с желанием протянуть к ней руки. Он не сводил с нее глаз, она то и дело заливалась краской, разговор еле теплился, когда дверь распахнулась.

В чайную ворвалась разъяренная Зузана, протопала напрямик к столу и уставилась на Акиву, готовая разразиться бранью. Но осеклась. На ее лице злость боролась с благоговейным трепетом, и последний победил. Она бросила косой взгляд на Кэроу и выдала в изумлении:

– Ух ты! Спаривайтесь! Немедленно!

Это было так неожиданно, что Кэроу расхохоталась. Откинувшись на спинку стула, она дала волю смеху – чудесному, залиvistому, – который снова изменил невозмутимое выражение лица Акивы. Тот изучал ее с таким вниманием, что она вздрогнула.

– Нет, правда, – сказала Зузана. – Прямо сейчас. Найти лучший генетический материал – вот что важно для продолжения рода, правильно? А это, – она сделала картинный жест рукой в сторону Акивы, – это лучший генетический материал, который я когда-либо видела.

Она придвинула стул, уселась рядом с Кэроу, и обе они – ни дать ни взять посетительницы художественной галереи – принялись в упор разглядывать серафима.

– Фиала возьмет свои слова обратно. Ты просто обязана привести его на урок рисования с натуры.

– Точно, – улыбнулась Кэроу. – Уверена, он будет счастлив раздеться перед толпой людей.

– Разоблачиться, – поправила Зузана, приняв официальный вид. – Во имя искусства.

– Ты собираешься нас познакомить? – спросил Акива. Химерский язык, на котором они разговаривали до появления Зузаны, прозвучал неуместно, как отголосок другого мира.

Кэроу кивнула, подавив смех.

– Прости, – сказала она и быстро представила их друг другу. – Мне, разумеется, придется переводить, если вы захотите пообщаться.

– Спроси, он влюблен в тебя? – немедленно потребовала Зузана.

Едва не поперхнувшись, Кэроу всем корпусом повернулась к Зузане и уставилась ей в лицо, но не успела сказать и слова, как та подняла руку.

– Знаю, знаю. Конечно, ты не спросишь. Да этого и не требуется, все и так ясно. Посмотри на него!

Он же сейчас сожжет тебя своими оранжевыми глазищами.

Действительно, пришлось это признать. Но *любовь!* Нелепость...

Она так и сказала.

– Знаешь, что тут нелепо? – не сдавалась Зузана, продолжая изучать Акиву, который выглядел смущенным под ее оценивающим взглядом. – Вдовый мысок – вот что. Боже! Как же нам не хватает их в повседневной жизни. Мы вполне могли бы использовать его семя для увеличения числа вдовых мысков среди населения.

– С ума сойти! Что за бред ты несешь? Спаривание, семя...

– Да, я обожаю Мика, – рассуждала Зузана, – но это не значит, что я откажусь внести свой вклад в распространение вдовых мысков. Поддержать генофонд. Ты тоже, правда? Или... – она искоса посмотрела на Кэроу, – ты уже?

– Что? – Кэроу пришла в ужас. – Нет! Кем ты меня считаешь?

Она была уверена, Акива не понимает их разговора, однако на его губах мелькнула улыбка. Он спросил, что сказала Зузана, и Кэроу почувствовала, как заливается румянцем.

– Ни о чем, – ответила она на химерском. И добавила по-чешски: – Она. Ничего. Не говорила.

– А вот и говорила, – пропела Зузана, и как ребенок, которому только что влетело за шалости, принялась весело повторять: – Спаривание! Семя!

– Зузи, хватит, – беспомощно умоляла Кэроу, радуясь, что эти двое не говорят на одном языке.

– Ладно, – сказала подруга. – Я умею вести себя. Смотри.

И напрямую обратилась к Акиве:

– Добро пожаловать в наш мир! Надеюсь, вам здесь нравится.

Подумав, Кэроу с улыбкой перевела.

Акива кивнул:

– Спасибо. Пожалуйста, скажи, что представление было замечательным.

Кэроу передала.

– Я знаю, – согласилась Зузана. Так она всегда реагировала на комплименты, однако Кэроу видела, что ей приятно. – Идея принадлежит Кэроу.

Об этом Кэроу умолчала.

– Зузана великолепная художница, – добавила она.

– Ты тоже, – ответил Акива, и на этот раз довольной осталась Кэроу.

Она рассказала про учебу в художественном лицее, а он сообщил, что в его мире нет ничего подобного, всему учатся только на практике – идут в подмастерья. Она заметила, что Зузана, наверное, тоже подмастерье, ведь она из семьи мастеровых, и спросила, из какой семьи происходит он – может, воинов?

– В некотором смысле, – ответил он.

Его братья и сестры были воинами, как и отец – в свое время. Слово «отец» он произнес с надрывом, Кэроу почувствовала неприязнь, не стала продолжать расспросы и вновь принялась говорить об искусстве. Разговор, фильтруемый Кэроу, – а Зузана даже в самом хорошем настроении требовала высокой степени фильтрации – шел на удивление легко. «Слишком легко», – подумала Кэроу.

Почему ей так легко смеяться вместе с этим серафимом, почему не вспоминается охваченный огнем портал? И как бешено колотилось, а затем стихло сердечко в обугленном тельце Кишмиша? Ей приходилось постоянно напоминать себе об этом, сдерживать себя, но вся ее предусмотрительность и самоконтроль так и норовили улетучиться, когда она смотрела на Акиву.

Спустя некоторое время он заявил, кивнув в сторону Зузаны:

– Не такая она и буйная.

– Ты ее обезоружил. Так ты действуешь на людей.

– Я? Вчера по тебе этого нельзя было сказать.

– У меня были причины бороться, – ответила она. – Я не перестаю себе напоминать, что мы враги.

На его лицо словно набежала тень. Оно вновь стало холодным, и Акива убрал руки под стол, чтобы татуировки не попадались ей на глаза.

– Что ты ему сказала? – спросила Зузана.

– Напомнила, что мы враги.

– Хм. Кэроу, вы кто угодно, только не враги.

– Нет, враги.

И действительно, они были врагами, как бы сильно все ее существо не пыталось убедить ее в обратном.

– Чем ты тогда занимаешься? Чаевничаешь с ним и встречаешь рассветы?

– Вот именно. Чем я занимаюсь? Не знаю...

Отправиться в Марокко и найти Разгута, пролететь сквозь брешь в небе в... Эрец – вот что ей следовало делать. По телу змейкой пробежал озноб. Она была так увлечена идеей добыть гавриэли, что не думала о самом путешествии. А теперь, после рассказов Акивы о его мире – истерзанном войной, суровом, – ее охватил страх. Внезапно она поняла, что не хочет лететь.

Что она станет делать, когда доберется туда? Подлетит к решеткам неприступной крепости и вежливо спросит, дома ли Бримстоун?

– Кстати, о врагах, – сказала Зузана, – сегодня с утра по телевизору показывали Болвана.

– Рада за него, – отозвалась Кэроу, все еще занятая своими мыслями.

– Нет. Не радуйся. Ничего хорошего.

– Что такое? Что он сделал?

– Короче, пока ты любовалась рассветом со своим врагом, в новостях только о тебе и говорили. И больше всех старался некий актер: выделялся перед камерой и докладывал миру в подробностях, что он знает о тебе. Например, э-э-э, про шрамы от пуль. Выставил тебя подружкой гангстера...

– Подружкой? Я тебя умоляю... Если уж на то пошло, гангстер – я сама...

– Неважно, – перебила Зузана. – Мне жаль, но если раньше ты, синеволосая девушка, и могла каким-то образом оставаться в тени, выхода с полетом положила этому конец. Полиция, скорее всего, уже нагрянула к тебе домой...

– Как?!

– Ага. Вашу драку называют «нарушением общественного порядка», и говорят, что хотят провести беседу с... э-э-э... участниками.

Акива, заметив ее тревогу, спросил, о чем речь. Она быстро перевела. Взгляд его помрачнел. Он поднялся, подошел к двери и выглянул на улицу.

– Сюда они могут за тобой прийти?

По его фигуре, подобравшейся и напряженной, Кэроу поняла, что в его мире такая угроза была бы куда более серьезной.

– Ничего страшного, – уверила она. – Они просто зададут вопросы. Законов мы не нарушали.

Он не сдвинулся с места, и она заговорила с Зузаной по-чешски:

– Вроде нет законов, запрещающих летать.

– Есть. Закон притяжения. Суть в том, что вас ищут. – Она посмотрела на маячившую неподалеку официантку, которая явно подслушивала. – Верно я говорю?

Официантка залилась краской.

– Я никому не звонила, – затараторила она. – Здесь вы в безопасности. Принести еще чаю?

Зузана отмахнулась от нее и сказала Кэроу:

– Не сидеть же вам тут вечно, так?

– Так.

– Тогда каков план?

План. План. У нее был план, и он вот-вот должен осуществиться. Просто нужно встать и уйти. Оставить здешнюю жизнь, бросить лицей, квартиру, Зузану, Акиву... Нет. Акива не был частью ее жизни. Кэроу посмотрела на него, стоящего на страже у двери, готового ее защитить, и попыталась представить, как уйдет от него, и не будет больше ощущения этой его... уместности... правильности, ощущения солнечного света, *притяжения*. Все, что нужно сделать, – встать и уйти.

Мгновение прошло в тишине, но Кэроу не двинулась с места.

– План, – повторила она, прилагая невероятные усилия, чтобы примириться с этой мыслью. – План – исчезнуть.

Акива все еще стоял у двери, и, только когда он обернулся к ней, она поняла, что говорит на химерском.

– Исчезнуть? Куда?

– В Эрец, – сказала она, поднимаясь. – Я уже говорила. Я собираюсь найти свою семью.

На его лице отразилась тревога.

– Ты действительно знаешь способ добраться туда?

– Да.

– Как?

– Существуют еще порталы, помимо твоего.

– Существовали. После гибели магов о них никому ничего неизвестно.

У меня ушли годы на то, чтобы найти портал...

– Не только ты можешь показать мне путь. Хотя лучше было бы, если бы это сделал *ты*.

– Лучше я, чем кто? – Он задумался, пытаясь понять, и по мелькнувшему на его лице отвращению она догадалась – это ему удалось. – Падший? Эта *тварь*! Ты отправишься к этому существу?..

– Не отправлюсь, если ты полетишь со мной.

– Я правда не могу, Кэроу. Портал под охраной...

– Что ж. Возможно, встретимся когда-нибудь на другой стороне. Кто знает...

Невидимые крылья зашуршали и рассыпали по полу искры.

– Тебе туда нельзя. Там нет жизни, поверь мне.

Кэроу отвернулась, надела пальто и тряхнула влажными, как у русалки, волосами, которые кольцами легли ей на плечи. Сказала Зузане, что уезжает из города, и принялась отвечать на неизбежные вопросы подруги. В это время Акива взял ее под локоть. Мягко.

– Ты не можешь лететь с этим существом. Одна. – Выражение его лица было сдержанным, непроницаемым. – Если он знает другой портал, я полечу с вами и позабочусь о твоей безопасности.

Первым порывом Кэроу было отказаться. *Будь как та кошка. Будь как та кошка.* Но кого она пыталась обмануть? Не хотелось ей быть кошкой. Не хотелось лететь одной. Хуже того, не одной, а с Разгутом. Сердце гулко стучало.

– Ладно, – сказала она и, как только решение было принято, почувствовала облегчение.

Они не расстанутся с Акивой.

По крайней мере, пока.

34. Ну и день!

«Ну и утро!» – подумала Кэроу. В своих мечтах она уже летела в будущее, представляя себе воссоединение с Бримстоуном, но все же четко ощущала тепло руки Акивы на своем плече. Они шли с Зузаной по Нерудовой улице, против потока направляющихся к замку туристов, и приходилось плотнее прижиматься друг к другу, чтобы пройти сквозь шумную компанию немцев.

Кэроу спрятала волосы под шапку, любезно предложенную официанткой, так что самая заметная ее особенность была скрыта. Акива по-прежнему привлекал всеобщее внимание, однако, по мнению Кэроу, это происходило из-за его сверхъестественной красоты, а вовсе не потому, что его узнавали после показа в новостях.

– Заскочу на минутку в лицей, – сказала Зузана. – Пойдешь со мной?

Кэроу в любом случае собиралась зайти туда попрощаться, поэтому согласилась. К тому же, чтобы попасть в квартиру – если за ней все еще наблюдала полиция, – нужно было дожидаться ночи. С наступлением темноты у нее появится возможность вернуться домой через балкон, чтобы собрать вещи.

«Ну и день!» – подумала она. Душа звенела от счастья. Деваться некуда – приходилось признать, что счастье это во многом связано с Акивой. Однако при всем при этом чувствовалась и некая едва уловимая ненормальность происходящего, которую Кэроу отнесла на счет своего встревоженного состояния и от которой все утро, радуясь внезапно свалившемуся на нее ощущению счастья, продолжала отмахиваться как от назойливой мухи.

Кэроу попрощалась с лицом – мысленно, чтобы Зузана ни о чем не догадалась, – а затем и с «Ядовитой кухней». Прижала ладонь к мраморному боку Мора, пробежала пальцами по слегка потрепанной обивке диванчика. Акиву гробы и прочие здешние декорации привели в недоумение, место показалось ему «кошмарным». Он съел за компанию порцию гуляша, однако Кэроу сомневалась, что рецепт блюда его заинтересует.

Побывав с ним в этих двух местах, она взглянула на них совсем другими глазами. Ей вдруг стало стыдно от того, насколько мало она придавала значения войнам, которые наложили свой отпечаток на облик

этих заведений. В школе какой-то шутник написал красной краской слово «volnost» – свобода – на той стене, где когда-то оно было выведено нацистской кровью, а в «Ядовитой кухне» ей пришлось объяснять Акиве, что противогазы относились совсем не к той войне.

– Они остались с Первой мировой, – сказала она, натягивая один из противогазов. – Сто лет уже прошло. Нацисты вторглись позже. – Она бросила на него язвительный взгляд. – Захватчики никогда не бывают хорошими, понятно? Никогда.

К ним присоединился Мик, и в разговоре поначалу ощущалась некоторая натянутость, ведь он ничего не знал о других мирах и народах. Кэроу рассказала о том, что они действительно летали, что Акива – ангел из другого мира, но говорила обо всем этом в своей обычной манере, так что Мик решил, что над ним потешаются. Однако он то и дело поглядывал на Акиву – так же оценивающе, как и все остальные люди, – и Кэроу заметила, что Акиве неловко. Внезапно она осознала: он и не догадывался о том, какой силой обладает его красота.

Позднее все четверо отправились на Карлов мост. Мик с Зузаной шли на несколько шагов впереди, в обнимку, словно ничто на свете не могло оторвать их друг от друга, Кэроу с Акивой – следом.

– Сегодня вечером мы можем лететь в Марокко, – сказала Кэроу. – Я собиралась самолетом, но тебе вряд ли подойдет этот вариант.

– Разве?

– Да. Понадобится паспорт – документ, подтверждающий гражданство, в котором должно быть указано, что ты из этого мира.

– Сама лететь сможешь?

Кэроу попробовала: осторожно оторвалась на несколько футов от земли и тут же опустилась.

– Вообще-то, путь неблизкий.

– Я тебе помогу. Даже если бы ты не умела летать, я бы сам унес тебя.

Она представила, как летит над Альпами и Средиземным морем на руках у Акивы – не худшая мысль, но все же... Она не неженка.

– Я справлюсь.

Впереди Мик и Зузана застыли в долгом поцелуе, и Кэроу в смущении остановилась, повернулась к перилам моста и стала смотреть на реку.

– Наверное, непривычно весь день бездельничать?

Акива кивнул. Он тоже смотрел на реку, перегнувшись через перила и слегка касаясь локтем ее локтя. От Кэроу не ускользнуло, что он то и дело ухитрялся едва заметно до нее дотронуться.

– Все пытаюсь представить, как мой народ ведет такую жизнь, – и не

могу.

– А какую жизнь ведет твой народ? – спросила она.

– Они поглощены войной. Если не воюют, то работают на войну. И живут в страхе. Все до одного.

– А химеры? Как они живут?

Он задумался.

– Ни для кого там нет хорошей жизни. Безопасным это место не назовешь. – Он положил ладонь на ее руку. – Кэроу, твоя жизнь – здесь, в этом мире. Если ты дорога Бримстоуну, вряд ли он захочет, чтобы ты отправилась туда. Тебе нужно остаться.

Следующие слова он произнес едва уловимым шепотом, и впоследствии она сомневалась, что расслышала их:

– Я остался бы здесь, с тобой.

Его пожатие было крепким и одновременно мягким, ладонь – теплой. Именно такой, как нужно. На мгновение Кэроу представила себе, что сбылось то, о чем он только что прошептал: жизнь вместе с ним. Все, чего она так страстно желала: надежность, основательность, любовь.

Любовь.

Слово уже не резало слух и не звучало так нелепо, как утром, когда его произнесла Зузана. Оно волновало. Кэроу потянулась к руке Акивы.

Почувствовала резкий толчок и отпрянула. Хамса! Она нечаянно приложила хамсу к его коже. Ладонь горела. Акива, отброшенный на шаг назад, прижал руку к содрогающемуся телу. Стиснув зубы, он преодолевал боль.

Снова боль.

– Я даже притронуться к тебе не могу, – сказала Кэроу. – Не знаю, чего хотел для меня Бримстоун, но уж явно не этого. Иначе он не наградил бы меня хамсами.

Собственные прижатые к груди ладони показались ей в тот миг отвратительными. Она нащупала висевшую на шее счастливую косточку и взяла ее в руку, чтобы успокоиться.

– Твой желания необязательно должны совпадать с его, – сказал Акива.

– Согласна. Но мне необходимо знать, что происходит. Необходимо.

Голос дрогнул. Она хотела донести до него свою мысль – и он все понял. Она увидела это в его глазах, а вместе с тем беспомощность и боль, которые то и дело вспыхивали на его лице с того самого мгновения, когда он ворвался в ее жизнь минувшей ночью. Всего лишь минувшей ночью. Не верилось, что прошло так мало времени.

– Ты не обязан лететь со мной.

– Разумеется, я полечу с тобой, Кэроу... – Акива все еще говорил шепотом. – Кэроу.

Он протянул руку, снял с нее шапку, из-под которой хлынули синей волной волосы, и заправил непослушную прядку ей за ухо. Взял ее лицо в ладони, и грудь Кэроу словно пронзил солнечный луч. Она притихла и стояла без движения. Никто и никогда не смотрел на нее так, как Акива, широко раскрытыми глазами, будто хотел вобрать ее в себя.

Одной рукой он нежно прикоснулся к ее затылку, провел по волосам, отчего по телу пробежала дрожь. Кэроу почувствовала, как уступает ему. Одна нога подалась вперед, колено прижалось к его колену, и оставшееся между ними пространство – отрицательное пространство, как это называют в рисовании, – так и норовило сомкнуться.

Он собирается ее поцеловать?

Боже, от нее же несет гуляшом!

Ну и ладно. От него тоже.

Хочет ли она, чтобы он ее поцеловал?

Его лицо было так близко, что она могла разглядеть тень от его ресниц и собственное лицо, отраженное в черной глубине его зрачков. Он пристально смотрел в ее глаза, словно в ней были другие миры, чудеса и открытия.

Да. Она хотела, чтобы он поцеловал ее. Да.

Его рука отыскала ее ладонь, которая все еще сжимала висевшую на шнурке счастливую косточку. Он нащупал продетые сквозь ее пальцы выступы косточки и замер. Что-то застыло в его взгляде. Он опустил глаза. Дыхание перехватило, он порывисто вдохнул и разжал ладонь Кэроу, забыв о хамсах.

И увидел маленькую выцветшую косточку – все, что осталось от чьей-то жизни. Он изумленно вскрикнул и... Словно нечто глубокое и болезненное вырвалось из него наружу со скрипом, как гвоздь, который выдернули из доски.

– Что? – переполошилась Кэроу.

Он побледнел.

– Зачем ты это носишь?

– Это... вещь Бримстоуна. Он послал ее мне, когда сгорели порталы.

– Бримстоуна... – повторил он.

Лицо оживилось: мелькнула безумная мысль, а затем пришло и понимание.

– Бримстоун, – снова произнес он.

– Что? Акива...

Его дальнейшие действия привели Кэроу в смятение. Он опустился на колени. Шнурок развязался, косточка осталась в его руке, и на мгновение ее охватило чувство потери. Но затем он наклонился к ней. Прижал лицо к ногам, и сквозь джинсы она ощутила тепло. Она застыла в изумлении, глядя на его мощные плечи, а он прижимался к ней, позволив волшебным чарам исчезнуть, отчего крылья внезапно стали видимыми.

На мосту раздались ошеломленные возгласы. Зузана и Мик перестали обниматься и обернулись. Люди останавливались, в изумлении тараща глаза. Кэроу едва осознавала их присутствие. Посмотрев на Акиву, она заметила, что плечи его дрожат. Он плачет? Ей хотелось дотронуться до него, но было страшно причинить ему боль. Проклиная свои хамсы, она склонилась и погладила его волосы, лоб – такой горячий – тыльной стороной ладони.

– Что? – спросила она. – Что случилось?

Он выпрямился, все еще стоя на коленях, и взглянул на нее. Она изогнулась над ним вопросительным знаком. Руки его, сжимающие счастливую косточку, дрожали. Крылья раскрылись гигантскими веерами, и теперь они находились в окруженном огнем пространстве, принадлежавшем только им двоим.

Он посмотрел ей в лицо потрясенным и – как подумала Кэроу – безумно печальным взглядом.

И сказал:

– Кэроу, я знаю, кто ты.

35. Язык ангелов

Я знаю, кто ты.

Глядя в лицо Кэроу, Акива увидел, как подействовали его слова. Надежда боролась со страхом в наполненных слезами и одновременно горящих огнем черных глазах. Лишь заметив в них свое отражение, он понял, что сбросил чары. Бывали времена, когда такая беспечность могла стоить ему жизни. Но сейчас это его не волновало.

Губы Кэроу беззвучно зашевелились: «Что?». Она откашлялась.

– Что ты сказал?

Как объяснить ей? Он стоял в нерешительности. Произошла невозможная вещь, одновременно прекрасная и жуткая, от которой вздымалась грудь и оледенелое сердце вновь ожило и восторженно забилося... Как могло это случиться после стольких лет?

Что может быть горше, чем слишком поздно получить то, чего так долго ждал?

– Акива, – взмолилась Кэроу. С широко раскрытыми глазами она тоже опустила на колени. – Скажи мне.

– Кэроу, – прошептал он.

Это имя – *надежда* – звучало ядовитой насмешкой, горьким упреком, и ему захотелось умереть. Он не мог заставить себя взглянуть на нее. Прижал к себе, и она поддалась, уступчивая, как сама любовь. Зарывшись лицом в спутанные ветром шелковистые волосы, он пытался придумать, что сказать ей.

Отовсюду слышались людские голоса – за ними явно и с интересом наблюдали, однако Акиве ни до кого не было дела. Пока сквозь гомон не пробился один звук: кто-то язвительно и нарочито откашлялся. Кольнуло предчувствие беды, и Акива обернулся.

– Акива, в самом деле. Возьми себя в руки!

Как не к месту тут этот голос, этот язык. Его родной язык.

Рядом, с выражением тревоги на лицах, стояли Азаил и Лираз.

Акива даже не удивился. После череды утренних потрясений – ножи-полумесяцы, странная реакция Кэроу на его татуировки, ее фантастически мелодичный смех, и ко всему прочему, неоспоримое подтверждение – счастливая косточка, – появление серафимов уже не могло его ошеломить.

– Что вы здесь делаете? – спросил он. Он все еще обнимал Кэроу, которая оторвала голову от его плеча и уставилась на незнакомцев.

– Что *мы* здесь делаем? – возмутилась Лираз. – По-моему, учитывая все обстоятельства, этот вопрос должны задать *мы*! Что во имя божественных звезд здесь делаешь *ты*?

Вид у нее был оторопелый, и Акива понимал почему: он, весь в слезах, стоял на коленях и обнимал девушку, человеческое существо.

Ему вдруг пришло в голову: очень важно, чтобы они считали Кэроу человеческим существом! Это всего лишь странно, не более того. Если они узнают правду – все будет намного хуже.

Он выпрямился, все еще не поднимаясь с колен, и закрыл собой Кэроу. Приглушенным голосом, чтобы брат с сестрой не услышали, что он говорит на вражеском языке, Акива сказал:

– Не показывай им ладони. Они не поймут.

– Чего не поймут? – шепотом спросила Кэроу, не сводя с них глаз, в то время как они тоже безотрывно глядели на нее.

– Нас, – ответил он. – Нас не поймут.

– Я тоже нас не понимаю...

Но Акива – спасибо сжатой в кулаке хрупкой косточке – понял все...

Кэроу напряженно молчала, глядя на серафимов. Хоть крылья были надежно скрыты чарами от людских глаз, само присутствие этих существ на мосту казалось неестественным и изрядно тревожило. Особенно присутствие Лираз. Несмотря на всю мощь Азаила, она выглядела более устрашающе – возможно, потому что она женщина. Волосы зачесаны назад и сплетены в тугие косы – в ее красоте просматривалась некая акулья невозмутимость, откровенное равнодушие убийцы. Глаза Азаила излучали больше жизни, но сейчас, глядя на стоящего на коленях Акиву, он явно испытывал противоречивые чувства.

– Поднимайся, – приказал он не без мягкости в голосе. – Глядеть не могу на тебя в таком виде.

Акива встал, прикрывая Кэроу крыльями.

– Что происходит? – спросила Лираз. – Акива, зачем ты сюда вернулся? И... кто это? – Она раздраженно махнула рукой в сторону Кэроу.

– Просто девушка. – Акива вспомнил об Изиле – голос старика звучал так же неубедительно.

– Просто девушка, которая умеет летать, – ехидно добавила Лираз.

Помедлив мгновение, Акива сказал:

– Вы следили за мной...

– А чего ты хотел? – фыркнула Лираз. – Чтобы мы снова позволили тебе исчезнуть? По твоему поведению после Лораменди мы поняли – что-то должно случиться. Но... такое!

– Что вообще происходит? – спросил Азаил, очевидно, надеясь на объяснение, которое все расставит по местам.

Акива почувствовал себя разделенным надвое. Вот перед ним стоят его ближайшие союзники, которые в одночасье стали ему врагами. И во всем виноват он сам.

Его семья – не мать, которая отвернулась, когда за ним пришли солдаты. И, уж конечно, не император. Его семья – эти двое, а он ничего не мог им сказать. Ничего он не мог сказать и стоящей у него за спиной Кэроу, которая отчаянно хотела знать, что от нее скрывали всю ее жизнь. Тайна была такой большой и такой невероятной, что ему не удавалось выразить ее словами. Он молчал, и знание языков двух народов не помогало.

– Я не виню тебя за то, что ты хочешь убежать, – сказал Азаил, который всегда выступал миротворцем.

Между ним и сестрой было внешнее сходство: оба светловолосые и голубоглазые, с медового цвета кожей, оба легко заливались румянцем. Азаил всегда действовал на Акиву успокаивающе, почти расслабляюще, его мягкая улыбка вводила в заблуждение кого угодно. Он был солдатом – мгновенная реакция и стальная твердость, – но в сердце ему удалось сохранить что-то детское, и ни муштра, ни годы войны так и не смогли до конца это уничтожить. Он остался мечтателем.

– У меня у самого появлялись мысли о том, что неплохо бы сюда вернуться, когда все кончится, – добавил он.

– Но ты-то не вернулся, – отчеканила Лираз, которая вовсе не была мечтателем. – Ты не исчезал в ночи, заставляя других сочинять истории, чтобы тебя прикрыть.

– Я не просил прикрывать меня, – сказал Акива.

– Еще бы! Тогда тебе пришлось бы признаться, куда ты собрался. Поэтому ты убежал тайком, как и раньше. И что нам оставалось? Ждать, пока ты вернешься весь израненный и даже не расскажешь, кто тебя искалечил?

– На этот раз нет, – сказал он.

Лираз сдержанно улыбнулась, и Акива понял – под ее холодностью прячется обида. А если бы он не вернулся? Если бы они никогда не узнали, что с ним случилось? Они же десятилетиями защищали друг друга. Разве не Лираз, рискуя жизнью, вернулась на поле битвы в Буллфинче? Почти не осталось надежды на то, что он жив, но она, не обращая внимания на химер, которые праздновали победу и добивали раненых штыками, нашла его и унесла оттуда. Она рисковала жизнью ради него, и рискнула бы снова, не задумавшись ни на секунду. Так же поступили бы и Азаил, и Акива.

Однако рассказать, зачем он явился сюда и что обнаружил, он не мог.

– Что значит «на этот раз нет»? – потребовала Лираз. – Ты не вернешься израненный? Или не вернешься совсем?

– Я ничего не планировал. Просто не мог жить там, – попробовал объяснить он. В конце концов, ради них можно и постараться. – После Лораменди мы словно оказались на краю обрыва. Я больше ничего не хотел. Ничего, кроме...

Он не договорил. Все было понятно и так: его видели на коленях. Они перевели глаза на Кэроу.

– Кроме *нее*, – сказала Лираз. – Человеческое существо. Если она действительно человек.

– Кем еще она может быть? – сказал Акива, пытаясь скрыть вспыхнувшую искру страха.

– У меня есть кое-какие догадки, – ответила Лираз, и сердце у Акивы екнуло. – Вчера вечером, когда она нападала на тебя, что-то странное было в этом бою. Правда, Азаил?

– Да, – согласился Азаил.

– Мы стояли слишком далеко, чтобы почувствовать магию... но видели, что ее чувствуешь ты.

У Акивы в голове яростно закрутились мысли. Как увести Кэроу отсюда?

– Похоже, ты ее простила. – Лираз приблизилась на шаг. – Ты ничего не хочешь нам рассказать?

Акива шагнул назад, загораживая собой Кэроу.

– Оставьте ее в покое.

– Если скрывать тебе нечего, дай нам взглянуть на нее, – наступала Лираз.

Печальным голосом, который звучал еще невыносимее, чем резкий тон Лираз, Азаил произнес:

– Акива, просто скажи, что она не та, кем кажется. Скажи, что она не...

Акиве хотелось унести прочь отсюда, подальше от серафимов и химер с их ненавистью, от разинувших рты людей – туда, где никто и никогда больше не сможет встать между ним и Кэроу.

– Конечно, нет, – прорычал он.

Лираз восприняла его слова как вызов. В глазах ее вспыхнула ярость, которая так помогала ей на поле боя. Она подошла поближе, будто бы желая проверить, кто такая Кэроу на самом деле.

Сердце бешено забилося, руки сжались в кулаки, и он приготовился к

тому, что должно было произойти в следующее мгновение. Акива поверить не мог, что они дошли до этого.

Однако чего он точно не ожидал, так это услышать чистый и спокойный голос Кэроу:

– Так кто же я?

Лираз застыла в замешательстве, ярость уступила место удивлению. Азаил тоже выглядел ошарашенным, и Акива лишь через мгновение сообразил почему.

Слова Кэроу... Гладкие, как поток воды. Слова их языка, языка ангелов, который она не могла выучить ни земным, ни каким-либо другим способом. Воспользовавшись заминкой, вызванной ее вопросом, она вышла вперед и встала перед Лираз и Азаилом.

Затем с той же бесшабашной удалью, с какой она нападала на Акиву вчерашним вечером, Кэроу бросила в лицо Лираз:

– Хотите взглянуть на мои ладони? Только попросите.

36. Убивать необязательно

Обнаруженный в кармане лакнау, произнесенное шепотом желание – и сию же минуту мелодичный поток слов обрел смысл. Еще один язык в коллекции Кэроу, неожиданная удача.

По суровому, пронзительному взгляду женщины-серафима и по защитной позе Акивы она поняла – речь идет о ней.

– Просто скажи, что она не... – взмолился мужчина. В неоконченной фразе слышался ужас, словно он умолял Акиву развеять его сомнения.

Кто же она, по их мнению? Неужели она будет молчать, пока они ее обсуждают?

– Так кто же я? – спросила она. – Кто?

Она вышла из-за спины Акивы и увидела застывшие от удивления лица. Женщина-ангел стояла в нескольких шагах, округлив глаза – безжизненные, как у смертника, – и Кэроу вздрогнула от осознания собственной уязвимости без защиты Акивы. Она вспомнила о ножах-полумесяцах, которые остались дома, и внезапно поняла, что не нуждается в них. У нее было оружие, предназначенное специально для серафимов.

Она сама была этим оружием.

Подрагивающим от волнения голосом Кэроу произнесла:

– Хотите взглянуть на мои ладони? Только попросите.

И тут на Карловом мосту на виду у всех зевак, снимающих происходящее на телефоны и камеры, на виду у приближающихся полицейских началось настоящее светопредставление.

– Нет! – крикнул Акива, но было слишком поздно.

Первой ринулась в бой стремительная Лираз, но Кэроу молниеносно вскинула руки, волна магической силы изогнула пространство вокруг, а затем сотрясла воздух. Акива с Азаилом еле устояли на ногах. Лираз же отбросило назад словно букашку. Она сделала акробатический кувырок, приземлилась на ноги, и в это мгновение от ударной волны дрогнул мост. Не шелохнулась одна лишь Кэроу. Воздушный поток сначала взметнул ее волосы вперед, а теперь они свободно развевались на ветру.

На губах ее играла холодная улыбка. Растрепанные волосы, ладони с дерзкими чернильными глазами – Кэроу, как беспощадная богиня в обличье девушки, казалась злобной даже Зузане. Они с Миком и другие зеваки отшатнулись назад. Лираз сбросила волшебные чары, и наружу вырвалось

бушующее пламя. Азаил сделал то же самое и шагнул к сестре: линия фронта была проведена. Кэроу противостояли два ангела, склонивших головы перед волной физической боли, которую посылали им хамсы на ее руках.

Между ними застыл потрясенный Акива. Всего лишь шаг в любом направлении – и выбор будет сделан навсегда. Он бросал взгляды то на своих товарищей, то на Кэроу.

– Акива, – прошипела Лираз. Она надеялась, что он примет их сторону. Неизменно втроем они шли в атаку, убивали врагов, а затем при помощи ножа и сажи рисовали отметины друг у друга на руках. Для нее Кэроу означала всего лишь очередную татуировку, которую вот-вот предстояло нанести.

С другой стороны была Кэроу, готовая выставить вперед ладони и дать волю гибельной магии Бримстоуна.

– Так не должно быть, – сказал Акива, однако голос его прозвучал неубедительно, будто он сам не верил своим словам.

– Вот именно, – отозвалась Лираз. – Не будь ребенком, Акива.

Он все еще стоял между ними, не решаясь сделать выбор между двумя возможными вариантами будущего.

– Если тебе не по силам убить ее самому, уходи, – сказала Лираз. – Тебе необязательно смотреть. Больше мы никогда не заговорим об этом. Все кончено. Слышишь? Возвращайся домой.

Она говорила настойчиво и твердо. И на самом деле верила, что заботится о нем. Что вся эта уму непостижимая история с Кэроу была каким-то сумасбродством, которое необходимо забыть навсегда.

Он ответил:

– Домой я не собираюсь.

Азаил:

– Ты не собираешься домой?! А как же дела? Все то, за что ты боролся? Наступил новый век, брат. *Мир...*

– Мира нет. Мир – не просто отсутствие войны. Мир – это гармония. Единство.

– Ты имеешь в виду единство с чудовищами? – На лице Азаила отразились замешательство и брезгливость, однако он еще надеялся, что все это лишь недоразумение.

Отвечая, Акива знал, что переходит последнюю черту, что у него не будет возможности вернуться. Эту черту следовало перейти уже давно. Все так запуталось. Он запутался.

– Да. Именно это я имею в виду.

Кэроу оторвала взгляд от своих противников и посмотрела на него. Жесткая улыбка сошла с ее лица. Теперь, когда она почувствовала его смятение, дрогнули даже выставленные вперед руки. Беспокойство о себе, вопросы, пустота внутри – все это отодвинули на второй план страдания Акивы, которые она ощутила как свои собственные.

Прибывшие полицейские при виде странной сцены застыли в нерешительности. Кэроу заметила их озадаченные лица, нервно подрагивающее оружие и то, как они смотрели на нее. На Карловом мосту стояли ангелы, а она была их противником. Она – враг ангелов, в черном пальто, с дьявольскими татуировками, всклокоченными синими волосами и черными глазами. Они – все такие золотые, словно сошедшие с церковных фресок. В этой сцене она являла собой демона и, бросив взгляд на свою расprostертую на земле тень, почти ожидала увидеть рога. Но тень была просто тенью девочки и, казалось, в данную минуту не имела с Кэроу ничего общего.

Акива, который лишь мгновение назад прижимался лицом к ее ногам и плакал, теперь стоял как вкопанный, и только сейчас Кэроу впервые ощутила страх. Если он примет сторону этих двух ангелов...

– Акива, – прошептала она.

– Я здесь, – ответил он и сделал шаг – в ее сторону.

Он ни секунды не сомневался, в нем лишь теплилась надежда, что не придется делать выбор, что все еще можно повернуть вспять, однако было слишком поздно. Итак, он шагнул в будущее, встав между Кэроу и братом с сестрой, и произнес тихим, но уверенным голосом:

– Я не позволю причинить ей зло. Жить можно иначе. Убивать не обязательно.

Азаил и Лираз уставились на него. Немыслимо, но он выбрал девочку. Удивление Лираз тотчас обернулось злобой.

– Неужели? – вскинулась она. – Теперь это очень удобная позиция, да?

Оказавшись за спиной у Акивы, Кэроу опустила ладони. Она вытянула руку вперед и прикоснулась к его спине лишь кончиками пальцев – потому что просто не могла удержаться.

– Кэроу, тебе нужно уходить, – сказал он.

– Уходить? Но...

– Выбирайся отсюда. Я их задержу. – Его голос прозвучал сурово, но решение было принято. Он бросил через плечо быстрый взгляд, напряженный, но бесстрашный. – Встретимся в том месте, где мы впервые увидели друг друга. Обещай, что будешь ждать меня там.

Место, где они впервые увидели друг друга. Джемаа-эль-Фна, сердце

Марракеша. Там, среди хаоса и толпы, она поймала его обжигающий душу взгляд.

Хриплым от возбуждения голосом Акива сказал:

– Обещай. Кэроу, обещай мне, что не улетишь с Разгутом, пока я не найду тебя. Пока все не объясню.

Кэроу хотелось пообещать. Даже перед своей семьей он проявил преданность ей. Спас жизнь – разве выжила бы она в схватке с двумя вооруженными серафимами? Вдобавок ко всему он *выбрал* ее. Неужели не об этом она всегда мечтала – чтобы ее выбрали? Чтобы ей дорожили? Ради нее он покинул свой дом, свой мир и просил дожждаться его в Марракеше.

Однако что-то неизъяснимое удерживало ее от обещания. Да, он выбрал ее, но это не значит, что, окажись Кэроу на его месте, она сделала бы тот же выбор – против Бримстоуна, Иссы, Ясри, Твиги. Она говорила Бримстоуну: «Хочу, чтобы ты знал: я никогда вас не брошу», – и не бросила бы. Она бы выбрала свою семью, тут и думать нечего. Даже если сейчас мысль о том, что нужно повернуться и уйти от Акивы, причиняла физическую боль.

Она сказала:

– Буду ждать тебя, сколько получится. Это большее, что я могу обещать.

Ей показалось, что сияние его пылающих крыльев слегка померкло. Не оборачиваясь, он упавшим голосом произнес:

– Спасибо и на этом.

Лираз обнажила меч, Азаил последовал ее примеру. Полицейские отступили, вскинули пистолеты, по-чешски рявкая команды бросить оружие. Объятые ужасом зеваки истошно закричали. Теснившаяся в толпе Зузана не сводила с Кэроу глаз.

Акива закинул обе руки за плечи и с мелодичным звоном вытянул мечи из перекрещенных между крыльями ножен. Не оглядываясь, он приказал:

– Кэроу. Беги!

Она сжалась в комок, присела и, перед тем как взмыть ввысь и черносиней полоской растаять в небе, тихо попросила:

– Найди меня, Акива.

Кэроу исчезла, а он остался утрясать последствия своего судьбоносного выбора.

Однажды в тумане умирал ангел.

А дьявол склонился над ним, улыбаясь.

37. Словно во сне

Акива был не в силах удержать кровь в своем теле. Она пульсировала под пальцами и вытекала горячими струями с каждым толчком сердца. Остановить кровотечение не удавалось. Ужасная рана на ощупь была как пригоршня мясных остатков для кормления собаки.

Он умирал.

Мир вокруг утратил горизонты. Побережье Буллфинча обложил морской туман. Акива слышал, как бились волны, но разглядеть мог только лежащие вокруг тела – окутанные хмарью серые бугры. Химеры или серафимы – непонятно. Лишь самый ближний труп, распростертый в нескольких ярдах, с вонзенным в него мечом Акивы, точно принадлежал чудовищу – наполовину гиене, наполовину ящеру. Легко, словно холстину, прорвав панцирь, этот монстр вспорол тело Акивы от ключицы до бицепсов, впился зубами в мышцу плеча и не отпускал даже после того, как тот пробил мечом бочкообразную грудную клетку. Акива повернул клинок, всадил еще глубже, затем повернул вновь. Монстр взревел, но так и не разжал зубы, пока не издох.

Теперь, когда Акива лежал в ожидании смерти, воцарившуюся после сражения тишину разорвал оглушительный крик. Акива напрягся и крепче зажал рану. Позже он станет задаваться вопросом, почему поступил именно так. Уж лучше было умереть до того, как его найдет противник.

Враги обходили поле битвы, добывая раненых. На то, чтобы отбросить серафимов обратно к крепости в бухте Морвен, у них ушел день, и пленные их не интересовали. Акиве следовало ускорить конец, спокойно умереть от потери крови. Враг был бы куда менее милостив.

Что заставило его ждать? Надежда прикончить еще одну химеру? Но если так, почему он даже не попытался достать меч? Просто лежал и оттягивал смерть на несколько лишних минут – непонятно зачем.

А потом он увидел ее.

Сначала просто силуэт: огромные крылья летучей мыши, длинные рифленые газельи рога, острые как копья, – животные части тела врага. Черная ненависть захлестнула Акиву, наблюдавшего, как она останавливается у одного тела, затем у другого. У трупа гиены-ящера она задержалась надолго. Зачем? Провести прощальный ритуал?

Затем она повернулась и пошла в направлении Акивы.

С каждым шагом стройная фигура обретала все более определенные

черты. Узкие человеческие бедра ниже колен переходили в грациозные газелии ноги, на точеных копытцах она балансировала как на шпильках. Крылья сложены, поступь легкая и одновременно пружинистая. В руке – нож-полумесяц, еще один – в ножнах у бедра. В другой руке она несла не оружие – нечто, похожее на пастуший посох, с крючковатого конца которого свешивался серебряный предмет – может, фонарь?

Нет, не фонарь. Света он не давал, только дым.

Через несколько шагов копытца утонули в песке, затем сквозь туман он разглядел ее лицо, а она – его. Поняв, что он еще жив, она резко остановилась. Он зарычал, попытался сделать выпад, однако девушка-химера не шевельнулась. Долгое время они просто смотрели друг на друга. Она недоуменно, по-птичьи наклонила голову, но в этом жесте проявилась не жестокость, а лишь любопытство.

Как ни странно, она была красива.

Девушка подошла на шаг ближе. Он посмотрел ей в лицо, потом взгляд его соскользнул на длинную шею, к ключицам. Хорошо сложенная, она была грациозна и худощава. Волосы, короткие, темные и мягкие как лебяжий пух, не скрывали строения безупречного лица. Черный грим был наложен вокруг огромных глаз – карих и ярких, выразительных и печальных.

Акива знал – печалится она о своих погибших товарищах, не о нем, однако с удивлением обнаружил в ее взгляде сострадание. Он вдруг подумал, что никогда прежде не смотрел химерам в лицо. При встрече рабы всегда опускали глаза, а воинов – таких, как эта, – он видел только в те мгновения, когда они в угаре кровавой битвы уклонялись от его смертельного удара или наносили свой. Если не обращать внимания на окровавленный нож и плотно подогнанный черный панцирь, сатанинские крылья и рога и сосредоточиться только на лице – таком неожиданно очаровательном, – она выглядела как обычная девушка. Девушка, которая нашла на берегу умирающего юношу.

На мгновение он почувствовал себя таким юношей. Не солдатом, не чьим-то врагом. И нависшая над ним смерть казалась ему лишенной смысла. Точно так же, как лишена была смысла их жизнь. Ангелы и монстры бесконечно сражались друг с другом, убивали и умирали сами.

Они не могли жить иначе. И эта девушка явилась сюда с той же целью, что и он: сразить врага. *Его, Акиву.*

Почему же тогда она медлит?

Она опустила на колени, будто совсем не боялась его. У Акивы на бедре был нож – маленький, он и в сравнение не шел с ее полумесяцами, –

но все же мог убить. Одно движение – и нож вонзится в мягкий изгиб ее шеи. Идеальной шеи.

Акива не пошевелился.

К тому времени он уже был словно во сне. От потери крови. Вглядываясь в склоненное над ним лицо, он не соображал, реальное оно или нет. А вдруг это предсмертный сон, а она – гонец, явившийся за его душой, чтобы проводить ее в следующую жизнь? Из висевшей на крюке серебряной кадиланицы исходил дым с ароматом трав и серы. Почувяв его, Акива ощутил притяжение, *соблазн*. Закружилась голова, и он подумал, что с удовольствием отправится с этой посланницей в другой мир.

Он представил, как она его поведет, и с этой умиротворяющей картинкой перед глазами убрал руку с раны и потянулся к ее пальцам, поймал их в свою ладонь, скользкую от крови.

Глаза ее расширились, она отдернула руку.

Он невольно напугал ее.

– Я пойду с тобой, – произнес он на химерском языке, который знал достаточно хорошо для того, чтобы давать указания рабам. В их грубой речи переплелись многочисленные диалекты, объединенные Империей и со временем слившиеся в один общий язык.

Акива с трудом уловил собственный голос, но девушка прекрасно расслышала его слова.

Она взглянула на кадиланицу, затем вновь на него.

– Это не для тебя, – сказала она, отодвинув крюк и воткнув его в землю поодаль. – Вряд ли тебе захочется идти со мной.

Даже звериные интонации языка не портили мелодичный голос.

– Смерть, – выдохнул Акива.

Сейчас, когда он больше не зажимал рану, жизнь покидала его быстрее. Глаза слипались.

– Я готов.

– А я нет. По-моему, это скучно – быть мертвым.

Она произнесла это легко, весело, и он внимательно посмотрел на нее. Пошутила? Она улыбнулась.

Улыбнулась.

Он тоже. Потрясенный, он обнаружил, что отвечает на ее улыбку.

– Скучно – это хорошо, – пробормотал он, позволив глазам закрыться. – Будет время почитать книги.

Она приглушенно хихикнула, и Акива в полузабытьи решил, что действительно умер. Было бы странно, если бы все это происходило на самом деле. Он больше не чувствовал разорванное плечо и ее

прикосновение, пока не ощутил резкую боль. Вскрикнув, он открыл глаза. Все-таки заколола?

Нет. Намотала жгут над раной. Отсюда и боль.

Он озадаченно посмотрел на нее.

– Рекомендую остаться в живых, – сказала она.

– Я попытаюсь.

Неподалеку слышались голоса. Химеры. Девушка замерла, прижала палец к губам:

– Тсс.

Они обменялись прощальными взглядами. Рога и крылья засияли на проступившем сквозь туман солнце. Короткие бархатные волосы казались мягкими, как шея жеребенка, лоснящиеся, словно смазанные маслом, рога сверкали. Несмотря на жуткую боевую раскраску, и лицо, и улыбка отличались нежностью. С нежностью Акива встретился впервые. Он ощутил укол в самом центре груди, где-то глубоко, в месте сосредоточения чувств, о существовании которого раньше и не догадывался. Ощущение было незнакомым, как будто на затылке открылся глаз, глядящий в новое измерение.

Захотелось прикоснуться к ее лицу, но он удержался – ладони были в крови. Вдобавок ко всему даже здоровая рука казалась такой тяжелой, что вряд ли удалось бы ее поднять.

Она испытала тот же позыв. Протянула руку, немного помешкала, затем провела кончиками прохладных пальцев по горячему лбу, щеке, на мгновение остановилась на шее, где мягко пульсировала вена, – словно хотела убедиться, что в нем еще есть жизнь.

Заметила ли она, как участилось биение его сердца?

Затем девушка резко вскочила. Плавными прыжками унеслась она на стройных, мускулистых ногах с газельими копытцами, полураскрытые крылья как бумажные змеи поддерживали ее в воздухе, и каждый прыжок превращался в движение балерины. Акива наблюдал, как ее силуэт встретился в тумане с другими – неуклюжими чудовищами, ни одно из которых не обладало ее грациозностью. До него донеслись рычащие звуки, и среди них – ее спокойный голос. Он верил, что она уведет их подальше. Она так и сделала.

Акива остался в живых. И изменился.

– Кто наложил жгут? – осведомилась позднее отыскавшая его Лираз, когда они добрались до безопасного места.

Он сказал, что не знает.

Прежняя жизнь представлялась теперь сплошным блужданием по

лабиринту, центр которого он наконец нашел на поле битвы в Буллфинче. Свой собственный центр – то место, где просыпались чувства. Он даже не подозревал о его существовании, пока эта девушка, одна из его врагов, не опустилась на колени рядом с ним и не спасла ему жизнь.

Он вспоминал ее как сквозь дымку сна, но она не была сном.

Она была реальной. Как глаза животного, горящие в ночи, короткий проблеск во всепоглощающей темноте.

Она существовала.

38. Кощунство

После Буллфинча воспоминание о Мадригал (ее имя Акива узнал лишь два года спустя) приходило к нему как голос, звучащий в великом безмолвии. Смертельно раненный, он лежал в военном лагере в бухте Морвен, и в бреду вновь и вновь перед глазами возникал образ стоящей рядом с ним на коленях девушки из вражеского стана. Каждый раз, когда он просыпался и видел перед собой лица своих родных и близких, они казались ему менее реальными, чем преследующее его видение. Даже когда Лираз дала отпор врачу, который вознамерился ампутировать ему руку, Акива вспоминал окутанный туманом берег в Буллфинче, черные глаза и маслянистые рога и как он был потрясен ее нежностью.

Его учили противостоять дьявольским отметинам, однако от собственных мыслей защиты не нашлось.

Разумеется, он никому не сказал ни слова.

К кровати подошел Азаил с набором инструментов для татуировки, чтобы отметить на руках Акивы число уничтоженных в битве при Буллфинче.

– Сколько? – спросил он, стерилизуя огнем лезвие ножа.

Акива умертвил шестерых, включая омерзительную гиену-ящера, ранившую его самого. Шесть новых отметин заполнят место на правой кисти, которая – спасибо Лираз – осталась частью его тела. Сейчас ни на что не годная конечность неподвижно лежала рядом. Порванные нервы и мышцы соединили, но заработает ли рука снова, он тогда не знал.

Когда Азаил поднес к безжизненной конечности нож, Акива думал лишь о девушке из неприятельского лагеря, о том, что она тоже могла стать черной отметиной на суставе пальца какого-нибудь серафима. Мысль была невыносимой. Здоровой рукой он вырвал искалеченную у Азаила, за что тотчас же поплатился болью.

– Нисколько, – выдохнул он. – Ни одного не убил.

Азаил прищурился.

– Убил. Я видел, как ты сражался с толпой полубыков.

Но Акива не позволил сделать отметины, и Азаил удалился.

Именно тогда между ними и возникла тайна, что с годами породила трещину в отношениях и теперь, в человеческом мире, грозила разделить их навеки.

Когда Кэроу взмыла вверх с моста, Лираз последовала было за ней, но Акива бросился наперерез. Звякнули клинки. Перекрестив мечи у рукоятей, он с силой надавил, что заставило сестру отступить. С Азаила он тоже не спускал глаз, боясь, что тот станет преследовать Кэроу, но брат неподвижно стоял на мосту, не в силах оторвать взгляда от уму непостижимой картины – скрещенных мечей Акивы и Лираз.

Руки Лираз дрожали от напряжения, крылья работали с бешеной скоростью. Багровое лицо с крепко сжатыми челюстями исказилось, а глаза расширились, так что радужки казались точками на огромных белых глазных яблоках.

Взвыв как банши, она отбросила Акиву, взмахнула освобожденным мечом над головой и рубанула.

Он отразил удар. Лираз не сдерживалась. Ярость ее атаки поражала – неужели сестра в самом деле собралась его убить? Она вновь нанесла удар.

Азаил наконец очнулся и бросился к ним.

– Остановитесь! – в ужасе закричал он, попробовал вмешаться, но ему пришлось уклоняться от безудержных взмахов меча сестры.

Акива парировал, и Лираз потеряла равновесие, затем крутанулась, неловко зависла в воздухе и, бросив на Акиву полный злобы взгляд, взлетела. Крылья вспыхнули огненным шаром, при виде которого толпа зевая дружно ахнула.

Кэроу уже скрылась из виду, однако Акива не сомневался: Лираз удастся ее разыскать. Он поспешил следом. Внезапно крыши домов исчезли внизу, а с ними исчез и человеческий мир. Остался лишь свистящий в ушах воздух, вспышки крыльев и борьба: он нагнал сестру и схватил ее за руку.

Она вновь атаковала его, беспрестанно звякали клинки. Как и в Праге, когда на него напала Кэроу, Акива только отражал удары и уклонялся.

– Прекратите! – рявкнул Азаил, приблизившись к Акиве и грубо оттолкнув его от Лираз.

Теперь они были высоко над городом, в небесной тишине эхом отдавался звон стальных клинков.

– Что вы творите? – ошеломленно вопрошал Азаил. – Как вы можете нападать друг на друга?..

– Я не нападаю, – ответил Акива, отступив.

– Почему же? – прошипела Лираз. – Давай, перережь мне горло или вонзи меч в спину.

– Лираз, я не хочу причинить тебе боль...

Она расхохоталась.

– Не хочешь, но причинишь, если придется? Это ты имеешь в виду?

Действительно... На что он пойдет, чтобы защитить Кэроу? Нанесет увечья сестре или брату? С этим невозможно будет жить. Но и позволить им убить Кэроу он тоже не мог. Как случилось, что он должен делать такой выбор?

– Просто... забудьте о ней, – попросил он. – Пожалуйста. Дайте ей уйти.

Сильное волнение в его голосе не ускользнуло от Лираз, и она презрительно сощурила глаза. Глядя на нее, Акива подумал, что на ее месте тоже схватился бы за меч. Разве не этому всех троих учили с детства, как и остальных отпрысков императора? Они навсегда срослись с оружием – бездумным инструментом вековой ненависти.

Смириться с этим он не мог. И рискнул. Зачехлил мечи. Лираз молча наблюдала за ним суженными глазами.

– В Буллфинче, – сказал он, – ты спросила, кто наложил мне жгут.

Она ждала. Азаил тоже.

Акива подумал о Мадригал, вспомнил ощущение от прикосновения к ней, неожиданную гладкость кожаных крыльев, ее легкий смех, так похожий на смех Кэроу... И в памяти всплыли слова Кэроу, произнесенные этим утром: «Будь ты знаком с химерами, ты не называл бы их монстрами».

Он был знаком. И все-таки называл. Он знал и любил Мадригал и все же стал тем, кем стал, – ничтожеством с мертвыми глазами, которое чуть не убило Кэроу. Горе распустилось в нем отвратительными цветами: ненавистью, жаждой мести, душевной слепотой. Сейчас Мадригал пожалела бы, что спасла ему жизнь. Но Кэроу дала ему еще один шанс. Не стать счастливым самому, нет. Эту возможность он уже упустил.

Шанс дать мир другим. Вероятно, у них еще есть надежда на спасение.

– Это была химера, – сделав глубокий вдох, объявил он сестре и брату.

Он знал: в их ушах это прозвучит как кощунство. С колыбели их учили, что химеры – гнусные, отвратительные существа, твари, *животные*. Но Мадригал... ей удалось избавить его от предубеждения, и теперь ему предстояло сделать то же самое.

– Одна из химер спасла мне жизнь, – сказал он. – И я полюбил ее.

39. Кровь взыграет

Все изменилось для Акивы после битвы при Буллфинче. Отказавшись от татуировки, он твердо решил: если выпадет случай вновь встретиться с девушкой-химерой, он сможет сказать, что не посвятил спасенную ею жизнь убийству ей подобных.

Шанс увидеться вновь был крайне невелик, но мысль эта – поначалу мимолетная, случайная – накрепко засела в его голове, и он стал привыкать к ее скрытому присутствию. Постепенно из безумной идеи она превратилась в надежду – нестигаемую, которая изменила его жизнь: найти эту девушку, поблагодарить ее. И все. Просто поблагодарить. Дальше в своем воображении он не шел.

Одно это давало ему стимул к действию.

В лагере в бухте Морвен он оставался недолго. Военные хирурги отправили его к лекарям в Астрэ.

Астрэ.

До Кровавой Бойни, случившейся тысячелетие назад, серафимы правили Империей из Астрэ. В течение трех веков по всеобщему признанию Астрэ был светом мира, красивейшим городом из всех, когда-либо построенных. Дворцы, аркады, фонтаны – все из добытого в Эворрейне перламутрового мрамора; широкие, мощенные кварцем бульвары в тени благоухающих деревьев. Раскинувшийся на крутых утесах город возвышался над гаванью, а перед ним лежало изумрудное побережье Мирея. Как и в Праге, в небеса устремлялись шпили, на каждом из них – по божественной звезде. Божественные звезды, с благословения которых серафимы стали защитниками земли и всех ее созданий.

Божественные звезды, которые видели, как вокруг воцарился хаос.

Три сотни лет, думал Акива, жители Астрэ были уверены, что все это навечно. Теперь, десять столетий спустя, то золотое время казалось кратким эпизодом. Город почти полностью утратил свой первоначальный облик. Враги разрушили его: снесли башни, сожгли все, что горело. Если бы могли, они сорвали бы и звезды с неба. Такой вандализм не имел precedентов в истории. К концу первого дня в живых не осталось ни одного мага, погибли даже самые юные ученики, а их библиотеку – все учебники чародейства в Эреце – поглотил огонь.

В стратегическом плане это имело смысл. Серафимы привыкли свято верить в магию и после Кровавой Бойни, когда в живых не осталось ни

единого мага, стали почти беспомощными. Все ангелы, которым не удалось бежать из Астрэ, при свете полной луны угодили на жертвенный алтарь, и среди них император серафимов, предок отца Акивы. Так много ангелов лишилось жизни на алтарном камне, что в их крови, лившейся потоками со ступеней храма, на улицах тонули мелкие зверушки.

В течение долгих веков чудовища удерживали власть в Астрэ, пока Иорам, отец Акивы, в самом начале своего правления не напал на врага и не отвоевал территорию вплоть до Адельфийских гор. Он взял власть в свои руки и принялся восстанавливать Империю, сердце которой, по его словам, оставалось в Астрэ.

Где Иораму не удалось достичь успеха, так это в чародействе. Библиотека сгорела, маги погибли, серафимы помнили только самые простые приемы и за прошедшие после поражения века далеко не продвинулись.

Акива никогда не придавал магии особого значения. Он был воином, его образование этим и ограничивалось. Таинства он считал привилегией тех, кто наделен способностями. Однако, побывав в Астрэ, он изменил свое мнение. Обнаружилось, что он обладал умом, пусть солдатским, но более светлым, чем у его собратьев. К тому же в его арсенале было нечто, чем не владели начинающие маги Астрэ: происхождение, о котором ему язвительно сообщил отец.

А еще у него было самое главное.

Его боль.

Боль в плече была постоянной, как и его видение – девушка из стана врага, – и одно тесно связывалось с другим. Постепенно возвращаясь к жизни и испытывая пылающую боль в плече, он не мог не думать о ее прекрасных руках, накладывающих спасительный жгут.

Лекари с презрением отвергли назначенные полевыми хирургами лекарства и заставили его разрабатывать руку. Один из рабов – химера – растягивал ее, чтобы мышцы не потеряли упругость. Акива учился фехтовать левой рукой на случай, если правая не восстановится. Вопреки ожиданиям, рука восстановилась, хотя боль не ушла, и в течение нескольких месяцев он стал еще более искусным мечником, чем раньше. Дворцовому оружейнику он заказал двойной комплект клинков, и вскоре на учебной площадке ему не было равных. Посмотреть, как он сражается двумя руками, на утренние поединки собирались толпы народу, и среди них сам император.

– Один из моих? – оценивающе спросил Иорам.

Акива никогда не встречался с императором лично. Отпрысков у того

было множество, и вряд ли он знал всех в лицо.

– Да, мой господин, – ответил Акива, склонив голову. Плечи все еще вздымались после поединка, а правое мучительно горело, что лишь служило подтверждением его жизнеспособности.

– Посмотри на меня, – приказал Иорам.

Акива повиновался – и не увидел в стоящем перед ним серафиме никакого сходства с собой. Только с Азаилом и Лираз. Их голубые глаза и другие черты лица явно достались им от Иорама. Золотистые волосы императора чуть тронула седина. При крепком телосложении росту он был среднего, и смотреть на Акиву ему приходилось снизу вверх.

– Я помню твою мать, – сказал он, пронзив сына язвительным взглядом.

Этого Акива не ожидал.

– Глаза, – произнес император. – Их невозможно забыть, правда?

Глаза матери – то небольшое, что Акива запомнил. Остальные черты лица представлялись смутно. Даже имя ее было ему незнакомо, зато он знал, что унаследовал ее глаза.

Иорам, казалось, ждал его реакции.

– Я помню, – ответил он и ощутил чувство потери, словно, признавшись в этом, отдал в чужие руки нечто, оставшееся от нее.

– Ужас, что с ней случилось, – сказал Иорам.

Акива застыл. Он не имел ни малейшего представления о том, что произошло с матерью после их разлуки. Иорам явно дразнил его, хотел, чтобы он спросил: «Что? Что с ней случилось?» Но Акива лишь крепче сжал зубы, и Иорам ядовито улыбнулся:

– От стелианцев другого ждать не приходится. Варварское племя. Почти чудовища. Смотри, чтобы кровь не выиграла, солдат.

Император развернулся и ушел, оставив Акиву с болью в плече и еще одним, требующим срочного ответа вопросом, над которым он никогда раньше не задумывался: *что за кровь?*

Иораму не было смысла брать в наложницы стелианку: он не имел дипломатических отношений с «варварским племенем» Дальних островов, отступниками от веры серафимов, которые никогда не приносили в жертву своих женщин. Как тогда она очутилась здесь?

Стелианцы славились двумя особенностями. Во-первых, яростной борьбой за независимость. На протяжении веков они упорно отказывались войти в состав Империи, присоединиться к собратьям-серафимам. Во-вторых, своей любовью к чародейству. Издревле считалось, что первым магом был стелианец, и ходили слухи, что они до сих пор владеют магией

на совершенном уровне, недоступном остальному населению Эреца.

Иорам ненавидел их за то, что ему не удавалось ни покорить их, ни проникнуть в тыл противника, по крайней мере пока шла война с химерами. Впрочем, у столичных сплетников не было сомнений, куда он нацелит следующий удар, одержав победу над монстрами.

Что случилось с матерью, Акива так и не узнал. Гарем – закрытый мир, он не мог даже проверить, жила ли там когда-нибудь наложница-стелианка, не говоря уже о том, был ли он ее сыном. Однако встреча с отцом дала ему кое-что: сочувствие к тем, кто не состоял с ним в родстве, и интерес к чародейству.

Он прожил в Астрэ больше года. Помимо лечебной физкультуры, тренировочных поединков и нескольких часов в день, в течение которых он обучал молодых солдат боевому искусству, у него было и свободное время. После той встречи он стал проводить его с пользой. Он знал, что за магию надо платить болью. Рана обеспечивала ему нескончаемый источник боли. Наблюдая за магами (на неотесанного солдата те обращали внимания не больше, чем на пустое место), Акива освоил простейшие приемы и прежде всего научился сосредотачиваться. Он тренировался на воронах с крыльями летучих мышей и мотыльках-колибри, управляя их полетом, выстраивая их косяками, как стаи гусей, призывал их к себе на плечи или в сложенные ковшиком ладони.

Акива быстро овладел не слишком обширными познаниями: чародейство в те времена едва выходило за границы дешевых трюков. Он не питал иллюзий, что стал магом или даже приблизился к этому искусству, однако проявлял изобретательность. К тому же, в отличие от пижонов, которые называли себя магами, ему не приходилось бить себя кнутом, наносить ожоги или порезы, чтобы подстегнуть свои способности. Тупая и непрерывная боль не покидала его. Но настоящая причина его превосходства крылась не в боли и не в изобретательности. У него был стимул.

Безумная изначально идея, переросшая в надежду – снова увидеть девушку-химеру, оформилась в план.

План состоял из двух частей, и только первая была связана с чародейством: предстояло довести до совершенства магическое умение скрывать крылья. Элементарные приемы маскировки помогали обмануть зрение и сделать незаметными предметы лишь на расстоянии. С невидимостью такие приемы не имели ничего общего. Если Акива надеялся затеряться среди врагов, необходимо было придумать нечто лучше.

Над этим он упорно работал месяцами. Научился полностью погружаться в боль. Изнутри все выглядело иным, звуки и ощущения тоже были иными, дребезжащими и прохладными. Боль служила линзой, обостряющей все чувства и инстинкты. И у него получилось. Путем упорных проб и повторений он научился становиться невидимым. Это была победа, которая могла бы принести ему славу и высшие награды от императора. Но, испытывая холодное удовлетворение, он и словом ни с кем не обмолвился.

Кровь взиграет, думал Акива.

Второй частью плана было выучить в совершенстве химерский язык. По ночам он усаживался на крышу казармы, где жили рабы, и слушал истории, которыми те развлекали друг друга при свете костра, испускающего смрадный запах горящего навоза. Их сказки были неожиданно яркими и прекрасными, и, слушая, он представлял свою девушку-химеру, сидящую где-нибудь у походного костра и рассказывающую те же истории.

Свою. Он поймал себя на мысли, что называет ее *своей*, и это даже не показалось странным.

Вернувшись в расположение полка в бухту Морвен, он мог бы потратить еще немного времени на совершенствование языка, однако решил, что в общем и целом уже готов к следующему этапу, со всей его великолепной сумасбродностью.

40. Почти волшебство

В то время сквозь пространство его неумолимо влекла к себе Мадригал. Теперь – Кэроу. Тогда пунктом назначения был Лораменди, заключенный в клетку город чудовищ. Теперь – Марракеш. Как и тогда, он не взял с собой Азаила и Лираз, однако на этот раз не оставил их в неведении. Они узнали правду о нем.

Как они поступят, он не представлял.

Лираз назвала его предателем, сказала, что ее тошнит от него. Азаил молчал, пораженный и бледный.

Однако они дали ему уйти, не пролив крови – ни своей, ни их, – и это лучшее, на что он надеялся. Доложат ли они командиру, а может, и императору или прикроют его – он не знал. Мысли его были не об этом. Пролетая над Средиземным морем со счастливой косточкой в руке, он думал только о Кэроу. О том, как она ждет его среди веселой толпы на марокканской площади, где он впервые остановил на ней взгляд. Он очень ясно ее представлял, вплоть до того, как она подносит руку к шее, к тому месту, где раньше висела счастливая косточка, и каждый раз вспоминает, что ее там больше нет.

Косточка была у него. Все, что в ней заключено, – в его руках. Почти волшебство, как однажды сказала Мадригал.

До той ночи, когда он, наконец, вновь встретился с Мадригал, он не знал, что это за косточка. Мадригал носила ее на шее, на шнуре, и вещица совсем не вязалась с шелковым платьем, с гладкой кожей девушки.

– Это счастливая косточка, – сказала Мадригал, протягивая ее ему. – Возьмись пальцем за один из отростков, вот так. Потом каждый из нас должен загадать желание и потянуть. У кого останется больший кусок – тот выиграл, и его желание исполнится.

– Волшебство? – спросил Акива. – Что же это за птица, чьи кости творят волшебство?

– О, это вовсе не волшебство. На самом деле желания не исполняются.

– Зачем тогда все это?

Она пожала плечами.

– Ради надежды? Надежда – великая сила. Может, настоящего волшебства здесь и нет, но если ты знаешь, чего хотел бы больше всего на свете, и хранишь в себе надежду как огонек, она может осуществиться. Это почти волшебство.

Он любил ее без памяти. Лучистые глаза разбудили в Акиве чувство, благодаря которому он понял – раньше он жил вполсилы. В лучшем случае, вполсилы чувствовал.

– А на что надеешься ты? – спросил он, собираясь уступить, чего бы она ни пожелала.

– Рассказывать нельзя, – уклончиво ответила она. – Давай, загадывай вместе со мной.

Акива продел палец под один из тонких отростков. Он загадал то, чего не желал никогда раньше, до того мгновения, пока не встретил ее. В ту ночь желание его исполнилось, и исполнялось еще много раз. Сверкающий миг счастья, вокруг которого вращалась вся жизнь. Все, что он с тех пор делал, он делал потому, что любил Мадригал. И потерял и ее, и себя.

А теперь? Он летел к Кэроу, неся в руках хрупкую вещицу. «Почти волшебство».

Почти? На этот раз нет.

Счастливая косточка источала волшебство. Магия Бримстоуна ощущалась в ней так же сильно, как и в порталах, отчего Акиву била нервная дрожь. В косточке заключалась правда, а значит, она способна заставить Кэроу возненавидеть его.

Кэроу ничего не нужно знать. Если бы не счастливая косточка, *она* могла бы полюбить *его*. Вот бы косточка исчезла. Просто упала бы в океан. Что тогда?

Эта отвратительная мысль наполнила Акиву ненавистью к самому себе. Он попытался выкинуть ее из головы, но косточка словно подначивала его. *Ей ничего не нужно знать*, как бы нашептывала она, лежа в его руке. И далеко внизу Средиземное море, рябое и слепящее солнечными бликами, невероятно глубокое, соглашалось: *ей ничего не нужно знать*.

41. Алеф

Кэроу сидела именно в том месте, где надеялся застать ее Акива: за столиком в кафе на краю площади Джемаа-эль-Фна. И, как он и думал, испытывала беспокойство из-за отсутствия счастливой косточки. Когда-то она могла занять пальцы только карандашом. Сейчас перед ней лежал раскрытый альбом, белые страницы слепили глаза на североафриканском солнце, а она не могла сосредоточиться, то и дело нервно оглядывая площадь в поисках Акивы.

«Он придет, – говорила она себе, – и вернет счастливую косточку. Точно».

Если остался в живых.

Могли ли другие серафимы причинить ему зло? Прошло уже два дня. Что, если... Нет. Он жив. Разум Кэроу отказывался принять иное. Глупо, но она вспомнила, как когда-то давно Кишмиш проглотил колибри с крылышками мотылька, – ощущение полной неожиданности: была птичка, и ее не стало. Словно и не было.

Нет.

Разум отказывался принять это, и Кэроу сосредоточилась на счастливой косточке. Что так поразило Акиву? Что заставило его упасть на колени? Сейчас ей казалось, что ее происхождение окутано какой-то темной тайной, и Кэроу вздрогнула от дурного предчувствия. На память пришли лица Зузаны и Мика – потрясенные и испуганные. Она позвонила Зузане из аэропорта в Касабланке. Они поссорились.

– Чем ты занимаешься? – вопрошала Зузана. – И не вешай мне больше лапшу на уши о своих таинственных делах, Кэроу.

Скрывать смысла не было, и Кэроу все рассказала. Неудивительно, что Зузана встала на сторону Акивы, заявив, что затея слишком опасная и Бримстоун не одобрил бы ее.

– Я хочу, чтобы ты переехала ко мне, – сказала Кэроу. – Хозяин уже знает, он даст тебе ключ. Квартира оплачена до...

– Не нужна мне твоя дурацкая квартира, – заявила Зузана, которая жила в доме у престарелой тетки, потчевавшей ее одной капустой, и не шутила, что убила бы Кэроу только из-за квартиры. – Потому что в ней живешь ты. Нельзя просто так исчезнуть, Кэроу! Тут тебе не чертова книжка про Нарнию!

Слушать объяснения Зузана не желала. Разговор закончился нехорошо,

и Кэроу осталась сидеть с телефоном в руках – звонить больше некому. Она содрогнулась, внезапно осознав, как мало людей было в ее жизни. Мелькнула мысль об Эстер, «липовой» бабушке, но вызвала лишь досаду, от которой совсем отключился мозг. Она чуть не выбросила телефон – зарядного устройства все равно не было, – однако на следующее утро очень обрадовалась, что не сделала этого. Она сидела в кафе, когда, почти полностью разряженный, он завибрировал в кармане. Открылось сообщение: *«Еды нет. Спасибо, что утомила меня голодом. Загибаюсь...»*

Она засмеялась, закрыла лицо руками и даже прослезилась, а когда какой-то старичок спросил, все ли с ней в порядке, не смогла дать ответ.

Здесь она провела уже два дня. Две ночи пыталась уснуть в снятой неподалеку комнате. Она отыскивала Разгута на случай, если придется лететь с ним, и вновь оставила его, оплакивающего гавриэль, который ему так и не удалось у нее выклянчить. Она исполнит его желание, когда придет время лететь.

Лететь. С Акивой или без, со счастливой косточкой или без.

Сколько еще ждать?

Два дня и две нескончаемые ночи. Глаза устали искать в толпе Акиву. Сердце тяжело стучало. Вся ее стойкость куда-то подевалась. Руки знали, чего хотят: они хотели Акиву, его огня и жара. Даже в тепле марокканской весны ей было холодно, словно только он мог ее согреть. На третье утро, пробираясь по базарам к Джемаа-эль-Фна, она сделала неожиданную покупку.

Шерстяные перчатки с обрезанными пальцами. Кэроу заметила их на прилавке: плотно связанные, полосатые, с кожаными вставками на ладонях. Купив, она тут же надела их. Полуперчатки полностью скрывали хамсы. Себя не обманешь – она купила их не для того, чтобы согреться. Она знала, чего хочет. Знала, чего хотят ее руки: прикоснуться к Акиве не только кончиками пальцев, не думая об осторожности, не боясь причинить ему боль. Она хотела обнимать его и быть в его объятиях. Хотела составлять с ним одно целое, вдыхать его запах, ожить вместе с ним, открыть его для себя, держать его лицо в руках с нежностью.

С любовью.

«Ты поймешь, когда придет любовь», – пообещал однажды Бримстоун. Безусловно, он и подумать не мог, что она полюбит врага, но теперь Кэроу знала – Бримстоун прав. Она поняла. Любовь – простая и всепоглощающая, как голод или счастье, и когда на третье утро она оторвала взгляд от чашки и увидела на площади Акиву, стоящего ярдах в двадцати от нее, то испытала трепет, словно звездный свет пробежал по нервам.

Он был невредим. Он пришел.

Кэроу встала.

Ее поразило, что он просто стоял в отдалении.

А затем он пошел к ней тяжелой поступью, с мрачным лицом, медленно, словно нехотя. Ее уверенность испарилась. Она не протянула руки и даже не вышла из-за стола. Звездный свет, щекотавший нервные окончания, угас. Похолодев, она смотрела на него – медлительные движения, тусклый взгляд – и спрашивала себя: не показалось ли ей, что между ними что-то было?

– Привет, – тихо поздоровалась она, нерешительно и с надеждой. Возможно, она что-то неправильно истолковала и он все-таки откликнется на зажегшийся в ней свет. Она всегда этого хотела и думала уже, что нашла: кого-то, предназначенного только ей, чье сердце бьется в унисон с ее сердцем.

Но Акива не ответил. Сдержанно кивнув, он не предпринял попытки подойти вплотную.

– Ты невредим, – сказала она без радости в голосе.

– Ты ждала, – отозвался он.

– Я... сказала, что буду ждать.

– Сколько получится...

Разозлился, что она не дала обещания? Кэроу хотела объяснить, что тогда она еще не знала того, что знает сейчас: «сколько получится» – это на самом деле очень долго, и ей казалось, она ждет его всю жизнь. Но она промолчала под его угрюмым взглядом.

– Держи. – Он протянул висящую на шнурке счастливую косточку.

Она взяла, едва прошептав «спасибо», и надела на шею.

– И вот еще. – Он положил на стол ножи-полумесяцы. – Они тебе понадобятся.

Это прозвучало почти как угроза. Кэроу изо всех сил пыталась не расплакаться.

– Ты все еще хочешь узнать, кто ты? – спросил Акива. Он даже не смотрел на нее. Смотрел сквозь нее, как в пустоту.

– Конечно, хочу, – сказала она, хотя думала не об этом.

Сейчас ей больше всего хотелось повернуть время вспять и оказаться в Праге. Тогда она с замиранием сердца верила, что Акива придет за ней. Теперь он стоял тут как неживой, и хотя счастливая косточка была на месте и Кэроу вот-вот должна была узнать ответ на самый важный в ее жизни вопрос, она тоже чувствовала себя мертвой.

– Что случилось с остальными? – спросила она.

Он оставил вопрос без внимания.

– Мы можем куда-нибудь уйти?

– Уйти?

Акива обвел рукой толпу на площади: продавцов, складывающих пирамиды из мандаринов, туристов с фотокамерами и покупателями в руках.

– Тебе захочется остаться в одиночестве.

– Что... что такое ты собрался рассказать, что мне захочется остаться в одиночестве?

– Я ничего не буду тебе рассказывать.

До этого мгновения взгляд Акивы блуждал по сторонам, но теперь его глаза остановились на Кэроу. Глаза сверкали, как отраженные в топазах лучи солнца, и, перед тем как он вновь отвел взгляд в сторону, в них мелькнула вспышка страсти, такой глубокой, что сердце Кэроу подпрыгнуло.

– Мы разломим счастливую косточку, – сказал он.

Акива пытался представить ее взгляд, когда она все поймет. Несколько секунд он стоял на площади и смотрел, пока она не подняла глаза. Выражение тревоги, утраченной надежды на ее лице сменилось... светом. Сияние словно обволакивало и обжигало его.

В этом мгновении воплотилось все, чего он не заслуживал и что никогда не могло принадлежать ему. Ему безумно захотелось обнять ее, запустить руки в ее волосы, гладкие, волной спадающие на плечи, погрузиться с головой в ее аромат, ее нежность.

Он вспомнил историю, которую однажды рассказала ему Мадригал, – человеческую сказку о големе, сотворенном из глины существе, которого можно оживить, написав у него на лбу символ «алеф». Алеф – первая буква древнего алфавита и первая буква древнееврейского слова «истина», начало. Глядя, как Кэроу поднимается, сияющая, с лазурными волосами, в платье цвета мандаринов, с ниткой серебряных бусин вокруг шеи, видя радость и облегчение, и... *любовь*, отразившиеся на ее лице, Акива понял, что она – его алеф, его истина и начало. Его душа.

Суставы крыльев заныли от желания взлететь и в одно мгновение оказаться рядом с ней, но вместо этого он пошел к ней тяжелой поступью, удрученный. Руки, будто связанные стальной лентой, не могли протянуться к ней. Погасший взгляд, неуверенность и надежда в ее голосе – все это медленно его убивало. Лучше уж так. Если бы он не устоял и дал себе волю, потом, узнав кто он такой на самом деле, она бы еще больше его возненавидела. Поэтому он держался отстраненно, готовясь к

неминуемому.

– Разломим? – переспросила Кэроу, удивленно глядя на счастливую косточку. – Бримстоун никогда...

– Эта вещь не принадлежит ему, – сказал Акива. – И никогда не принадлежала. Он лишь хранил ее. Для тебя.

Бросить косточку в море он не смог. Ненавидел себя уже за то, что эта мысль пришла ему в голову, – еще одно подтверждение, что он недостоин Кэроу. Она заслуживала того, чтобы узнать правду, какой бы жестокой та ни была. И если он не ошибся насчет счастливой косточки, это скоро случится.

Казалось, Кэроу уловила значительность момента.

– Акива, – прошептала она, – что происходит?

А когда она посмотрела на него черными, как у птицы, глазами, испуганными и молящими, ему вновь пришлось отвернуться, чтобы справиться с собой. Это было одним из самых трудных испытаний в его жизни – не обнять ее в это мгновение.

* * *

Все так бы и продолжалось, если бы Кэроу не взглянула в глаза Акивы и не увидела в них страсть, так похожую на ее собственную. Он отвернулся, и она неожиданно испытала облегчение, словно щелкнул замок и упали наручники. Терпеть больше не было сил. Она потянулась к нему. Она взяла его за руку, мягко прижавшись к его коже ладонью с закрытой полуперчаткой хамсой, и повернула к себе. Шагнула ближе, запрокинула голову, чтобы видеть его лицо, и взяла вторую руку.

– Акива, – тихо сказала она, при этом голос ее уже звучал не испуганно, а глубоко, и страстно, и нежно. – Что происходит?

Ее руки поползли вверх по его плечам, шее, суровому и ровному подбородку, потом коснулись губ, таких мягких. Губы дрожали.

– Акива, – повторяла она. – Акива. Акива.

Казалось, она просила: «Достаточно. Хватит притворяться».

И, содрогнувшись, он повиновался. Опустил голову, прижался лбом к ее согретому солнцем лбу. Обнял ее, притянул к себе. Они были как две сложенные вместе спички, чиркнув которыми, можно зажечь звездный свет. Вздохнув, Кэроу успокоилась и растаяла в его объятиях. Она прижималась щекой к его колючей шее, а он ощущал собственной щекой идеальную гладкость ее волос. Они простояли так долго, не шелохнувшись, зато их кровь, и нервы, и бабочки внутри них буйствовали – оживленно, бодро

звенели, слагая бурные и прекрасные мелодии, совпадающие в каждой ноте.

Счастливая косточка, маленькая, но острая, была между ними.

42. Пыл, и острота, и всеохватность чувств

– Сюда. – Кэроу указала на небесно-голубую дверь в пыльной стене.

Их пальцы были переплетены. Шагая по медине, Кэроу чувствовала себя словно плывущей по волнам. Они шли медленно, останавливались посмотреть на работу ткача, поглазеть на щенков в корзинке, потрогать острия фигурных кинжалов – все, что угодно, лишь бы не спешить.

Однако, как бы они ни медлили, все равно в конце концов пришли. Акива проследовал за Кэроу по темному проходу, откуда они попали в залитый светом внутренний дворик, тайный мирок, открытый лишь небу. В центре обсаженного финиковыми пальмами и облицованного мелкой плиткой двора бил фонтан. Балкон опоясывал второй этаж по всему периметру. Комната Кэроу с высоким бревенчатым потолком, в которую вела винтовая лестница, по размерам превосходила ее пражскую квартиру. Стены матово-красные, отделанные марокканской штукатуркой, на кровати – одеяло из берберской шерсти с вытканым тайным посланием на языке символов.

Акива закрыл дверь и выпустил руку Кэроу. Настал момент разломить косточку.

Вот и все.

Вот и все.

Акива отошел к окну, отбросил волосы назад, проведя сквозь них пальцами, – этот жест уже стал ей знакомым – затем посмотрел на нее.

– Ты готова, Кэроу?

Нет.

Она была не готова. Внезапно ее охватила паника – в груди словно захлопали крылья.

– Давай подождем, – сказала она с напускной легкостью. – Все равно полетим только после того, как наступят сумерки.

После захода солнца они собирались найти Разгута и под покровом темноты добраться с ним до портала.

Акива сделал несколько нерешительных шагов в ее сторону и остановился вне досягаемости.

– Мы можем подождать, – согласился он, и даже как будто обрадовался. А потом очень мягко добавил: – Но легче не станет.

– Ведь ты рассказал бы, если бы знал обо мне нечто ужасное?

Он подошел ближе и медленно погладил ее волосы. Она по-кошачьи

прогнулась от его прикосновения.

– Не нужно бояться, Кэроу. Ведь это ты. А ты – прекрасна.

Робкая улыбка тронула ее губы. Она вздохнула и сказала с облегчением:

– Ладно. Мне... присесть?

– Если хочешь.

Она подошла к кровати, забралась на середину, поджала под себя ноги и расправила на коленях оранжевое платье, которое купила на базаре в ожидании встречи с Акивой. Для путешествия она тоже подобрала наряд, более практичный. Теперь одежда, как и другие принадлежности, которые пришлось приобрести из-за столь внезапного отъезда из Праги, были упакованы в новую сумку. Она обрадовалась, что Акива привез ножи, но боялась, что когда-нибудь они ей понадобятся.

Он сел лицом к ней, вытянув ноги, наклонив вперед плечи, словно подчеркивая их ширину.

В это мгновение Кэроу вновь ощутила проблеск воспоминания, поверхность времени словно лопнула, и она увидела его, сидящего вот так же, с опущенными и расслабленными плечами, но... плечи были оголены, как и смуглая мускулистая грудь; правое плечо – сплошной рубец из шрамов. Вновь на его лице была улыбка, от ее красоты щемило сердце. Через миг видение пропало.

Кэроу моргнула, наклонила голову и пробормотала:

– О.

– Что? – спросил Акива.

– Иногда мне кажется, что я вижу тебя в другом времени... Не знаю. – Она потрясла головой, чтобы избавиться от видения. – Твое плечо... Что с ним?

Он дотронулся до плеча и внимательно посмотрел на нее.

– Что ты видела?

Она покраснела. В то мгновение в нем, сидящем без рубашки, счастливом, было нечто необыкновенно чувственное.

– Ты... улыбался, – только и произнесла она. – Никогда не видела у тебя такой улыбки.

– Это было давно.

– Улыбнись мне, – попросила она.

Он не улыбнулся. Лицо его исказилось болью, он опустил глаза на костяшки пальцев, потом снова взглянул на нее.

– Иди сюда, – сказал он, снял с ее шеи шнурок со счастливой косточкой и взялся за один из отростков. – Вот так.

Кэроу не последовала его примеру.

– Что бы ни случилось, – сказала она, – мы не станем врагами. Все зависит от нас, так ведь?

– Все будет зависеть от тебя, – ответил он.

– Но я уверена...

Он печально покачал головой.

– Ты не можешь быть уверена. Не можешь, пока все не узнаешь.

Кэроу раздраженно вздохнула.

– Ты говоришь как Бримстоун, – проворчала она и стала собираться с мыслями. Наконец она подняла руку и продела мизинец под свободный отросток. Палец коснулся пальца Акивы, и даже от такого небольшого контакта все внутри нее закипело.

Теперь каждому осталось лишь потянуть на себя. Кэроу помедлила, надеясь, что Акива сделает это первым, но затем поняла, что он будет ждать ее. Посмотрела в его глаза – он безотрывно глядел на нее – и напрягла мышцы.

На этот раз убрал руку Акива.

– Подожди, – сказал он. – Подожди.

Он прикоснулся к ее щеке, и она накрыла его ладонь своей.

– Я хочу, чтобы ты знала. – Он судорожно сглотнул. – Мне необходимо, чтобы ты знала: меня влекло к тебе – к тебе, Кэроу, – еще до того, как я узнал о счастливой косточке. И я думаю... я думаю, что я все равно бы тебя нашел, где бы ты ни пряталась. – Он посмотрел на нее необычайно проникновенным взглядом. – Твоя душа поет в унисон с моей. Моя душа принадлежит тебе, и так будет всегда, в любом из миров. Что бы ни случилось... – Его голос надломился, и он перевел дыхание. – Я хочу, чтобы ты помнила: я люблю тебя.

Люблю. Кэроу почувствовала себя окутанной светом. Заветное слово порхнуло на ее губы, чтобы сорваться с них ответом, но Акива умолял:

– Скажи, что ты будешь помнить. Пообещай мне.

Пообещать не составило труда. Акива молчал, и Кэроу, затаив дыхание, уже решила, что он не собирается поцеловать ее. Что было бы странно после таких слов. Если бы он этого не сделал, она бы возмутилась. Но нет.

Одна из его рук уже лежала на ее щеке. Он поднял вторую и взял ее лицо в ладони, дотронулся ртом до ее рта. Прикосновение легкое, как шепот, – мягко-мягко полная нижняя губа Акивы задела губы Кэроу, и снова между ними оказалось пространство, маленькое пространство, их лица были так близко друг к другу. Они дышали одним воздухом,

притяжение росло, и пространство вновь исчезло, остался один лишь поцелуй.

Сладкий, и теплый, и волнующий.

Мягкий, и крепкий, и глубокий.

Мятный аромат дыхания Кэроу, соль на коже Акивы.

Его руки до запястий погрузились в ее волосы, как в воду. Ее ладони приникли к его груди и ощутили сердцебиение, счастливая косточка была забыта...

Сладость уступила место иному. Страсти. Акива был такой настоящий – соль и мускус, огонь и плоть, и биение сердца. Его губы, подбородок, шея, мягкая впадинка за ухом, то, как он вздрагивал, когда Кэроу целовала его там... а потом каким-то образом ее руки оказались под рубашкой. Пальцы скользили по его телу, он крепко обнял ее.

Кэроу откинулась назад, притянула Акиву к себе. Ощущение его тела, обжигающее и... знакомое: она была собой, но одновременно кем-то другим, выгибалась дугой и по-звериному урчала.

Акива резко отстранился.

Решительно встал. Кэроу села на кровати. Дыхание перехватило. Платье сбилось у бедер, на одеяле лежала позабытая косточка, Акива стоял в изножье кровати, отвернувшись, с опущенной головой. Ритм его дыхания совпадал с дыханием Кэроу даже сейчас. Кэроу молчала, обессиленная страстью. Ни разу в жизни она не испытывала ничего подобного. Теперь, когда между ними было пространство, она корила себя: зачем она зашла так далеко? Но все же ей хотелось вернуть все назад – и пыл, и остроту, и всеохватность чувств.

– Прости, – натянуто сказал Акива.

– Нет, я сама виновата. Все в порядке, Акива, я тоже тебя люблю...

– Не в порядке. – Он повернулся, тигриные глаза сверкали. – Этого не должно было произойти, Кэроу. Не хочу, чтобы ты возненавидела меня еще больше...

– *Возненавидела* тебя? Как я могу...

– Кэроу, – перебил он, – ты должна узнать правду прямо сейчас. Нужно разломить косточку.

И наконец они сделали это.

43. Щелчок

Вещица, такая маленькая и хрупкая, издала резкий, чеканный *щелчок*.

44. Цельность

Щелк.

Порыв – словно ветер ворвался в дверь. Кэроу была и ветром, и дверью, и домом, куда ворвался ветер.

Она проникла в себя.

Наполнилась собой.

Закрела дверь. Ветер утих. Все оказалось так просто.

Она обрела цельность.

45. Мадригал

Она – дитя.

Она летит. Разреженным воздухом трудно дышать, мир так далеко внизу, что даже играющие в догонялки луны сверху кажутся сверкающими коронами на детских головках.

Она уже не ребенок.

Она спускается с неба между ветвями деревьев. Темно, однако слышно, как в роще рассекают крыльями воздух эвангелины, ночные змееголовые птицы, пьющие нектар скорбных цветов. Они летят на ее зов – шшух-шшух, – вьются вокруг, задевают крыльями цветы, и золотая пыльца осыпается ей на плечи.

Позже, когда возлюбленный станет жадно целовать ее, от пыльцы занеমেют его губы.

Она в бою. Серафимы падают с неба, оставляя огненный след.

Она любит. Словно звездным светом, светится любовью изнутри.

Она восходит на эшафот. На нее смотрят многие тысячи лиц, но она видит лишь одно.

На поле боя она стоит на коленях рядом с умирающим ангелом.

Ее окутали крылья. Кожа пылает, любовь как пожар.

Она всходит на эшафот. Руки скручены за спиной, крылья связаны. На нее смотрят многие тысячи лиц; топот ног, копыт; глумливый свист и гиканье перекрывает один голос. Это кричит Акива, и от его крика призраки выскакивают из своих гнездилищ.

Она – Мадригал Кирина, посмевающая мечтать о другой жизни.

Огромное лезвие сверкает, как падающий с неба диск луны.
Вдруг...

46. Вдруг

Кэроу ахнула. Судорожно схватилась руками за шею – она была невредима.

Моргнув, Кэроу посмотрела на Акиву, а когда тихо произнесла его имя, оно прозвучало по-новому: в нем слышалось благоговение, и любовь, и мольба, словно голос восстал из глубин времени. Так и было.

– Акива, – выдохнула она, в полной мере ощущая свое «я».

С болью, с тоской в глазах он смотрел на нее и ждал.

Она опустила руки и сняла перчатки. Ладони дрожали. Она в изумлении уставилась на них.

Ладони тоже пристально смотрели на нее.

Они смотрели на нее – два глаза цвета индиго, – и она поняла, что сделал Бримстоун.

Наконец она все поняла.

Когда-то давным-давно в мире было две луны, две сестры.

Нитид была богиней слез и жизни, и небо принадлежало ей.

Эллаи же не почитал никто, кроме тайных любовников.

47. Уничтожение

Мадригал взошла на эшафот: руки скручены за спиной, крылья связаны. Никакого смысла эта мера предосторожности не имела – над головой дугой изгибались прутья стальной клетки. Прутья защищали от набегов серафимов и не использовались для того, чтобы удержать химер, но сегодня они служили именно этой цели. У Мадригал был один путь – к собственной смерти.

– Это ни к чему, – возражал Бримстоун, когда Тьяго приказал связать ей крылья. Тихий, почти неслышный голос проскрежетал, словно что-то протаскивали по земле.

Тьяго – Белый Волк, генерал, сын и правая рука Воителя, – сам все прекрасно знал, но оставил его слова без внимания. Он жаждал ее унижить. Смерти Мадригал было для него недостаточно. Ему хотелось видеть ее жалкой, раскаивающейся.

Он будет разочарован. Скрутить ей руки, связать крылья, принудить встать на колени – это он мог, однако не в его власти было заставить ее каяться.

Она не жалела о том, что сделала.

Во дворце на балконе, сверкая золотыми наконечниками на оленьих рогах, восседал Воитель. Тьяго находился рядом с отцом. По другую сторону от Воителя обычно сидел Бримстоун, но сейчас его место пустовало.

Тысячи глаз неотрывно следили за Мадригал, какофония голосов усиливалась, гул временами переходил в улюлюканье. Раздавался неистовый топот ног. На памяти живущих экзекуций на площади не проводили, но собравшиеся знали, что делать: ненависть была готова возродиться.

Раздался обвинительный вопль:

– Любовница ангелов!

Кое-кого в толпе обуревали сомнения. Мадригал – воплощенная красота, само изящество, – могла ли она совершить столь невообразимое?

А потом вывели Акиву. По приказу Тьяго ему предстояло увидеть все своими глазами. Стража, сбив его с ног, заставила встать на колени на платформе прямо напротив Мадригал, чтобы ничто не загораживало ему вид. Даже в цепях, весь в крови, измученный пытками, Акива был прекрасен. Крылья сверкали, взгляд пылающих диким огнем глаз прикован

к ней, и сердце Мадригал наполнилось теплом, и нежностью, и горьким сожалением о том, что ее тело больше никогда не познает его, губы никогда не прикоснутся к его губам и мечтам никогда не суждено будет сбыться.

На глаза навернулись слезы. Она улыбнулась ему, и любовь в ее взгляде проявилась настолько откровенно, что ни у кого из наблюдавших не осталось сомнения: она виновна.

Предательницу Мадригал Кирин, полюбившую врага, приговорили к смертной казни и, более того, к наказанию, не применявшемуся многие сотни лет: к уничтожению.

Она стояла на эшафоте лицом к лицу с палачом. С высоко поднятой головой шагнула к плахе и опустилась на колени. В это мгновение закричал Акива. Крик его воспарил над толпой, вывернул наизнанку души всех собравшихся, выгнал призраков из гнездилищ.

Этот звук пронзил сердце Мадригал, всей душой стремившейся к любимому. Она понимала: Тяго хотел сломить ее, услышать плач и мольбы. Но нет. В этом не было смысла. Ни малейшей надежды остаться в живых.

В последний раз взглянув на любимого, она положила голову на плаху – обычную для Лораменди черную каменную колоду, горячую, как наковальня. Акива кричал, и сердце ее откликалось. Пульс бешено бился – вот-вот ее настигнет *смерть*, – но Мадригал хранила спокойствие. У нее был план, и его-то она и придерживалась, когда палач занес над головой меч – огромный и сверкающий, как падающий диск луны. Ей предстояло кое-что сделать, и она не могла позволить себе отвлечься. Она еще не осуществила свой замысел.

После смерти она собиралась спасти Акиве жизнь.

48. Чистая

Мадригал Кирин была родом из Киринов, одного из последних крылатых племен Адельфийских гор. Адельфы служили естественным бастионом между Империей серафимов и свободными землями – охраняемыми химерами территориями, – и в течение многих веков никому не удавалось остаться невредимым среди их вершин. Кирины, стремительные как молнии, отменные лучники, пережили многие племена. Их уничтожили лишь десять лет назад – Мадригал в то время была ребенком. Она выросла не в горах, а в Лораменди, среди башен и крыш.

В Лораменди – Клетке, Черной Крепости, Гнезде Воителя – обитали около миллиона химер, существа всевозможных разновидностей, которые исключительно из-за серафимов жили бок о бок друг с другом, вместе сражались и даже говорили на одном языке. Давным-давно, когда племена были разрозненны, изолированы, иногда вели между собой торговлю, порой сходились в схватках, представитель Киринов – такой, как Мадригал, – с Анолисом из Иксими общего имел не больше, чем волк с тигром. Но Империя все изменила. Назвав себя хранителями мира, ангелы восстановили против себя всех. Теперь у живущих на этих землях существ были общие культура и язык, общие история, герои. Они стали одной державой со столицей в городе Лораменди, правил которой Воитель.

В Лораменди, обнесенном черными крепостными стенами и решетками, в порту на берегу широкого залива причаливали военные корабли, рыболовные и торговые суда. Рябь на поверхности воды свидетельствовала об амфибиях, которые, будучи частью альянса, сопровождали корабли и сражались на их стороне. Населявшие город разнообразные существа, хотя за века и перемешались друг с другом, все же стремились жить общинами или в достаточной близости от соплеменников, подчиняясь основанной на видах кастовой системе.

Мадригал относилась к высшему виду, человеческому – так называли племена с человеческими головами и торсами. Она носила газельи рога, черные и рифленые, изогнутые как ятаганы. Ноги у колен переходили в покрытые шерстью газельи голени, придающие им изысканную удлиненную форму, так что полный ее рост, не считая рогов, приближался к шести футам. Она была стройна, как стебелек, с карими, широко посаженными глазами, большими и блестящими, как у лани, но не безучастными. Глаза были пронзительные, необыкновенно живые и умные,

искрящиеся. Лицо овальное, гладкое и ясное, рот – большой и подвижный, созданный для улыбки.

Все ее считали красавицей, хотя она прилагала минимум усилий для поддержания своей красоты, волосы стригла коротко, не красилась и не надевала украшений. Все это не имело значения. Красоту невозможно не заметить.

Тьяго заметил.

Мадригал пряталась, хотя стала бы отрицать, если бы ее в этом уличили. Она вытянулась на спине на крыше северных казарм, распластав крылья по бокам, будто упала с неба. Или нет, упасть с неба ей помешали бы стальные прутья. Она была внутри Клетки.

Жизнь в городе была ключом – кругом приготовления, сумасшедший ажиотаж. Она не только ощущала это, но и слышала, и обоняла: жарилось мясо, настраивались музыкальные инструменты. Рядом с легким шипением пролетел и погас запущенный на пробу фейерверк. Вместо того, чтобы готовиться, как все, она пряталась здесь. Одета она была не в праздничное платье, а в обычные солдатские штаны – кожаные брюки, прилегающие к ноге до колена, – и жилет со шнуровкой сзади, сквозь которую проходили крылья. Клинки, по форме напоминавшие месяц, висели по бокам. Она казалась расслабленной, даже вялой, но внутри все klokотало, ладони сжались в кулаки.

А тут еще и луна. Хотя всю светило солнце – день был в самом разгаре, – Нитид уже выплыла на небо, словно Мадригал в самом деле нуждалась в знаке. Среди Киринов ходило поверье: если Нитид – яркая луна, старшая из сестер, – восходит раньше срока, значит, что-то случится. В этот вечер нечто непременно должно было произойти, только Мадригал пока не знала, что именно.

Все зависело только от нее. Непринятое решение напрягало, как туго натянутый лук.

Тень, поднятый крыльями ветер – и Чиро, ее сестра, приземлилась рядом.

– Вот где ты прячешься!

– Я не прячусь... – попробовала возразить Мадригал, но Чиро не слушала.

– Поднимайся! – Она попинала ногой по копытам Мадригал. – Вставай, вставай, вставай! Идем к купальням.

– К купальням? Зачем? – Мадригал обнюхала себя. – По-моему, от меня не пахнет.

– Может и нет, но между *сияющей чистотой* и *отсутствием запаха* огромная разница.

У Чиро, как и у Мадригал, были крылья летучей мыши; в отличие от Мадригал, она относилась к виду тварей – с головой шакала. Они не были сестрами по крови. Мадригал осиротела, когда в ее племя явился враг, чтобы закабалить его. Выжившие пришли в Лораменди – горстка старцев и несколько малышей, которым удалось спрятаться в пещерах, и среди них семилетняя Мадригал. Ее не захватили только потому, что она ушла из дому: гуляла в горах, собирая сброшенные шкурки духов воздуха в покинутых ими гнездах, а когда вернулась, то обнаружила лишь руины и трупы. Родители ее не погибли, их увели в рабство. Долгое время она мечтала, что отыщет их и освободит, но огромная Империя словно проглатывала своих рабов, и с каждым годом ей становилось все труднее осуществить свою мечту.

В Лораменди ее отдали на воспитание в семью Чиро, выходцев из пустынного племени Саб, главным образом потому, что у всех ее членов были крылья и они могли угнаться за Мадригал. Они росли вместе с Чиро как настоящие сестры.

Чиро, с кошачьими ногами – а если точнее, с ногами степной рыси, – присела рядом в позе сфинкса.

– Для бала, – произнесла она, – тебе, надеюсь, потребуется *сияющая чистота*.

Мадригал вздохнула.

– Для бала...

– Не притворяйся, ты не забыла, – сказала Чиро.

Она, конечно, была права. Мадригал не забыла. Разве об этом забудешь?

– Вставай. – Чиро вновь попинала по ее ногам. – Поднимайся.

– Прекрати, – брыкнув ногой в ответ, пробормотала Мадригал.

– Платье и маску ты хотя бы приготовила? – не унималась Чиро.

– Когда мне их готовить? Я вернулась из Эзерета только...

– Неделю назад. Прошло уже столько времени. Честное слово, Мад, ведь это не простой бал.

«Вот именно», – подумала Мадригал. Иначе она не пряталась бы на крыше, пытаясь сбежать от тяжелых мыслей, заставляющих сердце метаться как мыш-скорпион. Она бы сейчас радостно готовилась к величайшему в году празднику – дню рождения Воителя.

– На тебя будет смотреть Тяго, – сказала Чиро, словно Мадригал могла об этом забыть.

– Имеешь в виду, смотреть *алчущим* взором?

Разглядывать, облизываться и ждать знака.

– Ты этого заслуживаешь. Брось, это же сам Тьяго! Не верю, что тебя это не волнует.

В самом деле? Генерал Тьяго, Белый Волк, обладающий силой самой природы, гениальный и беспощадный, гроза ангелов, творец фантастических побед. Помимо всего прочего, он был красив, и мысли о нем всегда волновали Мадригал, хотя она не могла точно определить, что чувствовала: возбуждение или страх. Он уже объявил, что вновь готов жениться и оказывает предпочтение *ей*. От его внимания становилось тепло, хотелось кокетничать, уступать, совершать нелогичные поступки. И в то же время упорствовать, бороться с его подавляющим присутствием, чтобы не утратить себя в его величественной, всепоглощающей тени.

Принять его ухаживания или нет – выбор за ней. Не романтично, но голову кружило.

Тьяго обладал огромной силой и идеальным телосложением. Он принадлежал к человеческому виду, однако у колен его ноги переходили не в антилопии, как у нее, а в мощные волчьи лапы, покрытые белой шелковой шерстью. Несмотря на юное лицо, волосы на голове тоже были белые и шелковистые, а однажды Мадригал через щель в походной палатке увидела его грудь – и на ней росла белая шерсть.

Она проходила мимо, когда из палатки выскочил секретарь, и она увидела генерала, облачающегося в доспехи. Окруженный свитой, он вытянул руки, чтобы надеть кожаный нагрудник. Великолепный мужской торс клином сужался к стройным бедрам, брюки облегали его ниже безупречного рельефа брюшного пресса. Всего лишь мимолетный взгляд – и образ навсегда отпечатался в памяти Мадригал. При мысли о нем ее охватывал едва уловимый трепет.

– Ну, может, и волнует *немножко*, – призналась она.

Чиро хихикнула. В смешке прозвучала фальшь, и Мадригал с болью в сердце подумала, что сестра ревнует. Честь стать избранницей Тьяго делала ее уязвимой. Он мог овладеть всем, что пожелает, и он пожелал ее.

Но нужен ли *он ей*? Если да, все было бы просто. Разве не сидела бы она уже в купальне, не благоухала бы духами, не смазывала кожу маслами и не грезилась о его объятиях? По телу пробежала легкая дрожь. Мадригал решила, что это нервы.

– Как ты думаешь, что будет, если... я ему откажу? – отважилась выговорить она.

Чиро возмутилась:

– Откажешь? Ты не заболела? – Она потрогала лоб Мадригал. – А может, ты *пьяна*?

– Хватит. – Мадригал оттолкнула ее руку. – Просто... ты можешь представить, как это... остаться с ним наедине?

Рисуя в воображении эту картинку, она представляла, как Тяго наваливается на нее и дышит в лицо и... *кусает*, хотелось забиться в угол. Но с другой стороны, не имея опыта, она, возможно, просто нервничала и полностью ошибалась насчет него.

– С чего бы *мне* это представлять? – фыркнула Чиро. – Меня-то он не выберет.

Злости в ее голосе не было. Скорее наоборот, он прозвучал чуть веселее, чем нужно.

Безусловно, она подразумевала свою принадлежность к виду – хоть химерские племена смешивались путем браков, союзы между видами были запрещены. Впрочем, здесь было еще кое-что. Даже если бы Чиро и относилась к человеческому виду, она не подошла бы под другой критерий, не связанный с кастами. Это мерило Тяго установил сам, и Мадригал – на свое счастье или беду – ему соответствовала. В отличие от ладоней Чиро, ее ладони не были помечены хамсами. Ей не довелось проснуться на каменном столе в клубах дыма, возвращающего с того света.

Она все еще была «чистой».

– Какое лицемерие – возводить в культ чистоту, – произнесла она. – Он сам не чистый! Он даже не...

– Да, но он ведь – Тяго, – перебила Чиро. – Он может быть кем захочет. Не то что некоторые.

Эта колкость, в отличие от пинков, достигла своей цели. Мадригал резко села.

– *Некоторым*, – ответила она, – не мешает научиться ценить то, что у них есть. Бримстоун сказал...

– Бримстоун сказал то, Бримстоун сказал сё. А не соизволил ли всемогущий Бримстоун дать тебе совет насчет Тяго?

– Нет.

Мадригал предполагала, что Бримстоун знает об уходе Тяго, если это можно так назвать, однако он, к ее радости, ни разу не заговорил об этом. Бримстоун обладал полной непогрешимостью, чистотой помыслов, свойственной лишь ему одному. Он жил работой, своей блистательной, великолепной, потрясающей работой. Подземный собор, пыльный воздух лавки, насыщенный едва уловимыми вибрациями тысяч зубов; не в последнюю очередь – дверь, такая манящая, и мир, в который

она вела. Всем этим Мадригал необычайно увлеклась.

Каждую свободную минуту она старалась провести с Бримстоуном. Долгие годы уламывала его, пока, наконец, он не согласился обучить ее – свою первую ученицу, – и гордилась его доверием куда больше, чем вниманием Тьяго.

– Что ж, – сказала Чиро, – тогда, возможно, стоит спросить его, если ты действительно не знаешь, как поступить.

– Еще не хватало, – раздраженно ответила Мадригал. – Справлюсь сама.

– Справишься? Мне бы твои проблемы. Не каждой выпадает такой шанс, Мадригал, стать женой Тьяго. Сменить кожаные одежды на шелковые наряды, казармы на дворец, жить в безопасности, быть любимой, обеспечить себе положение в обществе, рожать детей, состариться... – Голос Чиро дрожал, и Мадригал знала, что она сейчас скажет. Лучше бы она промолчала; уже и так было стыдно. Проблема Мадригал вовсе не казалась проблемой носившей хамсы Чиро.

Чиро, прошедшей через смерть.

Рука Чиро взметнулась к сердцу, к тому самому месту, где стрела ангела пронзила ее в прошлом году в битве за Каламет.

– Мад, у тебя есть шанс состариться в собственном теле. Некоторым из нас остается лишь ждать очередной смерти. Смерть, смерть и еще раз смерть.

Мадригал взглянула на собственные чистые ладони и ответила:

– Я знаю.

49. Зубы

Секрет стойкости химер приводил ангелов в бешенство, не давал им покоя по ночам, звенел в мозгу и когтями впивался в душу. В нем заключалась разгадка тайны вражеских армий, все прибывающих и прибывающих, никогда не слабеющих, сколько бы монстров ни уничтожили серафимы.

В прошлом году под Каламетом, когда Чиро сразила стрела, Мадригал была рядом. Сестра умирала у нее на руках: кровавая пена текла сквозь острые собачьи зубы, Чиро взбрыкивала ногами, дергалась и наконец затихла. Мадригал исполнила то, чему ее учили и что она делала уже много раз, правда, не для столь близких людей.

Уверенной рукой она подожгла ладан в кадильнице, висящей на длинном крюке, который химерские воины привязывали к спинам, и дождалась, пока дым окутал Чиро. Дождем сыпались стрелы, вонзаясь в землю в опасной близости, но она не сдвинулась с места, пока не закончила. Две обязательные минуты – по нормативу. Две минуты показались двумя часами в ливне стрел, но Мадригал не отступила. Второго шанса могло не быть. Яростная атака серафимов отбросила их от стены Каламета. Она стояла перед выбором: забрать тело Чиро с собой либо закончить сбор душ и оставить его здесь.

Чего нельзя было делать, так это оставлять душу Чиро в теле.

Когда Мадригал наконец покинула поле боя, то унесла душу сводной сестры с собой, в кадильнице, среди многих других, собранных ею в тот день. Тела остались разлагаться. Тела были просто телами.

В Лораменди Бримстоун уже готовил новые.

Бримстоун работал реаниматором.

Вдыхал жизнь в изорванные тела убитых в боях; делал тела. Магия эта творилась в подземном соборе. Из простейших останков – зубов – Бримстоун создавал новые тела, в которые помещал души погибших воинов. Так год за годом армия химер не отступала под давлением великой мощи ангелов.

Если бы не он и не зубы, химеры бы не устояли. В этом не было сомнения. Они бы не устояли.

– Это для Чиро, – сказала Мадригал, протянув Бримстоуну ожерелье.

Из зубов человека, летучей мыши, степной рыси и шакала. После возвращения из Каламета она корпела над ожерельем долгие часы, не отвлекаясь ни на сон, ни на еду. Веки словно налились свинцом. Она по одному доставала из банки шакальи зубы, прислушивалась к каждому по отдельности, пока не убеждалась, что у нее в руках лучший – самый чистый, гладкий, острый, крепкий. То же она проделала и с другими зубами, а между ними нанизала самоцветы: нефрит для изящества, алмазы для силы и красоты. Алмазы были роскошью, непозволительной для обычных солдат, но Мадригал демонстративно выбрала их, и Бримстоун не стал возражать.

Ему осталось лишь убедиться, что она правильно составила ожерелье. Как он и учил, она тщательно выверила компоновку зубов и самоцветов для создания тела. Если хоть немного изменить порядок, тело тоже изменится: к примеру, вместо шакальей головы получится голова летучей мыши, а вместо человеческих ног – рысьи. Частично тут работала рецептура, а частично – интуиция, и Мадригал была уверена, что ожерелье идеально.

После воскрешения Чиро будет выглядеть почти в точности так же, как в собственном теле.

– Молодец, – похвалил Бримстоун и вдруг сделал нечто необычайно редкое – прикоснулся к ней. Огромная ладонь на миг легла на затылок Мадригал.

Она покраснела от гордости. Исса все видела и улыбнулась. Бримстоун редко кого называл «молодцом»; прикосновение же – уникальный случай. Отношения между ним и Мадригал были необычными и давались девушке ценой больших усилий.

Отшельника Бримстоуна нечасто видели за пределами его владений в западной башне Лораменди. На публике он появлялся исключительно по левую руку от Воителя и внушал такое же почтение, только другого сорта. Их считали ожившими легендами, почти богами. Как-никак именно они организовали восстание в Астрэ, в результате которого господа-ангелы умирали в реках крови. Те, кому удалось выжить, год за годом терпели неудачи, а химеры тем временем окрепли и отхватили у Империи обширные территории, чтобы основать там свободные земли.

Воитель играл всем понятную роль – генерал, лицо и глас восставших, его любили как отца союзнических племен. Миссия Бримстоуна была не столь очевидной. Жуткая внешность придавала ему таинственность и в большей мере порождала догадки и домыслы, чем вызывала преклонение. Вокруг него ходила масса слухов; некоторые были почти правдой, другие были далеки от нее.

К примеру, он не питался людьми.

Зато у него *была* дверь в их мир – Мадригал довелось убедиться в этом собственными глазами, когда в возрасте десяти лет ее отдали ему в пажи.

Наставница выбрала ее из-за крыльев, по чистой случайности. Она могла запросто остановить свой выбор на Чиро, но заметила сироту Мадригал, худощавую, любознательную и одинокую, и отправила к Бримстоуну, дав не совсем понятную команду: делать, что говорят, и помалкивать о том, чему научат.

Чему ее собирались научить? Эта загадка тотчас раздула пожар любопытства в голове у Мадригал. Когда, с широко распахнутыми глазами, дрожа от волнения, она явилась в западную башню, миловидная женщина-кобра, Исса, провела ее в лавку и предложила чаю. Мадригал не отказалась, но так и не притронулась к чашке: ее внимание было полностью поглощено новым окружением. Взять, к примеру, Бримстоуна. Она видела его издали несколько раз, однако вблизи он оказался куда больше, чем она представляла. Бримстоун возвышался горой над рабочим столом и не обращал на нее внимания. Хвост с пушистым кончиком, которым он по-кошачьи размахивал, ее напугал. Мадригал обвела взглядом полки и пыльные книги; посмотрела на широкую дверь с бронзовыми петлями-завитушками, – возможно (так хотелось в это верить), она вела в другой мир. И, конечно, увидела зубы.

Повсюду зубы: нанизанные на нитки, в пыльных склянках, острые и тупые, огромные и мелкие, как крупинки града. Пальчики так и зачесались потрогать их, но стоило только этой мысли мелькнуть в ее головке, Бримстоун смерил ее своими глазами со зрачками-щелками, и желание пропало. Мадригал замерла. Он отвел взгляд, и она просидела в напряжении почти минуту, прежде чем попробовала дотянуться пальцем до изогнутого кабаньего клыка...

– Не смей.

О, что это был за голос! Глухой, как из подземелья. Ей следовало бы испугаться, – и, возможно, она все-таки немножко струсила, – но пожар в голове был сильнее страха.

– А зачем они? – робко спросила она.

Первый вопрос из многих. Очень, очень многих. Бримстоун не ответил. Дописав послание на плотной кремовой бумаге, он отправил ее к секретарю Воителя. Для этого она и была нужна – передавать донесения и быть на посылках, чтобы Твиге и Ясри не приходилось бегать вверх-вниз по длинным винтовым лестницам. Разумеется, никакого ученика он не искал.

Но однажды Мадригал увидела его магию во всей полноте. Воскрешение! По значимости оно не уступало бессмертию – сохранение химер и осуществление их надежд на свободу и независимость. Роли пажа ей было недостаточно.

«Можно, я сотру пыль с банок?»

«Я могла бы помочь. Я тоже могу делать ожерелья».

«Это зубы аллигатора или крокодила? А как их различить?»

Чтобы доказать свою полезность, она тащила ему кипы рисунков со всевозможными конфигурациями химер.

«Вот тигр с рогами быка, видишь? А это мандрил-гепард. Ты такого можешь сделать? А у меня бы точно получилось».

Она была полна рвения, внимания: «Я могла бы помочь».

Горела желанием, приходила в восторг: «Я могла бы научиться».

Проявляла решимость и упорство: «Я научусь!»

Она не понимала, почему он ее не учит. Позже она осознает: это бремя он не хотел делить ни с кем. Его занятие было прекрасно и вместе с тем ужасно, и ужас значительно перевешивал красоту. Однако к тому времени ее уже это не заботило. Она стала участницей.

– Вот, перебери, – сказал однажды Бримстоун, подвинув к ней лоток с зубами. Уже несколько лет она служила у него пажом, и он упрямо не хотел отводить ей другую роль. До этого дня.

Исса, Ясри и Твига разом забыли о своих делах и повернули головы. Это... проверка? Бримстоун, не обращая на них внимания, копался в сейфе, а Мадригал, чуть дыша, поставила лоток перед собой и приступила.

Зубы были медвежьими. Возможно, Бримстоун хотел, чтобы она всего лишь рассортировала их по размерам, но Мадригал не зря годами наблюдала за его работой. Она стала поочередно брать в руки каждый зуб и... прислушиваться. Слушала кончиками пальцев и отбраковала несколько штук, которые давали неладное ощущение, – гнилые, как объяснил позже Бримстоун, – а остальные разложила кучками: по восприятию, не по размеру. Затем подвинула лоток обратно и испытала потрясающее чувство удовлетворения – глаза Бримстоуна удивленно расширились, и он посмотрел на нее совершенно новым взглядом.

– Молодец!

Впервые он ее похвалил.

Сердце прошила странная боль, а в уголке растроганная Исса приложила к глазам платок.

С того дня он стал заниматься ее обучением, делая вид, впрочем, что это вовсе никакая не учеба.

Она поняла, что магия отвратительна, – кабальная сделка со вселенной, расчет боли. Давным-давно знахари секли себя, сдирали собственную кожу, дабы обрести могущество ценой страданий, и даже наносили себе увечья, ломали кости и неправильно их сращивали, чтобы создать постоянный источник мук. Тогда соблюдалось равновесие, ведь расплачиваться приходилось собственной болью.

Впрочем, некоторые колдуны находили способы избежать страдания и использовать боль других.

– Так вот для чего нужны зубы? Это нечестно! Бедные животные, – пробормотала Мадригал.

Исса пристально посмотрела на нее.

– Ты предпочла бы пытать рабов?

От неожиданности Мадригал лишь хлопала глазами. Годы спустя она поймет, что имела в виду Исса: перед самой смертью Мадригал Бримстоун, наконец, откровенно поговорит с ней, и ей станет стыдно, что не догадалась сама. Его шрамы. Это ведь так очевидно: сетка шрамов на его шкуре, застарелых, пересекающихся следов от кнута, покрывающих спину и плечи. Но откуда ей было знать? Даже при том, что она видела в жизни, – разорение горной деревни, смерть близких, лишения, битвы, в которых она сражалась, – она не могла догадаться об ужасах, перенесенных Бримстоуном в ранние годы, а он не рассказывал об этом.

Он научил ее работать с зубами, извлекать из них силу, управлять оставшейся в них жизнью и болью, чтобы производить новые тела, похожие на натуральные. Это было его собственное изобретение, как и хамсы. Они не имели отношения к татуировкам, а составляли часть самой процедуры создания: тела появлялись на свет уже помеченными магией, в отличие от обычных тел.

Фантомам, как называли воскресших воинов, не приходилось расплачиваться болью; плата уже была внесена. Хамсы – магическое оружие – выдавались им за муки, испытанные во время последней смерти.

Многие умирали по несколько раз. «Смерть, смерть и еще раз смерть» – как выразилась Чиро. Солдат никогда не хватало. Новобранцы все прибывали – детей из Лораменди и всех свободных земель начинали учить военному делу, как только у них появлялись силы держать в руках оружие, – но слишком многие гибли в боях. Даже воскрешение не помогало – химеры существовали на грани вымирания.

– Чудовища должны быть уничтожены! – каждый раз буйствовал Иорам, обращаясь к военному совету; ангелы казались длинной тенью смерти, а химеры жили в ее прохладе.

Когда химеры одерживали победу, сбор душ проходил легко. Выжившие обходили место сражения, вынимали души из трупов погибших и несли Бримстоуну. Если битва была проиграна, из-за смертельного риска многих павших оставляли на поле боя и теряли навсегда.

Ладан выманивал души из тел. В правильно укупоренной кадьнице души можно было хранить вечно. В открытой они становились жертвами стихий и уже спустя несколько дней исчезали, как пар от дыхания.

По сути, в исчезновении не было ничего зловещего. Обычное дело, естественные смерти случаются каждый день. А для фантома, живущего в одном теле, потом в другом, испытывающего смерть за смертью, мечтающего упокоиться, исчезновение было заветной мечтой. Однако химеры не могли позволить себе терять солдат.

– Ты бы хотела жить вечно? – как-то раз спросил Бримстоун у Мадригал. – Только для этого придется умирать вновь и вновь, в страшных мучениях.

С течением времени она увидела, что сделала с ним необходимость навязывать эту участь столь многим существам, как склонилась его голова, каким изможденным и угрюмым он стал.

Превращение в фантом – вот о чем с каменным взглядом говорила Чиро, когда Мадригал размышляла, выходить ли замуж за Тьяго. Теперь она могла избежать этой участи. Тьяго хотел, чтобы она оставалась «чистой»; он уже отдал приказ своим командирам держать ее батальон подальше от опасности. Если она согласится, то никогда не будет носить хамсы. И никогда больше не вступит в бой.

Возможно, это к лучшему – и для нее, и для товарищей. Ей одной было известно, что она не создана для войны. Мадригал ненавидела убивать – даже ангелов. Она никому не рассказала, как два года назад в Буллфинче пощадила серафима. И не просто пощадила, а *спасла ему жизнь!* Что на нее нашло? Она перевязала ему рану. Погладила по лицу. При воспоминании об этом ее обуревал стыд – во всяком случае, Мадригал предпочитала называть стыдом чувство, от которого учащался пульс, а лицо покрывалось нежным румянцем.

Как горяча была кожа ангела, как пылали его глаза!

Ее терзал вопрос, остался ли он в живых. Умри он, и все свидетельства ее измены умерли бы вместе с ним в тумане Буллфинча. Она надеялась на это. Или говорила себе, что надеется.

Только в минуты пробуждения, когда она все еще не отпускала кружевной краешек сна, правда становилась отчетливой. Во сне она мечтала, чтобы ангел выжил. *Надеялась*, что он остался в живых. Отрицала

это, но чувство не проходило, возникало вновь и вновь, пугало. Кровь бежала по жилам быстрее, лицо заливала краска, все тело до кончиков пальцев пронзала странная дрожь.

Иногда ей казалось, что Бримстоун все знает. Пару раз, когда ее внезапно захлестывали воспоминания, он, оторвав взгляд от работы, смотрел на нее. Устроившийся на его рогах Кишмиш – тоже. Оба не мигая таращили на нее глаза. Однако, знал Бримстоун или нет, он не обронил ни слова. И о Тьяго – тоже, хотя вряд ли не догадывался, как тяжело Мадригал сделать выбор.

Вечером на балу все будет решено так или иначе.

Что-то произойдет.

Но что?

Она говорила себе: когда она предстанет перед Тьяго, то поймет, что делать. Смутиться и присесть в реверансе, танцевать с ним, флиртовать, притворяясь скромницей?

Или держаться холодно, не замечать его ухаживаний, остаться солдатом?

– Пойдем, – сказала Чиро, покачав головой. – Нуэлла кое-что для тебя приготовила. Пообещай, что ты наденешь это без разговоров.

– Ладно, – вздохнула Мадригал. – Тогда в купальни. Отмоемся до сияющей чистоты.

«Как овощи, – подумала она, – перед отправкой в жаровню».

50. В сахаре

– Нет, – сказала Мадригал, глядя в зеркало. – Нет, нет. *Нет*.

Нуэлла действительно приготовила для нее платье. Из шелка шанжан цвета полуночного неба, облегающее и такое тонкое, что, казалось, оно может растаять как дым от прикосновения. Украшенное отражающими свет и переливающимися как звезды крошечными кристаллами, платье открывало стройную белую спину Мадригал. Спину, и плечи, и руки, и грудь. Грудь – слишком глубоко.

– Нет.

Она принялась стягивать его, но Чиро ее остановила.

– Ты мне обещала: без разговоров!

– Беру свои слова обратно.

– Слишком поздно. Ты сама виновата. У тебя была неделя, чтобы приготовить платье. Видишь, что происходит, когда не можешь выбрать? Другие решают за тебя.

Мадригал поняла, что дело не только в платье.

– И что? Вы придумали мне наказание?

Нуэлла, стоящая по другую руку от нее, фыркнула. Нуэлла – хрупкое создание, происходившее из вида ящериц, – училась вместе с Мадригал и Чиро, но после школы поступила на службу во дворец, тогда как они занялись боевой подготовкой.

– Наказание?! Ведь ты великолепна. Посмотри сама.

Мадригал посмотрела. Тончайшие, невидимые шелковые нити оплетали шею и удерживали платье на теле.

– Я выгляжу обнаженной.

– Ты выглядишь изумительно, – сказала Нуэлла.

Она служила швеей у младших жен Воителя, самые молодые из которых, как бы помягче выразиться, были вовсе не юными. Воитель давным-давно счел нужным прекратить навязывать себя новым невестам. Как и Бримстоун, он жил в собственном теле. Тяго, его первенец, родился несколько веков назад, но имел обличье юноши, а в дополнение к нему – хамсы.

Как сказала Мадригал, генерал лицемерил, преклоняясь перед «чистотой»: сам он прошел через множество воскрешений, и был не только не «чистым», но и принадлежал к человеческому виду не с рождения.

Воитель – наполовину олень – имел оленью голову и относился к виду

тварей, как и все его жены, и изначально Тьяго. Фантомы частенько воскрешали в телах, отличных от их собственных: Бримстоун не всегда имел возможность подобрать подходящее. Это зависело от того, сколько времени и какие зубы были в его распоряжении. Но Тьяго – совсем другое дело. Для него тела создавались в точном соответствии с его требованиями задолго до того, как в них возникала необходимость, – чтобы он мог проверить, нет ли изъянов. Однажды она видела, как Тьяго пристально изучал обнаженную копию себя самого – оболочку, в которую его поместят после смерти. Жуткая картина.

Мадригал попробовала слегка потянуть платье – во время танца под слишком тяжелой рукой оно наверняка соскользнет с тела.

– Нуэлла, – взмолилась она, – а не найдется чего-нибудь... поплотнее?

– Только не для тебя, – заявила Нуэлла. – Зачем скрывать такую фигуру?

Она что-то зашептала на ухо Чиро.

– Хватит шушукаться, – сказала Мадригал. – Может, хотя бы накинуть шаль?

– Нет, – ответили те в один голос.

– Я же голая, почти как в купальнях.

Никогда в жизни она не чувствовала себя такой незащищенной, как в тот день, когда шла с Чиро сквозь пар по воде, едва доходящей до бедер. Уже все знали, что она – избранница Тьяго, и каждая пара глаз в женских купальнях внимательно ее изучала. Хотелось нырнуть, чтобы из воды остались торчать лишь рога.

– Пусть Тьяго видит, что он получит, – ехидно сказала Нуэлла.

Мадригал насторожилась.

– Кто сказал, что он это получит?

Слово «это» вылетело из ее уст. Будто она была какой-то неодушевленной вещью, платьем на вешалке.

– Меня, – поправилась она. – Кто сказал, что он меня получит?

Мысль, что Мадригал может отказать Тьяго, Нуэлле рассмешила.

– Вот. – Она протянула маску. – Он *разрешил* тебе закрыть лицо.

Это была маска птицы с распростертыми крыльями, вырезанная из легкого дерева, черная, украшенная темными перьями, веером расходящимися от лица. В переливах света перья играли всеми цветами радуги.

– Да. Конечно. *Теперь* меня никто не узнает, – язвительно заметила Мадригал: ее крылья и рога успешно избежали маскировки.

Бал-маскарад устраивали в честь Воителя. Химеры человеческого вида

надевали маски зверей, а те, кто относился к звериному, – резные подобия людей, раздутые до абсурдных размеров. Это был единственный вечер в году, когда позволялось дурачиться и притворяться. Но Мадригал в этот раз было не до веселья. От этого вечера зависела вся ее дальнейшая жизнь.

Вздыхнув, она уселась на скамеечку и позволила подружкам позаботиться о себе. Те подвели ей глаза сурьмой, пастой из розовых лепестков подкрасили губы, а между рогами ярусами протянули золотую цепь из мельчайших звеньев, с которой свисали мерцающие на свету крошечные хрустальные капли. Чиро и Нуэлла посмеивались, словно готовили невесту к брачной ночи, и внезапно Мадригал поняла, что такая ночь для нее сегодня вполне может настать.

Если она примет предложение Тьяго, то вряд ли вернется ночевать в казармы.

Мадригал вздрогнула, представив его когтистую лапу на своем теле. Она никогда не занималась любовью, – в этом смысле она тоже оставалась «чистой», и Тьяго наверняка был в курсе. Конечно, ее посещали мысли об этом. Возраст уже подошел, тело требовало своего, а отношение химер к сексу строгостью не отличалось. Просто у Мадригал пока не было подходящего случая.

– Вот. Готово, – сказала Чиро. Они с Нуэллой помогли Мадригал подняться и отошли назад, чтобы окинуть взглядом свою работу.

Нуэлла ахнула. После небольшой паузы Чиро глухо произнесла:

– Ты красавица.

Это прозвучало не как комплимент.

Когда после битвы под Каламетом Чиро проснулась в соборе, Мадригал сидела рядом.

– С тобой все в порядке, – заверила она, как только веки Чиро, дрогнув, открылись.

Для Чиро это было первое воскрешение, а после него фантомы обычно плохо понимали, что происходит. Мадригал надеялась, что столь полное соответствие новой плоти исходному телу ее сестры облегчит переход.

– С тобой все в порядке, – повторила она, сжав ладонь с хамсой – символом нового статуса Чиро, и заговорщицки добавила: – Бримстоун разрешил мне создать для тебя тело. Я использовала алмазы. Никому не рассказывай.

Она помогла Чиро сесть. мех на кошачьих ногах был мягкий, кожа на человеческих руках – тоже. Чиро нервно ощупала новое тело – бедра, бока, человеческие груди. Рука быстро поднялась вверх по шее, обнаружила мех,

шакалью пасть и замерла.

Чиро словно поперхнулась, и Мадригал сперва решила, что дело в новой гортани, которая пока не привыкла формировать речь. Но она ошиблась.

Чиро отбросила ее руку.

– Ты это сделала?

Мадригал отступила на шаг назад.

– Тело... идеальное, – сказала она нерешительно. – Оно почти как твое настоящее...

– И это все, чего я заслуживаю? Быть тварью? Спасибо, сестренка. Спасибо.

– Чиро...

– Не могла сделать меня высшим видом? Что для тебя несколько зубов? А для Бримстоуна?

Такая мысль даже не приходила Мадригал в голову.

– Но... Чиро. Это же *ты*.

– Я. – Ее голос изменился. Он стал на тон ниже, и звучал теперь язвительно и злобно. – А ты хотела бы стать мной?

Обиженная и сбита с толку, Мадригал ответила:

– Я не понимаю.

– Еще чего, правда? – сказала Чиро. – Ты ведь красавица!

Позже она извинилась. Сказала, что испытала шок. Новое тело казалось тесным, негнущимся, и она едва могла дышать. Понемногу привыкнув, она оценила его прочность, гибкость. Теперь она летала быстрее; ее движения стали стремительней, зубы острее, глаза зорче. Она говорила, что была как скрипка, которую, наконец, настроили, – та же, но лучше.

– Спасибо тебе, сестренка, – сказала Чиро, и благодарность прозвучала искренне.

Однако Мадригал не забыла злобного тона, когда Чиро назвала ее красавицей. Теперь эти слова вновь прозвучали так же.

Нуэлла реагировала более восторженно:

– Какая прелесть! – пропела она, сморщила на мгновение чешуйчатый лоб и протянула руку к висящему на шее Мадригал амулету. – Это, конечно, придется снять.

– Нет, – вскинулась та и зажала амулет в кулаке.

– Только на один вечер, Мад, – уговаривала Нуэлла. – Просто он не подходит к платью.

– Не трогай, – отрезала Мадригал таким тоном, что Нуэлла передумала настаивать.

– Ладно, – сказала она со вздохом.

Мадригал выпустила счастливую косточку, которая вновь расположилась в ямке между ключицами. Она прекрасно понимала, что косточка не представляет из себя ничего особенного и не годится для украшения декольте, но ей было все равно. Эту вещь она носила всегда.

Нуэлла со страдальческим видом уступила и принялась рыться в ящичке с косметикой.

– Тогда хотя бы вот это.

Не успела Мадригал понять, что происходит, как она подошла с серебряной чашей и большой мягкой кисточкой в руках и осыпала ее грудь, шею и плечи чем-то блестящим.

– Что это?..

– Сахар, – хихикнула она.

– Нуэлла!

Мадригал попыталась отряхнуться, но измельченный в пыль сахар прилип. Такую пудру использовали девушки, собираясь на свидание. «Если розовые губы и обнаженная спина недостаточное приглашение для Тьяго, – думала Мадригал, – то сахар – вполне очевидное». Ее мерцающая кожа как будто нашептывала: «Лизни меня...»

– Теперь ты не похожа на солдата, – сказала Нуэлла.

И действительно. Она выглядела как девушка, которая сделала свой выбор. Так ли это? Все вокруг считали, что сделала, и это казалось почти правдой. Однако еще было время передумать. Она могла вовсе не пойти на бал, дав тем самым другой ответ, противоположный. Оставалось только принять решение.

Она долго смотрела на себя в зеркало, испытывая головокружение, словно будущее стремительно неслось ей навстречу.

Так и было, но в то мгновение она и представления не имела, что это будущее летит к ней на невидимых крыльях, глаза его невозможно скрыть никакой маской, и все волнующие ее сейчас вопросы вскоре будут сметены как пыль одним взмахом крыла, а на их месте возникнет нечто невероятное.

Любовь.

– Пойдем, – сказала она, взяла за руки Чиро и Нуэллу и вышла навстречу будущему.

51. Серпантин

В день рождения Воителя праздничная процессия шла по Серпантину, главной артерии Лораменди. По традиции гости, переходя от одного партнера к другому, танцевали на протяжении всего пути к месту сбора, агоре^[9]. Бал проводился там, под светом тысяч фонарей, закрепленных на прутьях Клетки и словно звезды в ночи освещающих миниатюрный мир с собственным небосводом.

Мадригал с подругами, как и раньше, ворвалась в толпу, но внезапно поняла, что в этом году для нее все поменялось.

Даже в маске ее узнавали, – так отличалась от других ее внешность. На плечах блестел сахар, но никто не принимал это за приглашение. Все знали, для кого он предназначен. Посреди бушующего уличного веселья она словно плыла в хрустальном шаре.

Чиро и Нуэллу то и дело обнимали и целовали незнакомцы, маска в маску. Таков был обычай: танцы многократно прерывали для поцелуев, которые символизировали единство племен. Группы музыкантов располагались на расстоянии друг от друга, чтобы гуляющие перемещались от мелодии к мелодии и веселье не затихало. Необузданная музыка закружила всех в танце, но никто так и не подхватил Мадригал. Едва какой-нибудь воин направлялся к ней, – а один даже успел схватить за руку, – рядом тотчас возникал его друг, оттаскивал назад и что-то шептал на ухо. Что – Мадригал не слышала, но могла вообразить.

Она принадлежит Тьяго.

Никто не прикоснулся к ней. Среди шумной толпы она шла в одиночестве.

«Где же Тьяго?» – спрашивала она себя, переводя взгляд с маски на маску. Когда внезапно в толпе мелькали длинные белые волосы, волчьи черты, сердце ее подпрыгивало – каждый раз напрасно. Волосы принадлежали старушке, и Мадригал улыбнулась собственной глупости.

На улицы высыпали все жители Лораменди, но каким-то образом вокруг нее возникло пустое пространство. Она брела за веселящимися подругами к агоре и думала, что, наверное, там, во дворце на балконе рядом со своим отцом стоит Тьяго и смотрит на прибывающую процессию, на то, как волна за волной площадь заполняют химеры.

В толпе он будет искать ее.

Она невольно замедлила шаг. Нуэлла и Чиро продолжали кружиться в

танце и целоваться. В большинстве случаев танцоры лишь прикасались губами своих масок к губам – клювам, мордам, пастям – других, но иногда целовались и по-настоящему, невзирая на принадлежность к виду. По предыдущим празднествам Мадригал помнила, как обдает запахом травяного вина дыхание незнакомцев, помнила прикосновение усатого тигра, и ящера, и человека.

Сегодня она была отрезана от всех – на нее смотрели, но не дотрагивались ни руками, ни тем более губами. Серпантин был слишком длинным, чтобы пройти его в одиночку.

Внезапно кто-то взял ее под локоть. Она вздрогнула и напряглась, решив, что это Тьяго.

Но нет. На подошедшем была маска коня, сделанная из кожи и полностью закрывающая голову. Тьяго бы никогда не надел ни лошадиную, ни какую-либо другую маску, за которой не разглядишь лица. Из года в год он появлялся на балу в одном и том же: в некоем подобии головного убора в виде волчьей морды без нижней челюсти и с голубыми стекляшками вместо глаз, неподвижно пялящимися в пространство.

Кто же это? Какой глупец додумался к ней подойти? Он был намного выше ее, так что Мадригал пришлось закинуть голову, положив руку ему на плечо, чтобы легко ткнуться птичьим клювом своей маски в конскую морду. «Поцелуй», показавший, что она все еще принадлежит себе.

И тут с нее будто сняли заговор, она вновь стала частью толпы, закружилась в буйном веселье с партнером-незнакомцем. Он вел ее, защищая от неуклюжих движений более крупных существ. В нем чувствовалась сила, ему ничего не стоило понести ее на руках. После пары вращений он должен был ее отпустить, но не сделал этого. Затянутые в перчатки руки продолжали ее удерживать. Вряд ли кто-нибудь подхватил бы ее, поэтому она не сопротивлялась. Танцевать было здорово, и она так увлеклась, что даже забыла свои тревоги по поводу платья. Пусть оно казалось непрочным, зато отлично сидело и в кружении танца поднималось волной, невесомое и прекрасное, обнажая газельи копытца.

Став частью бурлящего живого потока, они неслись дальше. Мадригал потеряла подруг из виду, но незнакомец ее не покинул. Когда шествие приблизилось к концу Серпантина, образовался затор. Танец понемногу замедлился, и наконец они остановились, учащенно дыша. Она подняла глаза, вспыхнула от смущения, улыбнулась под птичьей маской и сказала:

– Благодарю.

– Сударыня, это честь для меня.

Голос был глубокий, с неизвестным акцентом. Мадригал не могла

понять, откуда приехал незнакомец. Возможно, с восточных земель.

– Какой вы храбрый, что танцевали со мной, – сказала она.

– Храбрый?

Маска, разумеется, скрывала эмоции, но он насмешливо склонил голову набок, и по его тону Мадригал поняла – он не догадывается, о чем она говорит. Мог ли он не знать, *кто* она?

– Вы настолько страшны? – спросил он, и Мадригал засмеялась.

– Ужасно. Судя по всему.

И опять наклон головы.

– Вы не знаете, кто я? – Почему-то она почувствовала разочарование. Надежда, что он окажется дерзкой душой, презревшей всеобщий страх перед Тьяго, растаяла. Похоже, он всего лишь не осознавал риска.

Незнакомец нагнулся, маска едва коснулась ее уха.

– Я знаю, кто вы. Я пришел за вами.

– Правда? – Голова слегка закружилась, будто от травяного вина, но сегодня она еще не сделала и глотка. – Тогда, господин Конь, скажите, кто я?

– Это не совсем честно, сударыня Птица. Вы не называли мне своего имени.

– Вот видите! Вы не знаете. А у меня есть тайна. – Она постучала пальцем по клюву и, улыбаясь, прошептала: – Это маска. На самом деле я не птица.

Он отпрянул в притворном удивлении, однако не убрал свою ладонь с ее руки.

– Не птица? Я жестоко обманут!

– Теперь понимаете? Кого бы вы ни искали, ваша дама где-то скучает, одна-одинешенька. – Она почти жалела, что приходится гнать его от себя, но до агоры было уже рукой подать. Не хотелось, чтобы он попал в немилость к Тьяго, особенно после того, как спас ее от одиночества. – Ступайте же, найдите ее.

– Я уже нашел ту, кого искал, – ответил он. – Возможно, мне неизвестно ваше имя, но вас я знаю. И у меня тоже есть тайна.

– Дайте-ка угадаю. Вы не конь? – Она смотрела на него снизу вверх. Голос неожиданно показался знакомым, но смутно, словно из какого-то давнего сна. Мадригал попыталась разглядеть незнакомца через маску, но он был слишком высок, и сквозь отверстия для глаз увидеть ничего не удалось.

– Это правда, – признался он. – Я действительно не конь.

– Кто же вы?

Теперь ей на самом деле было интересно, кто он. Знаком ли он ей? Маски надевали для забавы, и в день рождения Воителя затевалось множество коварных розыгрышей, однако Мадригал не думала, что кому-нибудь придет в голову шутить сегодня с ней.

Ответ утонул в звуках музыки – они приближались к последнему на пути оркестру. Свирели выводили рулады, бренчали лютни, грудными голосами завывали певцы, а за всем этим, как биение сердца, – ритм барабанов, настойчиво зовущий танцевать. Отовсюду напирал народ, ближе всех был незнакомец. Волной его прижало к ней, и сквозь его плащ Мадригал ощутила мускулы и широкие плечи.

И жар.

Собственное тело Мадригал, едва прикрытое, блестело от сахара, сердце стучало как сумасшедшее. Ее тоже захлестнула жаркая волна.

Она залилась румянцем и отступила, – или попыталась отступить, – но ее снова бросили на него. Она ощутила его аромат – теплый, пряный и соленый, и резкий запах кожаной маски, и что-то еще, приятное и глубокое, от чего захотелось приникнуть к нему, закрыть глаза и вдыхать. Он шел сзади и, обнимая одной рукой, защищал ее от натиска толпы. Их тянуло вперед, к агоре, и пути назад не было.

– Я пришел, чтобы найти тебя, – тихо сказал он. – И поблагодарить.

– Поблагодарить меня? За что?

Она не могла обернуться: кентавр напирал с одной стороны, кобра – с другой. Ей показалось, что где-то вдалеке мелькнула Чиро. Впереди уже было видно агору, по периметру которой располагались оружейные склады и военная академия. Сверху висели фонари, затмевая свет настоящих звезд, а заодно и лун. В голове Мадригал мелькнула мысль, видит ли все это Нитид – любознательная Нитид.

Что-то произойдет.

– Поблагодарить за то, – сказал незнакомец на ухо, – что ты спасла мне жизнь.

Мадригал спасла много жизней. В темноте она ползала по полям среди павших, ускользала от дозора серафимов, чтобы собрать души, – иначе они исчезнут в небытии. Как-то раз она в одиночку атаковала ангела, поймавшего ее товарищей в ловушку, чтобы дать им время для отступления. Перехватывала ангельские стрелы. Спасала жизни. Но все эти воспоминания мгновенно ушли, уступив место лишь одному.

Буллфинч. Туман. *Враг*.

– Я последовал твоему совету, – сказал он. – И выжил.

Тотчас в ее жилах будто вспыхнуло пламя. Она резко развернулась.

Конская голова была наклонена так, что теперь она могла заглянуть внутрь маски.

Его глаза сверкали огненными вспышками.

Она прошептала:

– Ты.

52. Безумие

В живом потоке их выплеснуло на агору, в суতোлке локтей и крыльев, рогов и шкур, и она двигалась в толпе, ошарашенная, едва доставая копытами до мостовой.

Серафим в Лораменди.

Не *какой-то* серафим. *Тот самый*. Она прикасалась к нему. И спасла. Он здесь, в Клетке. Ладони, жар от которых ощущается даже сквозь кожаные перчатки, лежат на ее руках. Он жив благодаря ей.

Он здесь.

Безумие! Мысли ее были в смятении. Что сказать? Что *делать*?

Позже она удивится, что ни на мгновение ей не пришло в голову сделать то, что сделал бы не задумавшись любой в городе: сорвать с него маску и закричать: «Серафим!»

Глубоко и порывисто вздохнув, она сказала:

– С ума сошел? Зачем ты явился сюда?

– Говорю же – поблагодарить тебя.

Внезапно мелькнула ужасная догадка:

– Теракт? Вы же никогда не подбирались так близко к Воителю.

– Нет! Как я могу, получив такой дар, залить его кровью твоего народа? – серьезно ответил он.

Агора представляла собой огромный овал, на котором умещалась целая армия, выстроившись во множество фаланг, но сегодня в центре площади танцоры выделяли замысловатые хороводные фигуры, а прибывающие с Серпантина кружились в водовороте тел по периметру, где скопление народа было самым плотным. Между столами, ломящимися от яств, стояли бочки с травяным вином, участники праздника с детьми на плечах собирались кучками, повсюду звучали песни и смех.

Мадригал с ангелом еще не успели отойти от бурлящего устья Серпантина. Он бережно вел ее, надежный, как волнолом. Не успев оправиться от потрясения, Мадригал даже не подумала отодвинуться от него.

– Дар? – недоверчиво переспросила она. – Не ценишь ты его, раз явился сюда, на верную смерть.

– Умирать я не собираюсь, – сказал он. – Во всяком случае, не сегодня. Передо мной стояли тысячи преград, но, вопреки всему, я здесь. Все сложилось как по писаному. Я легко их преодолел, словно мы

предназначены...

– Мы! – Она резко обернулась, и ее тотчас прижало к его груди. Мадригал отпрянула. – Кто это мы?

– Ты, – сказал он. – И я.

От его слов перехватило дыхание. Он и она? Серафим и химера? Это неслыханно.

– Безумец! – только и могла вымолвить она.

– Ты тоже. Ты спасла мне жизнь. Зачем?

Мадригал не ответила. Два года ее не отпускало чувство, что защитить его, умирающего, должна была именно она. Она. И вот он жив, и он здесь. В голове не укладывалось, что там, за маской, его лицо – каждую черточку которого она так ясно помнила.

– А сегодня, – продолжал он, – в городе среди миллионов душ я мог и вовсе не найти тебя. Искать всю ночь и так и не наткнуться на тебя. А ты оказалась прямо передо мной, одна в толпе, словно ждала меня...

Он говорил и говорил, но Мадригал уже не слушала. Она вспомнила, почему шла в толпе в одиночестве. Тяго! Издалека собравшиеся на дворцовом балконе едва просматривались: Воитель, стайка его рогатых жен, массивная фигура Бримстоуна. Тяго среди них не было.

Значит, он здесь, внизу. Нервная дрожь пробила от копыт до рогов.

– Ты не понимаешь, – сказала она, вглядываясь в толпу. – Никто со мной не танцевал не просто так. Была причина. Я не знала, что ты сумасшедший. Думала, что смелый...

– Что за причина? – спросил ангел, все еще такой близкий.

– Поверь, здесь для тебя небезопасно. Хочешь остаться в живых – уходи.

– Я проделал долгий путь, чтобы тебя найти...

– Я... помолвлена, – с отвращением выпалила она, оборвав его на полуслове.

– Помолвлена? Обручена?

«Занята», – подумала она, но сказала:

– Почти. А теперь беги. Если Тяго увидит...

– Тяго? – При звуке этого имени ангел отпрянул. – Ты помолвлена с Волком?

Когда он произнес слово «Волк», чьи-то руки обняли Мадригал сзади за талию, и она задохнулась от испуга.

Мгновенно она представила, что произойдет, если Тяго обнаружит ангела: он не просто его убьет, а устроит целый спектакль. Лазутчик-серафим на балу Воителя – такого еще не случалось! Его будут пытаться. Он

пожалееет, что появился на свет. Картинка промелькнула перед глазами, и ужас горьким комом застыл в горле. До слуха донеслось хихиканье, и от внезапного облегчения у нее едва не подкосились ноги.

Это была Чиро.

– Вот ты где! – воскликнула сестра. – А мы тебя потеряли!

У Мадригал в ушах шумела кровь. Чиро перевела взгляд на незнакомца, и внезапно Мадригал поняла, что жар выдает его с головой.

– Привет! – сказала Чиро, с любопытством глядя на маску коня, сквозь которую Мадригал отчетливо видела янтарное пламя тигриных глаз.

Ее вновь охватил ужас при мысли о том, что его, явившегося в логово врага за ней, так легко распознать. Два года она вспоминала о случившемся в Буллфинче как о кратковременном помешательстве, хотя тогда – и сейчас тоже – ей вовсе не казалось безумством сохранить жизнь этому серафиму. Она взяла себя в руки и обернулась к Чиро, рядом с которой стояла Нуэлла.

– Хороши подружки! – вскинулась она. – Так нарядить меня и бросить на Серпантине. Меня же могли растерзать!

– Мы думали, ты идешь за нами, – сказала запыхавшаяся после танцев Нуэлла.

– Я и шла, – отозвалась Мадригал.

Повернувшись к ангелу спиной, она уводила их в толпу, подальше от него.

– Кто это? – спросила Чиро.

– О ком ты?

– Тот, в маске коня, с которым ты танцевала.

– Ни с кем я не танцевала. Или ты не заметила? Со мной никто не танцует. Я – пария.

– Пария! – фыркнула Чиро. – Скажешь тоже. Скорее принцесса. – Она обернулась, а Мадригал так и подмывало спросить, что там. Наблюдал ли за ними ангел, или все-таки чувство самосохранения заставило его исчезнуть?

– Ты уже видела Тяго? – поинтересовалась Нуэлла. – Или лучше так: он тебя видел?

– Нет... – начала было Мадригал, но Чиро крикнула: «Вот он!» – и все похолодело внутри.

Точно – он!

Его ни с кем не спутать. Водруженная на голову отрубленная волчья башка – нелепая версия маски. Изогнутые клыки нависли надо лбом, пасть ощерилась. И белоснежные волосы, причесанные и уложенные по плечам, и атласный жилет цвета слоновой кости – тоже невероятно светлый – так

контрастировали с бронзовым загаром на мужественном прекрасном лице, что бледные глаза казались мертвыми.

Ее он пока не заметил. Величаво выступал со своей свитой – тоже состоящей из особей волчьего вида, – и толпа словно съеживалась. Народ рассыпался в стороны, и даже самые пьяные из гуляк его узнавали и уступали дорогу.

Мадригал вновь вспомнила о том, что значит этот вечер для нее, для ее будущего.

– Он великолепен, – выдохнула Нуэлла.

Мадригал ничего не оставалось, как согласиться, однако она знала, кому должен быть благодарен надменный Тьяго за прекрасное тело, которое считал своей собственностью, – Бримстоуну, искусно его сотворившему.

– Ищет тебя! – шепнула Чиро и была права.

Неторопливо шествуя, генерал оглядывал публику, в светлых глазах читалась уверенность, присущая тем, кто всегда добивается желаемого. Его взгляд упал на нее. Пронзил ее. В испуге она сделала шаг назад.

– Пойдемте танцевать, – выпалила она к удивлению подруг.

– Но... – попыталась было возразить Чиро.

– Слышите? – Вновь грянула музыка. – Фуриант! Я его обожаю, – соврала Мадригал.

Мужчины и женщины встали друг против друга, и не успели Чиро с Нуэллой и словом обмолвиться, как Мадригал оказалась среди танцоров. Взгляд Тьяго будто когтями царапал затылок.

«А что же те, другие глаза?» – думала она.

Пляска понеслась, Чиро и Нуэлла влились в ряды танцующих. Легко, с изяществом отсчитывала шаги Мадригал, ни разу не сбившись, хотя думала совсем не о танце. Сердце оглушительно стучало, а в голове, как кружащие у фонарей мотыльки-колибри, роились мысли о том, куда исчез ангел.

53. Любовь – стихия

Во время фурианта никто не отказывался танцевать с Мадригал, как на Серпантине, – это было бы слишком заметно, – но все-таки в ее партнерах ощущалась скованность. Некоторые едва держали ее за кончики пальцев.

Под тяжелым взглядом Тьяго веселость танца постепенно угасала. Так он действовал на народ, но Мадригал знала, что в этом есть и ее вина, ведь она пыталась убежать от него, спрятаться среди танцующих, будто это возможно.

Она лишь оттягивала время, а фуриант вполне подходил для этого, так как длился целую четверть часа, и партнеры при этом постоянно менялись. От учтивого пожилого солдата с носорожьим рогом Мадригал перешла к кентавру, потом к представителю человеческого вида в драконьей маске, который лишь слегка ее коснулся. Тьяго не спускал с нее глаз. Следующим партнером стал тигр; он взял ее за руку... и решительно сжал затянутой в перчатку ладонью. Мадригал вздрогнула. Ей не понадобилось смотреть в лицо, чтобы узнать, кто прячется под маской.

Он все еще был здесь – в такой близости от Тьяго. «Безумец», – мелькнула мысль. Через мгновение, немного успокоившись, она сказала:

- На мой взгляд, маска тигра идет вам больше.
- Не понимаю, о чем вы, сударыня. Это мое настоящее лицо.
- Да, разумеется.
- Было бы глупо с моей стороны оставаться здесь, будь я тем, кем вы меня считаете.
- Еще бы. Такое впечатление, что вы хотите умереть.
- Нет, – серьезно произнес он. – Совсем наоборот. Я хочу *жить*. Но другой жизнью.

Жить другой жизнью. Если бы. Мадригал подумала о том, как невелик ее выбор.

- Вы хотите присоединиться к нам? Простите, но мы не нуждаемся в перебежчиках.

Он рассмеялся.

- Даже если и так, мы все – заложники одной жизни. Одной войны.

Ни разу Мадригал не думала о том, что серафимы живут той же жизнью, что и она, но слова ангела прозвучали правдиво. Все они были заложниками одной войны. И втянули в нее весь мир.

- Нет другой жизни, – отрезала она и замерла – они приближались к

тому месту, где стоял Тьяго.

Ангел едва заметно сжал ее руку, и это помогло выдержать буравящий взгляд генерала, пока она вновь не отвернулась и не перевела дух.

– Тебе нужно уходить, – тихо сказала она. – Если тебя заметят...

Проведя один проход в молчании, ангел так же тихо спросил:

– Ты ведь на самом деле не собираешься за него замуж?

– Я... не знаю.

Он поднял руку, чтобы она могла пройти под сложенным из рук мостиком, – это было частью танца, – но помешали рога, и им пришлось на миг расцепить пальцы.

– Что тут знать? – спросил он. – Ты любишь его?

– Люблю? – Вопрос застал ее врасплох, и с губ сорвался смешок. Мадригал быстро взяла себя в руки, чтобы не привлекать внимания Тьяго еще больше.

– Что тут смешного?

– Ничего, – ответила она.

Любит ли она Тьяго? Возможно. Разве такое знаешь наверняка?

– Смешно, что ты первый меня об этом спрашиваешь.

– Прости, – сказал серафим. – Я думал, что химеры женятся по любви.

Мадригал подумала о родителях. Память о них с годами словно покрылась патиной, лица представлялись расплывчато, – она сомневалась, что узнала бы их теперь, – но ей никогда не забыть, с какой нежностью они относились друг к другу.

– Да, по любви. – На этот раз она не смеялась. – Мои родители – точно.

– Значит, ты дитя любви. Это здорово – родиться в любви.

Эти слова произвели на нее неизгладимое впечатление, и она с горечью подумала о том, чего лишилась, потеряв семью.

– А ты? Твои родители любили друг друга?

При звуке собственного голоса ее обуяло чувство нереальности происходящего. Она только что спросила серафима о том, любили ли друг друга его родители.

– Нет, – сухо ответил он. – Надеюсь, родители моих детей будут жить в любви.

Они подняли руки мостиком, и вновь пройти под ним ей помешали рога. Мадригал почувствовала боль в его словах, а когда они опять очутились лицом друг к другу, сказала в свою защиту:

– Любовь – это роскошь.

– Нет, любовь – стихия.

Стихия. Как воздух, как земля. От его спокойной уверенности по телу

пробежала дрожь, но ответить Мадригал не успела. Завершив круг, он передал ее следующему партнеру, который был пьян и не вымолвил ни звука в течение всей совместной части танца.

Она пыталась отыскать взглядом серафима, который должен был встать в пару с Нуэллой, но так и не увидела маску тигра среди танцующих. Он растворился в толпе.

Фуриант подошел к финальному кругу, и под разухабистый перезвон бубнов Мадригал, словно это было спланировано заранее, практически оказалась в руках Белого Волка.

54. Как по писаному

– Мой господин. – Горло у Мадригал пересохло, и слова вырвались хриплым скрежетом, почти шепотом.

За спиной стояли Нуэлла и Чиро, а Тяго по-звериному улыбался, из-под полных красных губ виднелись кончики клыков. Дерзкие глаза смотрели не в лицо, а рыскали ниже, он даже не пытался быть тактичным. Кожа Мадригал вспыхнула огнем, а сердце похолодело, и она, присев в реверансе, со страхом думала о том, что сейчас придется встать и встретиться с ним глазами.

– Сегодня ты великолепна, – сказал Тяго.

Зря она боялась его взгляда: если бы у нее не было головы – он бы и не заметил. Он так рассматривал ее обтянутое синим шелком тело, что хотелось прикрыть руками грудь.

– Благодарю, – ответила она, подавив волнение. На любезность следовало ответить любезностью, и она добавила: – Вы тоже.

Только тогда он удивленно поднял глаза.

– Я великолепен?

Она склонила голову.

– Как волк среди зимы, мой господин.

Ее слова доставили ему удовольствие. Глаза прикрывали тяжелые веки, он казался спокойным, почти ленивым, и нисколько – Мадригал это видела – не сомневался в ней. Тяго всегда получал что хотел.

Всегда.

А сегодня?

Зазвучала новая мелодия, и Тяго прислушался, чтобы определить, что за танец.

– Эмберлин, – объявил он. – Сударыня?

Он протянул ей руку, и Мадригал замерла.

Если она примет приглашение, будет ли это означать, что она дала свое согласие?

Однако отказ стал бы величайшим из оскорблений, позором, а позорить Белого Волка не позволено никому.

Приглашение к танцу казалось западней, и Мадригал стояла без движения слишком долго. В глазах Тяго мелькнула злость. Легкая заторможенность сменилась... – чем, она не знала. За такое короткое время было трудно понять. Возможно, неверием, которое моментально переросло

бы в неистовое бешенство, если бы не Нуэлла, крохотной ручкой подтолкнувшая Мадригал в спину.

Мадригал ничего не оставалось, как сделать шаг вперед. Тяго властно схватил ее руку, просунул под свою и повел танцевать.

И, как все вокруг решили, в новую жизнь.

Он взял ее за талию – обычное дело для эмберлина, в котором мужчины поднимали партнерш, что символизировало жертвоприношение небесам. Руки Тяго почти полностью обхватили ее, когти впились в голую спину.

Они вели какой-то разговор – Мадригал, должно быть, спрашивала, как чувствует себя Воитель, а Тяго отвечал, но она едва понимала смысл его слов. Она была лишь покрытой сахаром оболочкой, а внутри творилось нечто невообразимое.

Что она наделала? Что?

Виноваты вовсе не обстоятельства и не толчок Нуэллы. Она позволила нарядить себя в это платье, пошла танцевать с ним, и у окружающих не осталось сомнений. Быть избранной, испытывать на себе завистливые взгляды – это определенно приносило некое удовольствие. Теперь ей было стыдно. Она ругала себя за то, что пришла сюда сегодня, готовая сыграть трепетную невесту и принять нелюбимого.

Но... она пока *не* приняла его, а теперь и не примет. Что-то изменилось.

Ничего не изменилось, возражала она себе. *Любовь – стихия*, и это правда. Как рисковал явившийся сюда ангел! Это ее потрясло, но ничего не изменило.

Куда же он ушел? Каждый раз, когда Тяго поднимал ее, она обводила взглядом толпу, но не видела ни маски коня, ни маски тигра. Хоть бы он был в безопасности!

Тяго, который до сего мгновения казался вполне удовлетворенным тем, чего касаются его руки, должно быть, почувствовал, что он не полностью владеет ее вниманием. Опуская Мадригал на землю, он намеренно сделал так, чтобы она соскользнула ему на грудь. От неожиданности крылья ее распахнулись и, словно два треугольных паруса, наполнились ветром.

– Прошу прощения, сударыня.

Тяго ослабил объятия, чтобы она снова коснулась копытами земли, но так до конца и не отпустил. Она ощутила твердость его мускулов у собственной груди, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы не начать вырываться. Сложить обратно крылья было трудно – очень хотелось

взлететь.

– Это платье сшито из тени? – спросил генерал. – Его почти не чувствуют пальцы.

«Еще бы, ведь сколько стараний приложено», – подумала Мадригал.

– Может, это ночное небо, отраженное в пруду, – предположил он.

«А его потянуло на поэзию. Даже на эротику».

В ответ, стараясь говорить как можно менее эротично – тоном, которым жалуются на пятно, что никак не выводится, – она сказала:

– Да, мой господин. Я нырнула, и отражение прилипло.

– Значит, и соскользнуть может, как вода. Невольно возникает вопрос: а что под ним?

«И это называется ухаживание», – подумала Мадригал.

Она покраснела и была рада, что из-под маски виднелись только губы и подбородок. Решив не касаться темы нижнего белья, она сказала:

– Платье прочнее, чем кажется, уверяю вас.

Он воспринял это как приглашение проверить. Взялся за тонкие, словно осенняя паутинка, нити, перекинутае через шею и удерживающие платье на теле, и резко потянул. Нити легко поддались когтям. Платье не упало, но изящные завязки порвались.

– Не такое уж прочное, – произнес Тьяго. – Не переживайте, сударыня, я помогу вам его удержать.

Его рука лежала чуть выше ее груди, на сердце, и Мадригал вздрогнула. Она ненавидела себя за эту дрожь. Ведь она – Мадригал из рода Киринов, а не какой-нибудь подхваченный ветром цветок.

– Очень любезно с вашей стороны, мой господин, – ответила она и отступила назад, стряхнув с себя его руку. – Но пришло время менять партнеров. Придется справляться с платьем самой.

Никогда она так не радовалась новому партнеру. На этот раз им оказался лишенный изящества полубык-полулось, который несколько раз едва не отдал ей копыта. Но она не обратила на это внимания.

Другая жизнь. Слова звучали заклинанием под мелодию эмберлина.
Другая жизнь, другая жизнь.

Где же ангел? Ее охватило желание, насыщенное, как таящий на языке шоколад.

Не успела она понять, что происходит, как полубык вновь передал ее Тьяго, который стиснул ее и прижал к себе.

– Я скучал, – сказал он. – Ни одна женщина в подметки тебе не годится.

В таком духе он продолжал с ней заигрывать, а она думала лишь о том,

какими жалкими, натужными казались его речи после слов ангела.

Еще дважды в ходе танца Тьяго передавал ее другим партнерам, дважды она возвращалась к нему, и с каждым разом это становилось все невыносимей. Она чувствовала себя беглянкой, которую против воли заставляют вернуться домой.

Когда, в очередной раз сменив партнера, Мадригал почувствовала, как ее пальцы крепко обхватили ладони в кожаных перчатках, то наполнилась такой легкостью, что чуть не взлетела. Вся нелепость, несуразность происходящего разом испарилась. Руки серафима обвили ее талию, ее ноги оторвались от земли, она закрыла глаза и позволила себе отдаться чувству.

Он вновь поставил ее на землю, но не отпустил.

– Привет, – прошептала она, сияя от счастья.

От счастья.

– Привет, – ответил он.

При виде его новой маски – лопоухого забулдыги с красным носом – Мадригал улыбнулась.

– У вас опять новое лицо, – сказала она. – Откуда их столько? Вы волшебник?

– Никакого волшебства. Пьяные гуляки так и валятся с ног, так что свободных масок полно.

– Знаете, эта вам совсем не идет.

– Думаете? За два года многое могло произойти...

Мадригал рассмеялась, вспомнив его красоту, и ей нестерпимо захотелось снова увидеть его лицо.

– Не назовете ли вы свое имя, сударыня? – спросил он.

Она назвала, и он повторял как заклинание: «Мадригал, Мадригал, Мадригал».

«Как странно, – думала Мадригал, – что меня охватывает чувство такого... блаженства... просто от его присутствия, ведь я даже его имени не знаю и лица увидеть не могу».

– А ваше имя?

– Акива.

– Акива, – с удовольствием повторила она.

Да, возможно, значение ее имени и было связано с музыкой, но его имя звучало как мелодия. Его хотелось петь. Высунуться из окна и кричать. Шептать в темноте.

– Что же? Ты приняла предложение?

– Нет. Не приняла, – с вызовом ответила она.

– Нет? Он смотрит на тебя так, будто ты его собственность.

– Тогда тебе следовало бы...

– Твое платье! – перебил он. – Оно порвано. Его рук дело?..

Мадригал обдало горячей волной его гнева.

Тяго, танцуя в паре с Чиро, не сводил с Мадригал пристального взгляда. Она дождалась, пока широкая спина Акивы скроет ее лицо, и только тогда ответила:

– Ничего страшного. Непривычно носить платья из такой непрочной ткани. Выбирала не я. Ужасно хочется накинуть шаль.

Он злился и был напряжен, но руки на ее талии оставались мягкими.

– Могу сделать тебе шаль, – сказал он.

Она вскинула голову.

– Ты вяжешь? Вот это да! Необычное занятие для солдата.

– Нет, не вяжу, – ответил он.

Тотчас Мадригал ощутила первое легкое прикосновение к своему плечу. Это явно был не Акива, потому что его руки все еще лежали у нее на талии. На нее сел серо-зеленый мотылек-колибри, один из многих, вьющихся у фонарей. Перья крошечного птичьего тельца сверкали как драгоценные камни, а мохнатые крылышки мотылька трепетали. Вскоре появилась вторая птичка, бледно-розовая, затем еще одна, тоже розовая, с оранжевыми пятнышками на ажурных крыльях. Птички все прибывали и прибывали, и вскоре их дружная компания полностью закрыла грудь и плечи Мадригал.

– Вот, пожалуйста! – сказал Акива. – Живая шаль.

– Как?.. – потрясенно выговорила она. – Ты волшебник.

– Нет, это всего лишь фокус.

– Это волшебство.

– Что проку в таком волшебстве? Всего лишь собрал мотыльков.

– Что проку? Ты сделал мне шаль.

Она испытала благоговейный трепет. В магии, творимой Бримстоуном, не было ничего завораживающего. Это же волшебство казалось восхитительным и по форме – крылья дюжины сумеречных цветов, мягкие, как уши ягненка, – и по замыслу. Тяго порвал ей платье, а Акива укутал ее.

– Щекотно! – засмеялась она. – Ой, нет. Ой!

– Что такое?

– Пусть улетают. – Она смеялась все сильнее, ощущая, как крошечные язычки высовываются из клювиков. – Они едят сахар.

– Сахар?

От щекотки она передернула плечами.

– Сделай так, чтобы они улетели. Пожалуйста!

Он попытался. Несколько мотыльков взвились в воздух и описали круг над ее рогами, но большинство остались на месте.

– Кажется, они влюбились, – озадаченно произнес он. – Не хотят улетать.

Одной рукой Акива осторожно смахнул парочку мотыльков с ее шеи и печально сказал:

– Представляю, что они чувствуют.

У нее сжалось сердце. Когда Акива вновь подхватил ее, мотыльки все еще покрывали ее плечи. Она обрадовалась, что Тяго стоял к ней спиной. Зато Чиро, которую он поднял в то мгновение, удивленно смотрела на нее.

Как только Акива опустил Мадригал на землю, они взглянули друг на друга, маска в маску, карие глаза в янтарные, и между ними пробежала искра. Мадригал не знала, волшебство ли это, но большую часть мотыльков словно ветром сдуло. Сердце бешено колотилось, она сбилась с ритма, но чувствовала, что танец подходит к концу и что в любую секунду она вновь окажется рядом с Тяго.

Акиве придется передать ее генералу.

Все ее существо противилось этому. В руках и ногах ощущалась легкость. Сейчас бы сорваться и улететь! Сердцебиение перешло в стаккато, остатки живой шали в испуге упорхнули прочь. То же самое Мадригал чувствовала перед боем: внешнее спокойствие и смятение внутри в ожидании сигнала к атаке.

Что-то произойдет.

«Нитид, – думала она, – ты все знала?»

– Мадригал, – позвал Акива. Как и мотыльки-колибри, он уловил произошедшую в ней перемену: ее дыхание участилось, мускулы на талии под его теплыми руками напряглись. – В чем дело?

– Я хочу... – начала она, зная, чего хочет, ощущая в себе готовность и решимость осуществить свое желание, но не в силах подобрать слова, чтобы выразить его.

– Что? Чего ты хочешь? – спросил Акива мягко, но настойчиво.

Их желания совпадали. Он наклонил голову, и маска на мгновение коснулась ее рога, отчего по телу Мадригал пробежали искры удовольствия.

Белый Волк был в двух шагах. От него не скрыться. Если попробовать улететь, он бросится за ней. И поймает Акиву.

Мадригал едва не закричала от отчаяния.

И вдруг грянул фейерверк!

Позже она вспомнит слова Акивы о том, что все складывалось как по

писаному. Во всем случившемся ощущалась неизбежность и правильность, словно сама вселенная это замыслила. Все произошло само собой. И началось с фейерверка.

Небеса озарились ярким светом, вспыхнули огромный и сверкающий георгин, солнце, звезда. Стоял грохот, как от пушечной пальбы. На зубчатых стенах крепости отбивали дробь барабанщики. Воздух насытился дымным порохом. Эмберлин прервался – танцоры сняли маски и уставились в небо.

Мадригал схватила Акиву за руку и нырнула в самую гущу толпы. Пригнув голову, она быстро двигалась сквозь море тел, которое, казалось, само открывало перед ними путь и уводило прочь.

55. Дети печали

Давным-давно, когда не было еще ни серафимов, ни химер, в мире жили солнце и луны. Солнце обручилось с Нитид, яркой сестрой, но страсть его возбуждала скромница Эллай, вечно прячущаяся в тени своей ослепительной сестры. Дождалось солнце, пока станет она купаться в море, и овладело ею. Эллай сопротивлялась, однако солнце считало, что имеет право обладать всем, чего ни пожелает. Пронзив его ножом, Эллай убежала; кровь солнца разлетелась по земле искрами, которые превратились в серафимов – незаконнорожденных детей огня. Как и отец, они считали своим по праву все, чего ни пожелают.

Эллаи же рассказала сестре о случившемся, и Нитид заплакала. Слезы ее упали на землю и стали химерами, детьми печали.

Когда солнце вновь явилось к сестрам, ни одна из них не захотела иметь с ним дела. Нитид спрятала Эллай за спиной, хотя солнце, рана которого все еще испускала искры, знало, что Эллай не так беззащитна, как кажется. Оно принялось умолять Нитид простить его, но та отказалась. По сей день ходит солнце за сестрами по небу и никак не может получить то, чего желает. Это и стало его наказанием навсегда.

Нитид – богиня слез и жизни, охоты и войны, и храмов в ее честь не сосчитать. Это она наполняет чрева, замедляет сердца умирающих и ведет детей своих биться с серафимами. Свет ее – как свет маленького солнца; она разгоняет тени.

Эллаи же почти незаметна. Она – призрак, луна-фантом, и лишь несколько раз в году в одиночку восходит на небо. Темные ночи эти с рассыпанными по небу звездами называют ночами Эллай, они хороши для скрытных дел. Эллай – богиня наемных убийц и тайных любовников. Храмы, посвященные ей, немногочисленны и неприметны, как тот, что спрятан в роще Скорби среди холмов над Лораменди.

Туда Мадригал повела Акиву, когда они сбежали с бала Воителя.

Они летели. Крылья Акивы были невидимы, но это не помешало ему взмыть в небо. По земле к роще Скорби не добраться. Когда почитатели богини тайком пробирались в храм совершить обряд, над расщелинами между холмами перекидывались канатные мосты. Однако сегодня была не ночь Эллай, и Мадригал знала, что в храме кроме них не будет ни души.

Нитид все еще стояла высоко. В их распоряжении – целая ночь.

– Это и есть ваша легенда? – скептически спросил Акива. По пути Мадригал поведала ему историю о солнце и Эллай. – По-вашему, серафимы – кровь насильника-солнца?

– Не нравится? Спроси у солнца, – беззаботно ответила Мадригал.

– Жуткая история. Что за чудовищная фантазия у химер!

– Каков источник вдохновения, такова и фантазия.

Среди верхушек деревьев уже виднелся купол храма, серебряная мозаика мерцала сквозь ветви.

– Сюда, – сказала Мадригал, замедляя полет, чтобы спуститься вниз через просвет в густой листве. Тело дрожало от ночного ветра, свободы и предвкушения. В подсознании шевелился страх перед будущим – чем обернется ее безрассудный побег? Его заглушали шелест листьев, и музыка ветра, и свист рассекаемого крыльями воздуха. *Шшух-шшух* – летали вокруг эвангелины, змееголовые птицы, пьющие ночной нектар вечных деревьев. В темноте рощи их глаза вспыхивали серебряным светом, подобно мозаике на крыше храма.

Теплой волной всколыхнув воздух, Акива приземлился рядом с Мадригал. Она повернулась к нему. На их лицах все еще были маски. В полете они могли сорвать их, но не сделали этого. Мадригал думала об этом мгновении, о том, как они будут стоять лицом друг к другу, и в ее воображении маску с нее снял Акива, а с него – она.

Наверное, ему представлялось то же самое. Он сделал к ней шаг.

Реальный мир, и так уже отдаленный – лишь треск фейерверка на самом краю горизонта, – исчез полностью. По телу Мадригал пробежал сладкий, волнующий трепет, словно она – струна лютни. Акива снял перчатки и кончиками пальцев прикоснулся к ней, пробежал по рукам и шее. Развязал на затылке ленты, на которых держалась маска. Весь вечер она смотрела на мир сквозь маленькие отверстия, теперь поле зрения расширилось, и перед ней в полный рост предстал Акива, все еще в комичном образе. Она услышала его тихий восторженный шепот «красавица!», потянулась к нему и тоже сняла маску.

– Привет, – чуть слышно произнесла она, так же, как при встрече во время эмберлина. Тогда она просияла от счастья. По сравнению с чувством, переполнявшим ее теперь, то счастье казалось лишь искрой в фейерверке.

Он был еще прекраснее, чем в ее воспоминаниях. В Буллфинче, умирающий, мертвенно-бледный, ослабший, он все равно был красив. Сейчас, пышущий здоровьем, светящийся изнутри от любви, он пылко смотрел на нее воодушевленным, радостным взглядом, полным надежд и ожиданий. Он был *жив*.

Жив благодаря ей.

– Привет, – прошептал он в ответ.

Они удивленно смотрели друг на друга. Только прикосновение могло помочь поверить в реальность происходящего.

Едва дыша, Мадригал дотронулась дрожащей рукой до могучей груди Акивы. Дрожь тотчас прошла. Сквозь ткань его рубахи ощущался жар. Воздух в роще до того сгустился, что его впору было пить, стал настолько плотным, что с ним можно было танцевать. Казалось, между ними стоит невидимое существо, но едва Мадригал сделала шаг к Акиве, оно исчезло.

Акива обнял ее, а она вскинула голову, чтобы вновь прошептать: «Привет!»

Он отозвался, и Мадригал обвело его дыханием. Веки изумленно распахнутых глаз затрепетали, губы встретились, и лишь прикосновение убедило, что все происходит на самом деле.

56. Сотворение

Давным-давно жили гигантские монстры, громадные, как миры, которые плавали во тьме. Монстры эти назывались гибборимы. Они любили тьму, ведь она скрывала их уродство. Стоило только другим существам исхитриться и добыть свет, гибборимы тут же его гасили. Как только появлялись звезды, они тотчас их глотали. Казалось, тьма будет вечной.

Однажды племя отважных воинов, услышав о гибборимах, отправилось в дальний путь, чтобы с ними сразиться. Война света и тьмы затянулась надолго, многие воины пали в боях. Под конец, когда они все-таки одолели монстров, в живых осталась лишь сотня воинов – божественных звезд, принесших свет во вселенную.

Они сотворили другие звезды, среди них и солнце, и не осталось больше тьмы, один бесконечный свет. По своему подобию сотворили они детей – серафимов – и послали их нести свет в другие миры. Все было хорошо, но как-то раз последний из гибборимов, которого звали Замзумин, убедил божественные звезды в том, что мрак необходим, что свет по сравнению с ним будет казаться ярче. И звезды создали мрак.

Однако Замзумин их обманул. На самом деле ему нужна была лишь крупица тьмы. Он вдохнул жизнь во мрак, и как звезды сотворили серафимов, так и он по своему подобию сотворил химер, таких же отвратительных, как и он сам. С тех пор серафимы сражаются на стороне света, а химеры – на стороне тьмы, и останутся они врагами до тех пор, пока миру не придет конец.

Мадригал нехотя рассмеялась.

– Замзумин? Что за имя?

– Откуда мне знать? Ведь это твой предок.

– А, ну да. Злобный дядька Замзумин, который сделал меня из мрака.

– Из жуткого мрака, – сказал Акива. – Поэтому на тебя невозможно смотреть.

Она вновь засмеялась, весело и с удовольствием.

– Всегда задавалась вопросом, откуда это во мне. Теперь понятно. Рога у меня от отца, а жуткая внешность – от дядьки, огромного злобного монстра.

Помолчав, она добавила:

– Моя история мне нравится больше. Лучше быть сотворенной из слез, чем из мрака.

– Обе не особенно радостные.

– Да уж. А давай сами придумаем миф.

Обнявшись, они лежали на ворохе одежды на заросшем мхом пригорке за храмом Эллай, рядом журчал ручеек. Обе луны спрятались за кронами деревьев, закрылись на ночь белые цветки вечных деревьев, затихли эвангелины. Приближалось время возвращаться, но они гнали от себя эту мысль, словно могли остановить рассвет.

– Давным-давно... – начал было Акива, но замолчал, когда его губы случайно коснулись шеи Мадригал. – М-м-м, сахар. Я думал, его не осталось. Придется проверить еще раз, везде.

Мадригал засмеялась, беспомощно извиваясь:

– Хватит, хватит, щекотно!

Но Акива продолжал прикасаться губами к ее шее, щекотка прошла, уступив место трепету, и вскоре Мадригал перестала сопротивляться.

Прошло некоторое время, прежде чем они вернулись к сочинению нового мифа.

– Давным-давно, – пробормотала Мадригал, прижавшись к груди Акивы, при этом изгиб ее левого рога повторял очертание его щеки, – существовал идеальный мир, в котором жили птицы и причудливые существа, мир, полный восхитительных вещей: медовых кувшинок, и потрясающей доброты, и горностаев...

– Горностаев?!

– Тсс. И в мире этом уже были и свет и тьма, а потому он не нуждался ни в пронырах-звездах – его ни от чего не нужно было спасать, ни в истекающих кровью солнцах, ни в плачущих лунах. А самое главное, он никогда не знал войны – ужасной и опустошительной. Земля и вода, воздух и огонь – все четыре стихии были в нем, но не хватало последней. Любви.

Акива прикрыл глаза. Слушая, он улыбался и гладил короткие волосы Мадригал, ее ребристые рога.

– Этот рай был словно ларец, в котором не хватало сокровища. Так он и существовал, день за днем, с розовыми восходами, и звуками, и удивительными ароматами, и ждал, когда его найдут влюбленные и наполнят своим счастьем. – Пауза. – Вот и все.

– Все? – Акива открыл глаза. – Что значит – вот и все?

Она потерлась щекой о золотистую кожу его груди и ответила:

– История не окончена. Мир все еще ждет.

– Знаешь туда дорогу? – спросил он задумчиво. – Пойдем, пока не

взошло солнце.

Солнце. Мадригал, тянувшаяся губами к плечу Акивы – тому самому, со шрамом, напоминающем об их первой встрече в Буллфинче, – замерла. Ведь она могла бросить его, истекающего кровью, или – еще хуже – прикончить, однако что-то остановило ее, и теперь они вместе. Мысль о том, что подходит время высвободиться из объятий, одеться, *уйти*, вызывала в душе отчаянное сопротивление.

А еще был страх – что там, в Лораменди, произошло после ее исчезновения? Образ разъяренного Тьяго мешал ее счастью, она гнала мысли о нем, однако рассвет надвигался неотвратимо.

– Мне пора уходить, – проговорила она печальным голосом.

– Я знаю, – ответил Акива. На его лице тоже отразилась тоска. Он не спросил: «Что нам делать?» – как и она. Позже они будут обсуждать такие вещи; в первую ночь они оба не решались говорить о будущем, и, несмотря на все то, что они обрели в ту ночь, они все еще робели друг перед другом.

Мадригал потянулась рукой к амулету, который носила на шее.

– Ты знаешь, что это? – спросила она, развязывая шнурок.

– Косточка?

– Ну да. Счастливая косточка. Возьмись пальцем за отросток, вот так. Потом каждый из нас должен загадать желание и потянуть. У кого останется большой кусок – тот выиграл, и его желание исполнится.

– Волшебство? – спросил Акива, усаживаясь. – Что же это за птица, чьи кости творят волшебство?

– О, это вовсе не волшебство. На самом деле желания не исполняются.

– Зачем тогда все это?

Она пожала плечами.

– Ради надежды? Надежда – великая сила. Настоящего волшебства здесь, конечно, нет, но если ты знаешь, чего хотел бы больше всего на свете, и хранишь в себе надежду как огонек, она может осуществиться. Это почти как волшебство.

– А на что надеешься ты?

– Рассказывать нельзя. Давай загадывай вместе со мной.

Мадригал протянула косточку.

Она повесила косточку на шею на шнурке отчасти из детского каприза, отчасти из дерзости. В четырнадцать лет, прослужив у Бримстоуна два года, она уже начала проходить боевую подготовку и чувствовала в себе силу. В один прекрасный день, когда Твига вынимал из форм очередную партию лакнау, она принялась его уламывать дать ей одну монету.

Тогда Бримстоун еще не поведал ей жестокую правду о магии и

расплате болью, и исполнение желаний она считала забавой. Твига отказал – он всегда ей отказывал, если только дело не касалось скаппи, которые требуют лишь малую толику боли, – и она, раскапризничавшись, забилась в угол. Теперь она даже не могла вспомнить, что за фантазия так много значила для нее, четырнадцатилетней, зато прекрасно помнила, как Исса достала из остатков ужина – тетерева под соусом – косточку и пыталась ее успокоить человеческой забавой.

Исса знала множество историй о людях, именно благодаря ей Мадригал увлеклась этим народом и их миром. Назло Бримстоуну она взяла косточку и устроила целый спектакль по загадыванию желания.

– И все? – произнес Бримстоун, услышав, какой пустяк стал причиной ее раздражения. – На это желание ты потратила бы монету?

Мадригал и Исса уже чуть было не сломали косточку, но остановились.

– Ты неглупая, Мадригал, – сказал Бримстоун. – Если ты чего-нибудь хочешь, добивайся. В надежде есть своя сила. Не растрачивай ее по мелочам.

– Отлично, – ответила она, зажав косточку в кулаке. – Буду хранить ее, пока моя надежда не оправдает твоих высоких ожиданий.

Она повесила вещицу на шнурок. Несколько недель подряд она демонстративно оглашала нелепые желания и притворялась, что раздумывает над ними.

– Хочу попробовать на вкус свои пятки, как бабочка.

– Хочу, чтобы мышцы-скорпионы разговаривали. Сдается мне, они знают самые интересные сплетни.

– Хочу синие волосы.

Однако она так и не разломила косточку. То, что начиналось как детский протест, переросло в нечто большее. За неделями шли недели, и чем дольше она не разламывала ее, тем, казалось, достойней должно быть желание – скорее даже *надежда*.

В роще Скорби это, наконец, случилось.

Она мысленно сформулировала желание, посмотрела в глаза Акиве и потянула. Косточка разломилась ровно посередине, и кусочки, когда их приложили друг к кругу, оказались совершенно одинаковой длины.

– Ой. Не знаю, что это значит. Наверное, оба наши желания исполнятся.

– А может, мы оба мечтаем об одном и том же?

Мадригал мысль понравилась. Ее желание в тот первый раз было простым, ясным и горячим: она страстно хотела увидеться с Акивой еще.

Только в этом случае она могла заставить себя уйти.

Они поднялись с вороха одежды. Мадригал вновь натянула платье, для этого ей пришлось извиваться как змее, которая пытается влезть в сброшенную кожу. Войдя в храм, они испили воды из святого источника, бьющего из земли. Она сполоснула лицо, поклонилась Эллаи, мысленно попросив ее хранить их тайну и пообещав в следующий раз принести свечи.

Потому что она, разумеется, собиралась прийти сюда вновь.

Разлука казалась до театральности трагичной, физически невозможной. Улететь и оставить Акиву здесь – до сих пор она и не догадывалась, как это трудно. Возвращалась и возвращалась, чтобы поцеловать его в последний раз. Утомленные поцелуями губы с непривычки распухли, и она представила, как покраснеет от стыда, когда всем станет ясно, чем она занималась ночью.

Наконец она полетела. Маска, которую она держала за одну из длинных лент-завязок, порхала рядом, как попутная птица, внизу вращалась тронутая рассветными красками земля. После празднества город затих, подернутый дымкой, в воздухе витал оставшийся от фейерверка запах пороха. Потайным ходом она пришла в подземный храм. Ворота отпирались на звук ее голоса – такие чары наложил на них Бримстоун, – а охраны не было, так что никто ее не видел.

Все оказалось просто.

В тот первый день она волновалась и осторожничала, не зная, что произошло в ее отсутствие и чего ждать. Однако судьба непостижимым образом плела свои нити: в то утро с побережья Мирея явился шпион с известием о приближающихся серафимских галеонах, и Тьяго отбыл из Лораменди почти сразу же после того, как вернулась Мадригал.

Отвечая на вопрос Чиро о том, куда она подевалась, Мадригал что-то солгала. С тех пор отношение сестры к ней изменилось. Мадригал постоянно ловила на себе странный, рассеянный взгляд Чиро, которая затем быстро отворачивалась и занималась своими делами как ни в чем не бывало. Виделись они теперь реже, отчасти потому, что Мадригал существовала в своем новом, тайном мире, а отчасти из-за Бримстоуна – ему в то время была необходима помощь, поэтому ее освободили от всех других обязанностей. После новых атак войск серафимов ее батальон не мобилизовали, и она с иронией думала о том, что благодарить за это следует Тьяго. Он огородил Мадригал от любой потенциальной опасности, которая могла лишить ее «чистоты» до того, как у него появится время на ней жениться. Наверное, ему просто некогда было перед отбытием

отменить приказ.

Дни Мадригал проводила в лавке и в храме вместе с Бримстоуном, нанизывая зубы на нити и создавая тела, а ночи – так часто, как только могла, – с Акивой.

Для Эллай она приносила свечи и кулечки с любимой пряностью луны и тайком таскала еду, которую после любви они ели руками: медовые сласти, и греховные ягоды, и жареную птицу, чтобы утолить ненасытный голод, и никогда не забывали вынуть счастливую косточку из птичьей груди. Приносила она и вино в изящных сосудах, и крошечные чашки, вырезанные из кварца, чтобы пить его. Чашки они полоскали в святом источнике и хранили возле алтаря.

Разламывая косточку перед каждой разлукой, они загадывали следующую встречу.

Часто, работая бок о бок с Бримстоуном, Мадригал думала, что он знает ее тайну. Взгляд золотисто-зеленых глаз застывал, и казалось, он пронзает ее насквозь. Она говорила себе, что так больше не может продолжаться, что это безумие, которое следует остановить. Однажды она даже репетировала, что скажет Акиве, когда вновь прилетит в рощу Скорби. Однако увидев его, она выбрасывала все мысли из головы и погружалась в удовольствие в месте, о котором они сейчас думали как о мире из ее истории, – о рае, который влюбленные должны наполнить своим счастьем.

И они наполняли. Месяц краденых ночей, а изредка и залитых солнцем дней, когда Мадригал удавалось улизнуть из Лораменди, они огораживали крыльями свое счастье, которое называли миром, хотя оба знали – это не мир, а лишь укрытие, что совсем не одно и то же.

Через некоторое время после первой встречи они начали узнавать друг друга по-настоящему, как влюбленные, которые через разговоры и прикосновения жаждут впитать каждое воспоминание и мысль, запомнить запахи и шепот. И когда стеснительность окончательно пропала, они поняли, что закрывать глаза на будущее бессмысленно. Для обоих это была не настоящая жизнь – особенно для Акивы. Он никого не видел, кроме Мадригал, и целыми днями, подобно евангелинам, спал, дожидаясь ночи.

Акива признался, что он – императорский отпрыск, один из легиона рожденных убивать, и рассказал, как однажды в гарем явилась стража, чтобы увести его. Как мать даже не обернулась, словно он вовсе не ребенок, а дань, которую она должна заплатить. Как он ненавидел отца за то, что тот растил детей убийцами, и временами было заметно – он не может простить себе, что оказался одним из них.

Мадригал гладила выпуклые шрамы на его пальцах и думала об убитых им химерах; каждая полоска – чья-то жизнь. Интересно, сколько душ удалось собрать, а сколько потеряно навсегда?

Она не выдала Акиве тайну воскрешения. На вопрос, почему у нее на ладонях нет татуировок, сочинила какую-то историю. О фантомах не рассказала – слишком губительными могли оказаться последствия, слишком многое зависело от этой тайны для ее народа. Она не смела ею делиться, даже чтобы смягчить его чувство вины за всех убиенных химер. Вместо этого она поцеловала его отметины и сказала:

– Война – это все, чему нас учили, но есть и другие пути. Мы их найдем, Акива. Мы их *сотворим*. Начало – здесь.

Она прикоснулась к его груди и почувствовала, как глубоко любит и это сердце, благодаря которому по его жилам течет кровь, и гладкую кожу, и шрамы, и нежность, столь не присущую воинам. Она взяла его руку, прижала к своей груди и проговорила:

– Мы и есть начало.

Они стали думать, что это возможно.

Акива рассказал, что за два года после Буллфинча не убил ни одной химеры.

– Правда? – спросила она, не веря своим ушам.

– Ты доказала, что можно обойтись без убийств.

Мадригал опустила взгляд на свои ладони и призналась:

– А я серафимов убивала.

Акива, взяв ее за подбородок, заглянул в лицо.

– Ты меня спасла, и я изменился. Поэтому мы здесь. Раньше ты себе такое представляла?

Она покачала головой.

– Разве не могут и другие измениться?

– Некоторые, – ответила она, думая о своих товарищах, друзьях. О Белом Волке. – Не все.

– Сначала некоторые. Потом еще и еще.

Сначала некоторые. Потом еще и еще. Мадригал кивнула, и они вместе представили другую жизнь, не только для себя, а для всех населяющих Эрец народов. Весь этот месяц они скрывались и любили, мечтали и строили планы; они верили, что и это тоже предначертано свыше – быть посланниками неведомой великой воли. Чьей воли – Нитид ли, божественных ли звезд – они не знали, лишь ощущали в себе страстное желание принести мир своим народам.

Теперь, разламывая счастливые косточки, они загадывали именно это.

Они знали, что вечно прятаться в роце Скорби невозможно. Многое предстояло сделать; они лишь начали осуществлять свою мечту, и столько силы было в их надежде, что она могла бы совершить чудо, если бы их не предали.

57. Фантом

– Акива, – выдохнула Кэроу, осознав, кто она есть.

За считанные секунды после того, как они разломали счастливую косточку, перед ней промелькнули года. Семнадцать лет назад Мадригал умерла. Дальше – другая жизнь, которая принадлежала и ей тоже. Она – Кэроу, и она – Мадригал. Человек и химера.

Она была фантомом.

Внутри нее кипела работа: быстро слились воедино две памяти, переплелись два сознания.

Посмотрев на хамсы, она поняла замысел Бримстоуна. Вопреки оглашенному Тьяго приговору к уничтожению, он исхитрился и забрал ее душу. Однако жить в своем мире она не могла, и он тайно перенес ее сюда. Как ему удалось извлечь из души память? Жизнь, прожитую Мадригал, он заключил в счастливую косточку и сохранил для нее.

Она вдруг вспомнила, как Изил во время их последней встречи предложил ей детские зубы, а она отказалась, потому что Бримстоун их не берет. «Иногда берет, – ответил Изил. – Один раз точно было дело».

Теперь она поверила.

Фантомы были нужны для битв; их тела создавали из зрелых зубов. Но ее Бримстоун сделал ребенком, человеком, назвал *надеждой* и подарил целую жизнь, вдали от войны и смерти. Сердце наполнилось нежностью, теплотой, любовью. Он дал ей детство, мир. Желания. *Художественный талант*. А Исса, и Ясри, и Твига – они всё знали и помогали. Прятали ее. Любили. Скоро она их увидит. И не будет сторониться Бримстоуна, как делала это всегда, побаиваясь его угрюмости и устрашающей внешности. Она бросится к нему с распростертыми объятиями и скажет наконец «спасибо».

Она подняла взгляд от своих ладоней, посмотрела на другое чудо – Акиву. Он все еще стоял у изножья кровати, на которой всего лишь мгновение назад они лежали вместе, и Кэроу поняла, что всеохватность чувств берет начало в другой ее жизни, в другом теле. Она полюбила его дважды. Теперь обе любви переполняли ее так, что это было почти невыносимо. Она смотрела на него сквозь призму слез.

– Ты уцелел, – проговорила она. – Выжил.

Вскочив с кровати, она бросилась к нему, вновь ощутила знакомую твердость тела, его тепло.

Не сразу, но он все-таки крепко обхватил ее руками. Молча обнимал, раскачиваясь вперед-назад. Прижимался губами к макушке, дрожал и плакал.

– Ты уцелел, – повторила она, смеясь сквозь слезы. – Ты жив.

– Я жив, – с трудом прошептал он. – И *ты* тоже. Я не знал. Все эти годы я думал...

– Мы живы, – изумленно воскликнула Кэроу. Восхищение переполняло ее, и казалось, что их миф воплотился в жизнь. У них был мир; они существовали в нем. Это место, подаренное Бримстоуном, – наполовину ее дом, вторая половина ждала за порталом, на небесах. И обе могли быть в их распоряжении, а разве нет?

– Я видел, как ты умирала, – растерянно сказал Акива. – Кэроу... Мадригал... Любовь моя.

Его глаза, их выражение. Так же он выглядел семнадцать лет назад, стоя на коленях, вынужденный смотреть.

– Я видел, как ты умирала, – повторил он.

– Я знаю. – Она нежно поцеловала его, вспомнив душераздирающий крик. – Я не забыла.

Он тоже помнил.

Палача в капюшоне: монстра. Волка и Воителя, наблюдавших с балкона. И толпу, бешеный топот ног, возмущенный рев и жажду крови. Монстры глумились над взлелеянной Акивой после Буллфинча мечтой о мире. Одна-единственная из них затронула его душу, и он решил, что они все достойны той мечты.

Она стояла в кандалах – единственная; его единственная, со связанными, искореженными крыльями. Вот что делали они со своими. С прекрасной Мадригал, даже теперь не утратившей изящества.

С беспомощным ужасом в глазах он смотрел, как она упала на колени. Положила голову на плаху. «Невозможно!» – кричало сердце Акивы. Как это произошло? Тайная сила, которая была на их стороне, куда она подевалась? Беззащитная шея Мадригал, щека на горячей черной колоде, лезвие, поднятое высоко и готовое упасть...

Чудовищный крик вырвался из него наружу, разодрал все внутри. Он попытался обратить боль в магию, но был слишком слаб. Волк об этом позаботился: даже сейчас рядом с Акивой стояли стражники, направив на него хамсы, которые почти обескровили его. Все же он не оставлял попыток, и толпа загудела, ощутив, как дрогнула земля под ногами. Эшафот качнулся, палачу пришлось сделать шаг, чтобы устоять. Но этого

было недостаточно.

От натуги в глазах Акивы полопались сосуды. Он все еще кричал. Пытался.

Сверкнуло падающее лезвие, и Акива повалился вперед, на руки. Он был истерзан, опустошен. Любовь, мир, мечта – все погибло. Надежда, человечность – исчезли.

Осталась лишь жажда возмездия.

Лезвие, огромное и сверкающее как луна, рухнуло на обнаженную шею Мадригал.

Она осознавала, что тело распадается.

Она все еще существовала. Существовала, но не материально. Не хотела видеть, как отлетит голова, но не смотреть не могла. Сначала брякнули о помост рога, затем последовал ужасный шлепок плоти. Рога не дали голове покатиться.

С новой, странной точки обзора она видела все это. Не смотреть не получилось. Глаза – инструмент тела, с избирательным фокусом зрения и веками, которыми их можно прикрыть. Сейчас, без границы из плоти, отделяющей ее от окружавшего воздуха, она видела все. Картинка была неяркой, во всех направлениях сразу, словно все ее существо – один глаз, но с затуманенным зрением. Агора, бурлящая ненавистью толпа. На помосте перед самым эшафотом Акива на коленях рвется к ней, захлебываясь в рыданиях, его крик все еще разрывает воздух.

Под собой она увидела лишь собственное обезглавленное тело. Оно покачнулось в сторону и рухнуло. Телу пришел конец. Мадригал чувствовала себя привязанной к нему. Она знала, что души, прежде чем начать угасать, несколько дней витают рядом с телами. Фантомы, души которых удалось выхватить на грани исчезновения, рассказывали, что их будто бы уносило отливом.

По приказу Тяго труп оставили гнить на эшафоте под охраной, чтобы никто не пытался забрать душу. Ей было жаль, что с ее телом так обращаются. Пускай Бримстоун называл тела «конвертами», она любила оболочку, в которой жила, и желала бы ей более достойного конца, но поделаться ничего не могла. В любом случае, оставаться рядом и наблюдать за разложением она не собиралась. У нее были другие планы.

Замысел родился из брошенного ей намека. Мадригал сомневалась, что его можно осуществить, однако направила всю свою волю, страсть и пыл на исполнение задуманного. Все силы теперь были нацелены на одно, последнее дело: вызволить Акиву из заточения.

Для чего понадобилось новое тело. Хорошее. Она сделала его сама.
И даже использовала алмазы.

58. Победа и возмездие

– Что с тобой происходит, Мад?

Неделей ранее в казармах Мадригал беседовала с Чиро. Уже брезжил рассвет, а она всего лишь полчаса назад добралась до кровати, проведя ночь с Акивой.

– О чем ты?

– Ты теперь почти не спишь. Где ты была сегодня ночью?

– Работала, – ответила она.

– Всю ночь?

– Да, всю ночь. Ну, может, вздремнула в лавке пару часов.

Она зевнула. Лгать можно было не боясь разоблачения: никто, кроме приближенных Бримстоуна, не знал о происходящем в западной башне и даже о том, как туда пройти. Действительно, она немного поспала – только не в лавке. Она вздремнула на груди у Акивы и проснулась оттого, что он глядел на нее.

– Что? – робко спросила она.

– Приснилось что-то приятное? Ты улыбалась во сне.

– Еще бы. Я счастлива.

Счастлива.

Наверно, это Чиро и имела в виду, когда спросила, что с ней происходит. Мадригал чувствовала себя обновленной. Раньше она и не догадывалась, каким глубоким может быть счастье. Невзирая на трагедию, случившуюся в детстве, и неотступное бремя войны, она и раньше считала, что счастлива – вокруг почти всегда отыскивалось множество удовольствий, стоило только повнимательней присмотреться! Но теперь все было иначе – это счастье не скроешь. Иногда она представляла, что оно, как свет, лучится из нее.

Счастье. Место, где на смену страсти, со всем ее умопомрачением и барабанным боем, приходит нечто более мягкое, родное, надежное и жизнерадостное. Все это переплелось с пылом и трепетом, и она словно звездным светом светилась изнутри.

Сестра молча всматривалась в ее лицо, когда внезапно грянули трубы. Мадригал подбежала к окну. Казармы размещались сразу за оружейным складом, и на дальней стороне агоры виднелся фасад дворца, над которым реяло огромное шелковое полотнище, знамя Воителя, украшенное гербом – оленьими рогами с проросшими на них листочками, символизирующими

новую поросль. Мадригал и Чиро увидели, как рядом развернулся еще один стяг. На его гербе красовался белый волк, и была надпись, хотя на расстоянии прочесть ее было невозможно, они обе знали ее наизусть.

Победа и возмездие.

В Лораменди вернулся Тьяго.

Руки Чиро затрепетали, и ей пришлось опереться на подоконник, чтобы унять дрожь. От взгляда Мадригал не укрылось возбуждение сестры, хотя сама она была занята тем, что пыталась подавить в себе подступавшую злость. Отъезд Тьяго она считала знаком – судьба благоволит ее счастью. Если так, тогда что означало его возвращение? Вид знамени подействовал на нее как ледяной душ.

Она вздрогнула.

Это не укрылось от Чиро:

– Что такое? Ты его боишься?

– Не боюсь, – ответила Мадригал. – Переживаю только, не оскорбило ли его мое исчезновение. – Она придумала историю, что перенервничала, выпила слишком много травяного вина, ушла в подземный храм и уснула. Проверив реакцию сестры, она спросила: – Он... сильно разозлился?

– Кому понравится быть отвергнутым, Мад?

Это означало «да».

– Как думаешь, теперь все кончено? Я ему больше не нужна?

– Этого ты добьешься только одним путем, – шутливо отозвалась Чиро, но глаза ее при этом сверкнули. – Умри, а потом воскресни уродиной. И он оставит тебя в покое.

Можно было догадаться или хотя бы задуматься. Но сердце Мадригал не допускало подозрений. Доверие ее погубило.

59. Пока не изменится мир

– Я не смогу тебя спасти.

Бримстоун подошел к решетке. Мадригал подняла глаза. Она сидела на полу в тюремной камере и спасения не ждала.

– Знаю.

Вздернув подбородок, она устремила на него невозмутимый взгляд. Плюнет ли он ей в лицо, как это сделали другие? Это не обязательно. Даже обычное разочарование Бримстоуна было хуже проклятий остальных.

– Тебя истязали? – спросил он.

– Только тем, что истязали его.

Акиву держали достаточно близко, чтобы она слышала крики, когда его страдания достигали апогея, – самая мучительная из пыток, которые она только могла представить. Крики то усиливались, то затихали; она не знала, когда раздастся следующий, и провела последние несколько дней в изматывающем ожидании.

Бримстоун внимательно посмотрел на нее.

– Ты его любишь.

В ответ она лишь кивнула. До сих пор она хорошо держалась, спокойно и с достоинством, никому не показывая, что творится в душе. Но под пристальным взглядом Бримстоуна верхняя губа задрожала, пришлось прижать к ней костяшки пальцев. Он молчал, и она, немного успокоившись, произнесла:

– Прости.

– За что, дитя?

Издевка? По его бараньему лицу ничего не прочесть. На одном из рогов сидел Кишмиш, и его поза повторяла позу хозяина – наклон головы, ссутуленные плечи. Бримстоун спросил:

– Ты просишь прощения за любовь?

– Нет.

– За что тогда?

Она не знала, что он хочет услышать. Раньше он говорил, что ему нужна только правда, без прикрас. Так в чем же была правда? За что она просила прощения?

– За то, что меня поймали, – ответила она. – Что тебе стыдно за меня.

– Мне должно быть стыдно?

Она захлопала глазами. Не верилось, что Бримстоун станет над ней

насмехаться. Она думала, он просто не придет, и в последний раз она увидит его на дворцовом балконе в ожидании казни.

– Скажи, что такого ты совершила? – попросил он.

– Ты знаешь что.

– Скажи сама.

Значит, все-таки насмешка. Она кивнула и принялась декламировать:

– Измена родине. Связь с врагом. Создание угрозы существованию химер и всему, за что мы боролись в течение тысячи лет...

– Приговор мне известен, – оборвал он. – Давай своими словами.

Она сглотнула, пытаясь угадать, чего он хочет, и сбивчиво произнесла:

– Я... я влюбилась. Я... – Бросив на него смущенный взгляд, она рассказала то, о чем до сих пор никому не говорила: – Все началось под Буллфинчем. После битвы, во время сбора душ я нашла его, умирающего, и спасла. Не знаю почему. Тогда казалось, по-другому нельзя. Позже... позже я подумала: это произошло, потому что у нас было предназначение. – Ее голос стал совсем тихим, щеки вспыхнули. – Принести мир.

– Мир, – повторил Бримстоун.

Какой наивной представлялась вера в высшее предназначение любви. Наивной, и все-таки прекрасной. В их с Акивой тайне не было ничего постыдного.

– Мы вместе мечтали о том, чтобы мир изменился, – возвысив голос, сказала Мадригал.

Последовало долгое молчание. Бримстоун просто смотрел на нее, и если бы в детстве она не играла с ним в гляделки, то вряд ли выдержала бы такой взгляд. Тем не менее, когда он наконец заговорил, ей отчаянно хотелось сморгнуть.

– И за это, – сказал он, – я должен стыдиться тебя?

Цепкие когти терзавшей Мадригал душевной боли замерли. Казалось, что кровь перестала бежать по жилам. Она не надеялась... Не смела. О чем он? Скажет ли он больше?

Нет. Тяжело вздохнув, он повторил:

– Я не смогу тебя спасти.

– Знаю...

– Ясри передала тебе гостинец.

От холщового узелка, протянутого сквозь прутья решетки, исходил изумительный аромат. Развязав, Мадригал увидела рогалики, которыми Ясри годами потчевала ее в надежде, что она хоть немного поправится. Слезы брызнули из глаз.

Она бережно отодвинула печенье в сторону.

– Не могу, – прошептала она. – Только передай, что я съела.

– Ладно.

– А... Иссе с Твигой... – Горло сдавил ком. – Скажи им...

Снова пришлось прижать к губам кулак. Она едва сдерживалась. Почему присутствие Бримстоуна так на нее действовало? До его появления ее обуревала ярость.

Не дослушав, он сказал:

– Они знают, дитя. Они все знают. И тоже не стыдятся тебя.

Тоже.

Мадригал залилась слезами. Приникла к решеткам, опустила голову и плакала, а когда почувствовала на затылке его руку, разрыдалась еще сильнее.

Кроме Бримстоуна, спасшего самого Воителя, ни единая душа не смела нарушить запрет Тьяго на свидания с ней. Бримстоун обладал властью, но даже он не мог отменить приговор. Слишком тяжкое преступление совершила она, слишком явной оказалась ее вина.

Выплакавшись, Мадригал ощутила пустоту... и легкость, словно соль непролитых слез отравляла ее. Она оперлась на решетку. С другой стороны Бримстоун присел на корточках. Зачирикал Кишмиш, и в его щебете Мадригал узнала привычное задорное попрошайничество. Раскрошив кусочек печенья, она принялась кормить его.

– Пикник за решеткой, – сказала она и попыталась улыбнуться, но улыбка тут же погасла.

Они слышали его одновременно – душераздирающий крик, от которого Мадригал сжалась в комок, уткнула лицо в колени, закрыла ладонями уши, погрузившись в темноту, тишину, отрицание. Не помогло. Крик успел проникнуть в голову, и даже когда сам он оборвался, эхо все еще звенело внутри.

– Кто пойдет первым? – спросила она.

Бримстоун понял.

– Ты. Серафим будет смотреть.

Минуту она отчужденно молчала, а потом произнесла:

– Я думала, он сделает наоборот. Заставит смотреть меня.

– Мне кажется, – нерешительно сказал Бримстоун, – он еще не разобрался с ним.

У Мадригал вырвался стон. До каких пор? До каких пор Тьяго будет его истязать?

– Помнишь счастливую косточку? – спросила она Бримстоуна.

– Помню.

– Я все-таки загадала желание. Или... надежду, ведь никакого волшебства нет.

– Надежда и *есть* волшебство, дитя.

Перед глазами один за другим промелькнули образы. Лучистая улыбка Акивы... Обессиленный Акива, его кровь стекает в святой источник... Солдаты вышвыривают их из храма... Храм полыхает, деревья в роще Скорби охватывает огонь, как и живущих среди их ветвей эвангелин...

Мадригал достала из кармана счастливую косточку, которую принесла в рощу в тот последний раз. Они не успели ее разломить.

– Вот. – Она протянула косточку Бримстоуну. – Возьми, растопчи и выбрось. Надежды нет.

– Если бы я так думал, – возразил Бримстоун, – сейчас меня бы здесь не было.

О чем он?

– Чем я занимаюсь, дитя, изо дня в день, как не борюсь с неодолимой мощью прилива? Волна за волной идет на берег, и каждая захватывает все больше песка. Мы не выиграем, Мадригал. Нам не по силам одолеть серафимов.

– Что? Но...

– Мы не можем победить в этой войне. Я всегда это знал. Они слишком сильны. Мы так долго держались лишь потому, что сожгли библиотеку.

– Библиотеку?

– В Астрэ. Архив их магов. Эти глупцы хранили все тексты в одном месте. Они так ревниво оберегали свою власть, что не позволяли их копировать. Не хотели делиться знаниями и брали в ученики лишь тех, кого могли контролировать и держать при себе. Это было их первой ошибкой – сосредоточить все свое могущество в одном месте.

Мадригал увлеченно слушала. Чтобы Бримстоун когда-нибудь ей такое поведал! Историю. Тайны. Боясь нарушить очарование, она спросила:

– А в чем вторая ошибка?

– Они забыли, что нас следует бояться.

Он помолчал. Кишмиш перепрыгивал с одного рога на другой.

– Им необходимо было верить в то, что мы животные, чтобы оправдать свое к нам отношение.

– Как к рабам, – прошептала она, словно услышав голос Иссы.

– Нас поработили для боли. Мы были источником их могущества.

– пытки...

– Они уверили самих себя, что мы покорные твари, будто этим можно

оправдаться. В их застенках томились пять тысяч тварей, вовсе не бессловесных, но они продолжали верить в свою выдумку. Нас не боялись, поэтому все оказалось просто.

– Что оказалось просто?

– Уничтожить их. Половина охранников даже не понимали нашего языка. Беспечные, они считали, что мы лишь рычим и воем от боли. Мы убили этих глупцов и сожгли все вокруг. Без магии серафимы потеряли превосходство и за все эти годы так и не вернули его. Но это все равно произойдет, даже без библиотеки. Твой серафим доказал, что утерянное они открывают заново.

– Но... Нет. Магия Акивы, она не... – Мадригал вспомнила живую шаль. – Он бы никогда не использовал ее как оружие. Он хотел только мира.

– С помощью магии мира не добьешься. Слишком высока цена. Я продолжаю использовать ее, ведя души от смерти к смерти, только лишь в надежде, что нам удастся сохранить жизнь до тех пор, пока... не изменится мир.

Ее слова.

Он откашлялся. Это прозвучало как шуршание гравия. Неужели он хотел сказать, что...

– Я тоже об этом мечтал, дитя.

Мадригал не сводила с него взгляда.

– Магия не спасет. Понадобится такая мощь, что расплата нас уничтожит. Остается только... *надежда*. – Он все еще держал в руках счастливую косточку. – Ей не нужны символы – она живет в сердце, больше нигде. А в твоём сердце, дитя, она была самой сильной.

Бримстоун положил косточку в нагрудный карман, поднялся и повернулся спиной. Сердце Мадригал сжалось при мысли, что сейчас он оставит ее одну.

Но он лишь подошел к дальней стене и стал смотреть в маленькое окошко.

– Это Чиро, если ты не в курсе, – резко сменил тему Бримстоун.

Мадригал догадывалась.

Чиро летала за ней следом, пряталась в роще и все видела.

Чиро, как прирученная Тяго шавка, выдала ее только за то, чтобы хозяин потрепал по загривку.

– Тяго пообещал ей человеческий вид, – сказал Бримстоун. – Можно подумать, исполнить это обещание в его власти.

«Дурочка Чиро, – думала Мадригал. – Если она мечтала лишь об этом,

то для осуществления мечты заключила неудачный союз».

– Ведь ты не исполнишь его обещание?

С угрюмым видом Бримстоун ответил:

– Ей следовало проявить больше старания, чтобы больше не нуждаться в другом теле. У меня завалялась нитка зубов мурены. Не думал, что пригодится.

Мурена? Мадригал не поняла, шутит он или говорит серьезно. Наверное, серьезно. Ей стало почти жаль сестру. Почти.

– Подумать только, ведь я потратила на нее алмазы.

– Ты всегда относилась к ней со всей душой, даже если она не отвечала тебе тем же. Не сожалею о доброте, дитя. Оставаться честной наперекор злу – значит проявлять силу.

– Силу... – повторила она с усмешкой. – Я дала ей силу, и для чего она ее использовала?

Он ощерился.

– Чиро не сильная. Возможно, ее тело и сработано из алмазов, зато душа дряблая как моллюск, влажный и скукоженный.

Образ получился неприятный, но почти точный.

Бримстоун добавил:

– И с ним легко справиться.

– Что?

За дверью в коридоре раздались какие-то звуки. Время пришло? Бримстоун резко повернулся к ней лицом.

– Путеводный дым, – произнес он быстро и отрывисто. – Ты знаешь, из чего он состоит.

Она захлопала ресницами. Зачем он об этом говорит? Для нее дыма не будет. Однако Бримстоун не отводил взгляд. Мадригал кивнула. Разумеется, она знала: аронник и пиретрум, розмарин, а для сернистого запаха – смола асафетиды.

– Ты в курсе, как он работает, – сказал он.

– Дым прокладывает душе путь к сосуду. К кадилнице или телу.

– Это магия?

Мадригал задумалась. Она не раз помогала Твиге делать это.

– Нет, – встревоженно ответила она – звуки в коридоре становились все громче. – Это просто дым. Путь для души.

Бримстоун кивнул.

– Почти как твоя косточка. Не магия, а лишь возможность сосредоточить волю. – Он помолчал. – Сильной воле это не надобно.

Он не сводил с нее обжигающего взгляда. Что-то пытался донести.

Что?

У Мадригал затряслись руки. До конца она не понимала, но нечто в сознании начало обретать форму. Нечто, касающееся магии и воли. Дыма и кости.

Лязгнул засов. Сердце Мадригал гулко застучало. Крылья слабо трепыхнулись, как у запертой в клетку птицы. Дверь распахнулась, в проеме, словно в раме картины, возник Тяго, как всегда, облаченный во все белое. Мадригал внезапно поняла, зачем ему этот цвет: он служил фоном для крови жертв, и теперь на его парадном платье багровели пятна.

Кровь Акивы.

При виде Бримстоуна лицо Тяго на миг исказилось гневом. Однако вступать в схватку, выиграть которую ему не под силу, он не рискнул. Кивнув колдуну, он повернулся к Мадригал.

– Пора, – сказал Тяго. Голос его был наигранно мягким, словно он уговаривал ребенка лечь спать.

Она не ответила, изо всех сил стараясь держаться невозмутимо. Но Тяго не обманешь. Волчий нюх уловил запах страха. Улыбнувшись, он приказал охранникам, только и ждавшим его команды:

– Скрутить ей руки. Связать крылья.

– Это ни к чему. – Бримстоун.

Охрана застыла на месте.

Тяго повернулся к реаниматору, они уставились друг на друга, от ненависти у обоих раздувались ноздри, скрежетали челюсти. Волк четким голосом по слогам повторил приказ, и охранники бросились выполнять: ворвались в камеру, с трудом сомкнули крылья Мадригал за спиной и пронзили стальными скобами. Справиться с руками было легче – она не сопротивлялась. Закончив, они толкнули ее к двери.

Однако Бримстоун приготовил еще один – последний – сюрприз.

– Я кое-кого назначил благословлять отход, – обратился он к Тяго.

Мадригал считала, что в священном ритуале благословения ей будет отказано. Тяго, судя по всему, думал так же. Прищурившись, он выдал:

– Хочешь приставить к ней кого-нибудь, кто заберет...

– Чиро, – перебил Бримстоун. Мадригал передернуло, а он, повернувшись к Тяго, добавил: – Неужели есть возражения?

Возражать Тяго не стал.

– Отлично, – бросил он и рявкнул охранникам: – Вперед!

Чиро! Предательница станет той, кто дарует покой ее душе. Это было так несправедливо, так незаслуженно, на мгновение Мадригал подумала, что неправильно истолковала сказанное Бримстоуном. Внезапно на его

лице промелькнула улыбка. Верхняя губа бараньего рта лукаво искривилась, и Мадригал поняла.

Дряблый моллюск. С ним легко справиться.

Когда охранник вытолкал Мадригал из камеры, разум ее спешил осмыслить эту отчаянную идею – времени оставалось совсем немного.

60. Нашедшего прошу вернуть

Насколько она знала, такого не случалось никогда. Об этом даже не говорили, и, уж конечно, такое невозможно было проверить с естественным телом. Тело срастается с душой, как перламутр с песчинкой, образуя совершенную, неделимую сущность, разрушить которую может только смерть. В естественном теле нет места для гостей. Но тело Чиро представляло собой сосуд, и Мадригал это хорошо знала, потому что сделала его сама.

В путеводном дыме она, возможно, и вправду не нуждалась, зато ей была нужна близость тела. Она не могла перемещаться в пространстве – без движущей силы и средств управления. Чиро пришлось подойти, поскольку для ритуала благословения Бримстоун выбрал ее. Тяжелыми шагами она взшла на помост и опустилась на колени рядом с тем, что осталось от ее сестры. Трясаясь, подняла глаза в воздух над телом.

– Прости, Мад, – прошептала она. – Я не знала, что все закончится уничтожением. Мне так жаль.

Ее слова не тронули Мадригал, которая смотрела на собственное обезглавленное тело и не могла забыть криков Акивы. На что надеялась Чиро? На более мягкий приговор? Может, на ее воскрешение в теле низшего вида? Скорее всего, она думала вовсе не о Мадригал, а о том, как завладеть вниманием Тьяго. Любовь заставляет делать странные вещи, это Мадригал знала по себе. К тому же на свете не было ничего более странного, чем то, что она вот-вот собиралась совершить.

Бримстоун оказался прав – путеводный дым не понадобился. Неимоверным усилием воли она просочилась в тело, которое сама же и создавала с такой любовью и нежностью.

Особого сопротивления она не почувствовала – озлобленная душа Чиро, истощенная завистью, сдалась почти мгновенно. Мадригал не вытолкала ее из тела, только загнала вглубь. В глазах присутствующих сосуд так и остался Чиро.

При совершении обряда ее била страшная дрожь, но никому из зрителей это не показалось странным, ведь у ее ног лежало мертвое тело сестры. Сходя с помоста, она шагала жестко и порывисто, но и тогда никто не насторожился.

Сомнений не было, потому что до сей поры такого не случалось никогда. Чиро ушла, и на помосте осталось лежать пустое тело. Солдаты,

три дня подряд несшие вахту, охраняли лишь плоть и воздух, но не душу.

Бримстоун – единственный, кто почувствовал ее отсутствие, – не собирался делиться этой новостью ни с кем.

Именно глазами Чиро Мадригал в последний раз смотрела на Акиву. Ему устроили нечто, похожее на дыбу: крылья и руки вывернули назад и кольцами приковали к стене. Когда она вошла в камеру, он бросил на нее мертвенный взгляд.

Белки глаз покраснели – от потуг сотворить магию капилляры полопались. Золотистый свет – чудесный огонь – почти погас, и Мадригал показалось, что его душа догорает. Это было чудовищно – хуже ее собственной смерти.

Восстанавливая в памяти события обеих жизней, Кэроу припомнила его мертвые глаза, поразившие ее в первую их встречу. Позже она задавалась вопросом, откуда у него такой взгляд. Теперь все встало на свои места. Сердце защемило, когда она представила, что все эти годы их разделял целый мир. Она росла в новом теле, наивная, беспечная, растрачивала по пустякам желания, а он горевал с истерзанной до смерти душой.

Если бы только он знал.

В тюремной камере она бросилась освобождать его. К счастью, помогла алмазная сила Чиро. Цепи натянули так туго, что руки Акивы вывернулись из суставов. Она боялась, что он, обессиленный, не сможет улететь или сотворить волшебство и незаметно выбраться из города. Напрасные страхи. Когда цепи упали, он не осел вниз, а подскочил, словно хищник, только того и ждавший. Перед ним – Чиро. Размышлять, почему незнакомка решила его освободить, он был не в состоянии. Не успела она и рта раскрыть, как он с силой швырнул ее об стену. Она погрузилась в темноту.

На этом воспоминания заканчивались. Спросить, как Бримстоун нашел ее и забрал душу, Кэроу сможет только при встрече с ним. А пока ей известно лишь то, что ему удалось это сделать.

– Я не знал, – произнес Акива, нежно и медленно глядя ее волосы, голову, шею, плечи. – Если бы я знал, что он тебя спас... – Он крепко прижал ее к себе.

– Как я могла признаться, что это я? Ведь ты бы не поверил. Ты не знал о воскрешении.

Он сглотнул. А потом прошептал:

– Знал.

– Что?! Как?

Они все еще стояли у изножья кровати. Кэроу растворилась в чувствах. Перебирала свои воспоминания. Простая, всепоглощающая радость – быть рядом с Акивой. Необычная борьба между чем-то знакомым и... утраченным. Тело семнадцатилетней девушки – оно принадлежит ей так давно, и в то же время – оно новое. Отсутствие крыльев, подвижность человеческих ног со сложной системой мышц, безрогая голова, легкая как ветер.

Но было что-то еще, какой-то сигнал, тревога, ощущение, пока не вполне ясное.

– Тяго, – произнес Акива. – Он... говорил со мной, пока... В общем, злорадствовал. И все мне рассказал.

В это Кэроу могла поверить. Перед глазами мелькнули новые картинки из памяти: Волк просыпается на каменном столе, а она – Кэроу – держит его за помеченную хамсами руку. Если бы не Бримстоун, он убил бы ее. Теперь она поняла, почему так разъярился Бримстоун. Долгие годы он прятал ее от генерала, а она является в храм и хватает Тяго за руку.

Она прильнула к Акиве.

– Я могла бы попрощаться, – сказала она. – Но даже и не подумала об этом. Просто хотела тебя освободить.

– Кэроу...

– Ничего. Теперь мы вместе.

Она вдохнула его аромат, такой знакомый, теплый и дымный, и прижалась губами к шее. Акива выжил. Она тоже. Впереди столько всего. Губы Кэроу проделали путь от его шеи к линии подбородка, она вспоминала его, открывала заново. В его объятиях было уютно, как раньше, – удивительным образом тела сливались, исключая все отрицательное пространство. Она отыскала его губы. Взяла за голову и наклонила к себе.

Почему ей приходится это делать?

Почему... Акива не отвечает на ее поцелуи?

Кэроу открыла глаза. В его взгляде было не желание, а... боль.

– Что? – спросила она. – Что случилось?

Ужасная мысль промелькнула в голове, заставила отойти от него и обхватить себя руками.

– Это... из-за того, что я не «чистая»? Потому что меня... создали?

Что бы его ни мучило, вопрос только ухудшил положение.

– Нет, – горестно ответил он. – Как ты могла такое подумать? Я не Тяго. Ты обещала, Кэроу. Ты обещала помнить, что я тебя люблю.

– Что тогда, Акива? Почему ты так странно себя ведешь?

– Если бы я знал... О, Кэроу! Если бы я только знал, что Бримстоун тебя спас... – Он отбросил волосы назад, проведя сквозь них пальцами, и зашагал по комнате. – Я думал, что он с ними, против тебя, а ты его любила как отца, и от этого его предательство казалось еще отвратительнее...

– Нет. Он тоже хочет мира. И может нам помочь...

Его взгляд – такой несчастный – заставил ее замолчать.

– Если бы я знал, Кэроу, – сказал Акива, – я бы поверил в спасение. Я бы ни за что... *ни за что*...

У Кэроу зашло сердце. Что-то было неладно, совсем неладно. Она понимала, но боялась спросить, не хотела слышать, и в то же время знать было необходимо.

– Чего бы ты не сделал? Акива, чего?

Он остановился, обхватил ладонями голову.

– Помнишь, в Праге ты спросила, как я тебя нашел?

Кэроу помнила.

– Ты сказал, это было нетрудно.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и с явной неохотой отдал ей.

– Что?.. – начала было она, но осеклась и стала разворачивать листок. Руки неудержимо дрожали, сильно изношенный сгиб разошелся, разделив на две половины ее автопортрет с надписью: «*Нашедшего прошу вернуть*».

Это была страница из альбома, оставленного в лавке у Бримстоуна. Осознание пришло мгновенно: листок мог оказаться у Акивы лишь одним путем.

Кэроу ахнула. Все встало на свои места. Черные отпечатки ладоней, голубое пламя, которое уничтожило порталы и магию и положило конец делу Бримстоуна. И слова Акивы, объясняющего, зачем это нужно.

Чтобы закончить войну.

Давным-давно, когда они вместе мечтали о конце войны, то думали, что этого можно достичь, установив мир. Но оказалось, мир – не единственный путь покончить с войной.

Она все поняла. Тяго выболтал самую главную тайну химер, потому что рассчитывал, что тайна эта умрет вместе с Акивой. А она – *именно она* – освободила его, отпустила на волю вместе с этой тайной.

– Что ты сделал? – все еще не веря, спросила она прерывающимся голосом.

– Прости, – прошептал он.

Черные отпечатки, голубое пламя.

Конец возрождению.

Руки Акивы, его ладони, которыми он держал ее в танце, во сне, в любви, костяшки пальцев, перецелованные и прощенные ею, были покрыты новыми метками. Полностью.

– Нет!

У нее вырвался крик, долгий и умоляющий, потом она схватила его за плечи – ногти впились в кожу, – схватила и не отпускала, заставила смотреть ей в лицо.

– Говори! – потребовала она.

Хриплым голосом – скорбным, невыносимо печальным – Акива произнес:

– Они погибли, Кэроу. Слишком поздно. Они все погибли.

Эпилог

Брешь в небе не представляла собой ничего похожего на хитроумный, устроенный наподобие птичьего вольера портал Бримстоуна. Двери не было, охранника тоже. Защитой ей служило лишь неведомое местоположение в вышине над Атласскими горами, да узость – размах крыльев у серафимов и то больше.

Удивительно, что по прошествии столь долгого времени Разгуту все-таки удалось отыскать брешь.

«Может быть, – подумала Кэроу, глядя на существо, – не так уж и удивительно, что самое неприятное событие в жизни отпечатывается в памяти ярче любой радости». Теперь она поняла, почему болью расплачивались за магию: боль сильнее удовольствия. Сильнее всего.

Сильнее надежды?

Перед глазами встал объятый смертельным огнем Лораменди, словно она сама была там: пламя пожирает трупы химер, которые колышутся в нем, подобно лоскутам выброшенной ткани, а Акива с башни наблюдает за всем этим, вдыхая насыщенный прахом ее народа воздух. Она помнила запах дыма, и подумала, что пепел все еще оставался на его коже, когда она целовала его.

Благодаря ей он остался в живых и совершил это.

И все-таки она не могла его убить, хотя он сам принес из Праги ножи и упал бы на колени, чтобы упростить ей задачу.

Она покинула его, и после всего случившегося расстояние между ними все увеличивалось и увеличивалось. Это было так несправедливо. Внутри поселилась ноющая пустота, ставшая теперь ее сущностью. Самая слабовольная часть ее души хотела ничего не знать о предательстве Акивы, вернуться назад, к ослепительному, ничем не омраченному счастью.

– Ты идешь? – спросил Разгут, протискиваясь сквозь пробоину в мире, половина его тела уже проникла в Эрец.

Кэроу кивнула. Оставшаяся половина тоже исчезла, и Кэроу, вдохнув сырой воздух, собрала с силами, чтобы последовать за ним. Счастья больше не было. Но, несмотря на страдания, теплилась еще надежда.

Что Бримстоун дал имя ей не просто из прихоти.

Что это еще не конец.

...продолжение следует.

---

notes

Примечания

Бэпкер (от *англ.* backpack – «рюкзак») – турист, путешествующий за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Моляры – постоянные зубы верхней и нижней челюсти, расположенные по три с каждой стороны зубного ряда; имеют жевательную поверхность.

Кетгут – нити, вырабатываемые из кишок мелкого рогатого скота; хирургический шовный материал.

Смор (s'more) – традиционное американское угощение, которое едят в детских лагерях: зефир поджаривается на костре и вместе с кусочком шоколада кладется между двумя печеньями.

Неф (фр. nef, от лат. navis – корабль) – часть интерьера, вытянутое помещение, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

Колач – чешский пирог из дрожжевого теста со сладкой начинкой или сыром.

Сметана, Бедржих (1824–1884) – чешский композитор, дирижер, пианист. Основоположник чешской оперы.

Градчаны – один из исторических районов Праги.

Агора – главная городская площадь.